

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.)

Перевод с арабского, вступительная статья и примечания

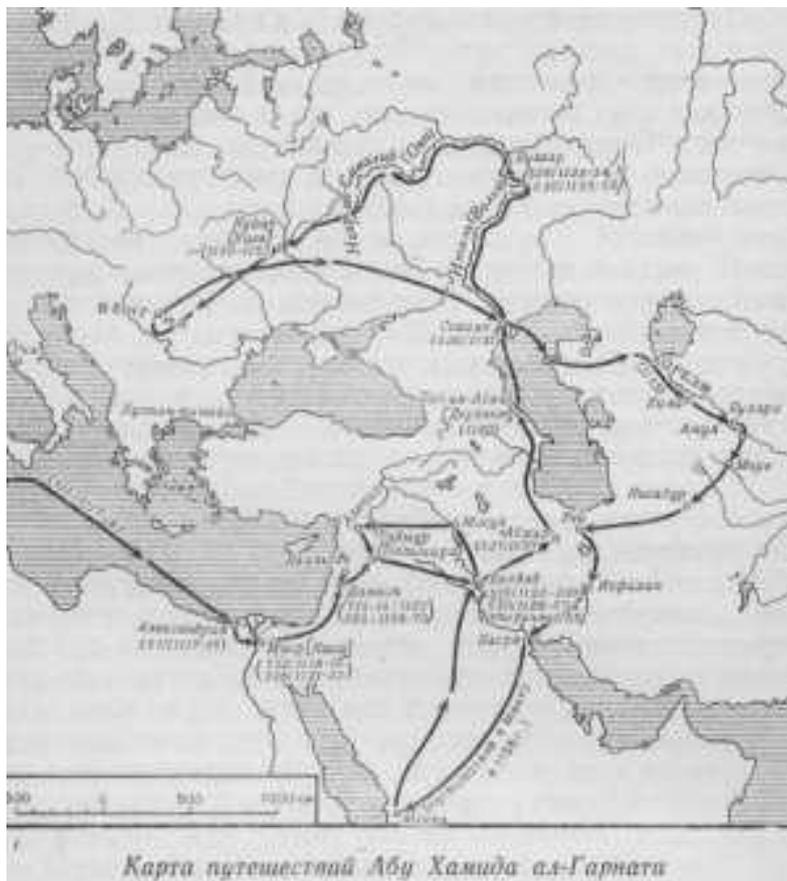
О. Г. Большакова,
исторический комментарий

А. Л. Монгайт

Большаков О. Г.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / О. Г. Большаков, А. Л. Монгайт. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. — 134 с.

Перевод на венгерский яз. Будапешт, 1985.

Рассказ арабского путешественника XII в., побывавшего на территории современного Дагестана, Поволжья, в Карпатах и других местах Восточной Европы. Русский перевод сопровождается подробным комментарием специалистов.

Источник: <http://www.vostlit.info/haupt-...>

Ссылки

- [Большаков, Олег Георгиевич](#) // Википедия

³⁶ *** У других авторов ***, о городище Суvara и его раскопках см.: А. П. Смирнов, Волжские Булгары, — Труды ГИМ, вып. XIX, М., 1951, стр. 230—265. Есть предположение, что название города связано с этнонимом «чуваши» (арабское *** часто заменяет отсутствующий в арабском языке звук «ч», откуда: суваз — чуваз — чуваши) (Ковалевский, Чуваши к булгары, стр. 35, 101—103). Ал-Гарнати впервые сообщает о большой колонии суварцев (скорее всего купцов) в Нижнем Поволжье.

Большаков О. Г. Примечания // Ал-Гарнати Абу Хамид. Птешествие в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). — М.: Гл. ред. восточ. лит., 1971. — С. 67.

Содержание

[Предисловие](#)

Введение

Ясное изложение некоторых чудес Магриба

Предисловие

Имена таких путешественников средневековья, как Марко Поло, Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Афанасий Никитин, хорошо известны миру. Их смелость, настойчивость и любознательность помогли Европе познакомиться с далекими в ту пору, полумифическими странами, хоть сколько-то рассеять туман средневекового фантастического видения мира. Восточные же путешественники, открывавшие для своих соотечественников Европу, пользуются меньшей известностью, хотя их сведения не только были интересны современникам, но и сейчас очень важны для истории Восточной и Центральной Европы, прежде всего для истории нашей родины.

Автор, с которым мы хотим вас познакомить, Абу Хамид ал-Гарнати, конечно, не выдерживает сравнения с Марко Поло, но его непритязательные рассказы о том, что он видел в Поволжье, на Руси и в Венгрии, не только любопытны как свидетельства очевидца, но и являются ценным историческим документом.

Арабская географическая литература сохранила множество сведений, собранных от купцов, путешественников, ученых и пр. об истории, этнографии многих стран мира. Сведения арабских авторов о Восточной Европе являются важнейшим историческим источником. Но чаще всего эти сведения записаны не очевидцами, а взяты из вторых или третьих рук. Всего три путешественника побывали в Восточной Европе и оставили нам сочинения о славянах: это Ибн Фадлан, который собственно в славянских землях не был, но в Булгаре на Волге в 921—922 гг. встретился со славянскими купцами; это Ибрахим ибн Йа'куб, получивший обширные сведения о славянах во время своего путешествия в Южную Германию ко двору Оттона I во второй половине X в., и, наконец, это наш Абу Хамид ал-Гарнати, единственный араб-путешественник, побывавший в Русских землях в 1150—1153 гг. Ибн Фадлан стал известен ученым свыше 130 лет назад, давно уже хорошо издан Ибн Йа'куб, а Абу Хамид был известен по его сочинению Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб («Подарок умам и выборка из чудес») и отрывкам из сочинений, заимствованным у него другими арабскими географами. Его труд ал-Му'риб ан ба'д аджаиб ал-магриб («Ясное изложение некоторых чудес Магриба») считался утерянным. И вот неожиданно немногим более 20 лет назад в Мадриде в библиотеке испанской «Real Academia de Historia» была найдена эта считавшаяся утраченной рукопись. В 1953 г. ее издал с переводом на испанский язык С. Дублер, и она стала известной ученым почти через 800 лет после того, как была написана.

Главной нашей задачей является познакомить советского читателя с русским переводом Му'риба ал-Гарнати. Однако мы сочли целесообразным перевести также отрывки из Тухфат ал-албаб и так называемой готской рукописи. О мотивах такого решения читатель узнает дальше из введения к книге, следующего за нашим предисловием. Перевод сопровождается филологическим и историческим комментариями, которые должны помочь читателям понять некоторые сообщения ал-Гарнати и вместе с тем представляют попытку истолкования загадочных и непонятных мест рукописи. Как обычно в сочинениях восточных путешественников, у Абу Хамида заметки о личных наблюдениях перемешаны с услышанными

легендами и преданиями. Абу Хамиду казалось чудесным то, что нам кажется обычным. Уроженцу Гренады, значительную часть жизни проведшему в Багдаде и Дамаске, снег и хождение на лыжах казались таким же чудом, как и поступки джиннов. Последние, впрочем, в его представлении — существа вполне реальные. Только при соответствующей критике сведения Абу Хамида обретают значение исторических фактов. Этому и посвящена значительная часть комментариев.

На характер комментариев налагает определенный отпечаток задача настоящего издания. Оно не является только публикацией источника, рассчитанной на узкий круг специалистов. Мы надеемся, что эта книга станет объектом внимания широкого круга читателей. Конечно, востоковеду покажутся излишними объяснения таких обычных терминов, как джихад или харадж. а специалистам по русской истории — элементарные сведения о Киеве или Булгаре. Но мы сочли нужным дать и те и другие объяснения, чтобы облегчить читателю-неспециалисту ориентацию в переведенном тексте.

О. Г. Большаков. А. Л. Монгайт

Ал-Гарнати и его сочинения

Абу Хамид Мухаммад ибн Абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалуси родился в Гренаде 1 в 1080 г. 2. О его жизни на родине мы ничего не знаем. Он получил, вероятно, обычное для своего времени богословско-филологическое образование, умел составлять школярские стихи, образец которых есть в публикуемом переводе, но к поэзии влечения не чувствовал, что видно хотя бы из того, что в первом его сочинении почти полностью отсутствуют поэтические цитаты, столь милые сердцу его современников. Его специальностью стало мусульманское право, фикх, в котором он также не достиг особых успехов, и, если бы ал-Гарнати остался на родине, его имя было бы всеми забыто.

В юном возрасте ал-Гарнати, подобно многим своим соотечественникам, покинул Андалусию, чтобы продолжить образование в центре мусульманского мира. Морем, мимо Сицилии и Мальты, он прибыл в Александрию в 511/1117-18 г. 3, слушал там лекции ученых, а в следующем году перебрался в Каир, в то время второй [8] (после Багдада) культурный центр мусульманского мира.

В Каире и Александрии ал-Гарнати не только слушал лекции богословов и грамматиков, но и с большим интересом знакомился с древностями Египта, он видел Фаросский маяк, который вскоре разрушился, залезал внутрь пирамиды Хеопса, осматривал обелиск в Айн Шамсе, который, как и Фаросский маяк, не сохранился до наших дней. На шумных базарах Каира он встречал представителей разных народностей Черной Африки и ее диковинные товары. Египет в ту пору вел также оживленную торговлю с Дальним Востоком, так что здесь можно было встретить людей, побывавших в Индии и даже в Китае 4. Все эти впечатления через несколько десятилетий будут отражены в сочинениях ал-Гарнати.

Через год или два ал-Гарнати направился в Багдад, тогдашнюю духовную столицу мусульманского мира. Путь его лежал через Аскалон, Баальбек и Дамаск, в последнем он задержался на некоторое время для преподавания хадисов 5. Оттуда через Тадмор (Пальмиру) он в 1122-23 г. прибыл в Багдад. В Багдаде ал-Гарнати прожил четыре года, пользуясь гостеприимством Ибн Хубайры, будущего везира нескольких халифов. Здесь же у него родился первый сын, Хамид, по которому он получил почетное прозвание (кунья) Абу Хамид («отец Хамида»).

Такие поездки из города в город «в поисках знаний» были обычны для мусульманских ученых того времени, и им не приходится удивляться, яо затем Абу Хамид выходит за рамки обычных маршрутов. В 1130 г. мы видим его в Абхаре, по дороге в Ардебиль, крупный город Южного Азербайджана, хотя ясно, что не этот город был целью его путешествия, так как в том же году он переваливает через горы в Муганскую степь и оттуда через Апшеронский полуостров попадает в Дербент. В следующем году ал-Гарнати уже живет в Саксине, городе в низовьях Волги. [9]

Трудно сказать, что побудило ал-Гарнати двинуться в этот дальний путь. Искать себе учителей в захолустье мусульманского мира после Каира, Дамаска и Багдада он, конечно, не мог, да и возраст был уже не тот. Может быть, его подтолкнуло любопытство з сочетании с расчетом извлечь в этих краях наибольшую выгоду из своих знаний; несмотря на солидный возраст 6, Абу Хамид полон энергии и миссионерского пыла — всюду он наставляет местных мусульман, не искушенных в тонкостях вероисповедания и мусульманского права. В Дербенте (или в одном из селений под Дербентом) его принимает эмир, которому он преподает уроки мусульманского права, в Саксине у него собираются местные правоведы, к нему приходят за разрешением трудных случаев. Саксин на 20 лет стал домом ал-Гарнати. Оттуда он совершал поездки в Булгар (1135-36), где пробыл по крайней мере зиму и лето, и дважды побывал в Хорезме 7. Частые поездки из Саксина вызывают вопрос, кто такой Абу Хамид: любитель путешествий или предприимчивый купец, оставивший, на наше счастье, записки о виденных им диковинках? Конечно, он прежде всего мусульманский правовед и проповедник, миссионерство которого не было подвижничеством. Авторитет «специалиста из центра» способствовал получению щедрых даров от власть имущих мусульман, [10] а при случае Абу Хамид не упускал возможности выгодно купить и продать. При всем этом нашему автору нельзя отказать с любознательности и интересе к посещению незнакомых мест, без чего он никогда не пустился бы в странствие в такие дальние для него края. Не исключена возможность, что в некоторых поездках, особенно в Хорезм, он мог выполнять дипломатические поручения.

В 1150 г. ал-Гарнати из Булгара отправился на Русь, проехав по какой-то «Славянской реке» (возможно, Ока?). Он единственный мусульманский автор, побывавший на Руси и сообщаящий нам такие сведения, которых мы не найдем даже в русских источниках. [11] Можно только сожалеть о том, что здесь его больше интересовало обучение печенегов пятничной молитве, чем жизнь чуждого ему христианского Киева.

Знакомство с печенегами, кочевья которых протянулись от Волги до Дуная, несомненно сыграло роль в выборе дальнейшего маршрута — Абу Хамид едет в Венгрию, где кочевники-тюрки, в значительной части исламизированные, составляли важнейшую ударную силу в руках венгерских королей 8. Здесь ал-Гарнати также выступает в роли наставника мусульман-кочевников: одних он учит обрядности, другие становятся его учениками. Возможно, он преувеличивает свою роль, но то, что он удостоился аудиенции у короля и выполнял его поручения на обратном пути в Саксин, говорит за то, что в Венгрии Абу Хамид все-таки был не рядовым путешественником.

В Венгрии ал-Гарнати прожил три года (1150— 1153), подошла старость, пора было исполнить долг мусульманина — совершить паломничество в Мекку. Король не хотел отпускать его из Венгрии (вероятно, ал-Гарнати действительно пользовался

влиянием на мусульман Венгрии) и согласился на его отъезд лишь при условии его возвращения в Венгрию, в залог этого пришлось оставить старшего сына Хамида.

Через Киев, Саксин и Хорезм ал-Гарнати отправился в паломничество. Но из Мекки он не поехал ни в Венгрию, ни в Саксин, где оставалась часть его семьи, а возвратился в Багдад, где его давний знакомец Ибн Хубайра пятый год был везиром халифа ал-Муктафи. Ибн Хубайра приветливо его встретил и даже добыл рекомендательное письмо к сельджукскому султану Конии с просьбой содействовать ал-Гарнати возвратиться в Венгрию, чтобы забрать с собой семью. Однако что-то помешало ему воспользоваться письмом халифа, и он остался в Ираке.

За сорок лет странствий ал-Гарнати повидал столько необычайного, сколько не снилось его собеседникам в Багдаде: Геркулесовы столпы и далекую Венгрию, морозы Булгара и короткие летние ночи, бревенчатые избы и огромную реку Итиль, кишмя кишашую [12] необычайно вкусной рыбой. Все это было настолько удивительно, что слушатели охотно верили и рассказам о девушке, вышедшей из китового уха, и всяким другим чудесам. Восхищенные слушатели упросили Абу Хамида записать свои рассказы о виденном и слышанном. Он решился не сразу: «Если бы не эти достойные имамы, которые просили меня и желали, чтобы был собран этот сборник, то я не взялся бы за этот сборник, ибо не считаю себя способным к сочинительству», — писал он в конце первого своего сочинения, Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб («Ясное изложение некоторых чудес Магриба»), которое посвятил Ибн Хубайре.

Успех книги превзошел ожидания автора, скептически смотревшего на свои способности. Через семь лет, в 1162 г., будучи в Мосуле, он написал второе сочинение, озаглавленное сначала Тухфат ал-албаб («Подарок умам»), а затем в несколько более полной редакции получившее то название, под которым оно более всего известно: Тухфаг ал-албаб ва нухбат ал-а 'джаб («Подарок умам и выборка из чудес»). Этот вариант сопровождался посвящением Му'ин ад-Дину Абу Хафсу Умару ал-Малла, главе суфиев Мосула. Это сочинение было прочитано автором в нескольких лекциях в келье Му 'ин ад-Дина, закончившихся 22 марта 1162 г.; слушавшие получили разрешение автора распространять его на основании их записей 9.

Окончив Тухфат ал-албаб, ал-Гарнати переехал в Сирию, где и скончался в 1169-70 г. семидесяти лет от роду. Безыскусные сочинения ал-Гарнати стали очень популярными. «Абу Хамид угадал спрос будущих поколений, и с этого времени жанр космографии, окрашенных элементами чудесного, делается особенно популярным» 10. Вероятно, именно поэтому первое его сочинение, в меньшей степени отвечающее такому спросу, целиком сохранилось только в одной рукописи (в библиотеке Академии истории в Мадриде), тогда как Тухфат ал-албаб представлена по крайней мере 26 рукописями 11 (из них две в СССР). [13]

Одна из рукописей Тухфат ал-албаб поступила в Азиатский музей (ныне Ленинградское отделение Института востоковедения) в 1871 г. и в числе других новых поступлений описана Б. Дорном с подробным изложением содержания и переводом на немецкий язык ряда отрывков, посвященных Прикаспию и Поволжью 12. Впоследствии В. В. Бартольд опубликовал из нее отрывок текста о зирихгаранах. Зная лишь Тухфат ал-албаб, В. В. Бартольд был невысокого мнения об ал-Гарнати и охарактеризовал его как «сомнительного» автора 13. Того же мнения придерживались многие европейские востоковеды.

С прогрессом востоковедения рос интерес к этому сочинению: в начале 20-х годов два востоковеда, Ф. Тауэр и Г. Ферран, независимо друг от друга по разным рукописям решили опубликовать критический текст Тухфат ал-албаб. В 1925 г. появилось издание Г. Феррана, и Ф. Тауэру пришлось, к сожалению, отказаться от своего замысла, хотя им было учтено большее количество рукописей 14.

В основу издания Ферран положил одну из пяти рукописей Национальной библиотеки в Париже, для сравнения привлекались десять рукописей, в том числе и ленинградская, судить о которой издатель мог только по переводам Б. Дорна. В качестве приложения Г. Ферран издал значительный отрывок текста алжирской рукописи, опущенный в других рукописях Тухфат ал-албаб 15, и отрывки из космографии Закарии ал-Казвини (XIII в.), являющиеся цитатами из сочинения ал-Гарнати, но отсутствующие в Тухфат ал-албаб 16.

Издание Г. Феррана помогло ознакомлению востоковедов с этим интересным памятником, хотя и не сняло с него полностью подозрения в недостоверности: многое в жизни автора оставалось неизвестным, и не всегда можно было отличить его личные впечатления от заимствований. Некоторый оттенок неуверенности в оценке сведений Абу Хамида чувствуется и [14] в тех строках, которые посвящены ему И. Ю. Крачковским 17.

Положение изменилось, когда в 1953 г. С. Дублер опубликовал часть обнаруженной им в Мадриде рукописи ал-Гарнати ал-Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб 18, которая до того была известна только по упоминанию у библиографа XVII в. Хаджи Халифы. Издание сопровождалось испанским переводом и обширным исследованием о Восточной Европе, малоинтересным для нас из-за обилия общеизвестных сведений, но, вероятно, полезным для испанского читателя.

Новый источник, содержащий свежие и подчас неожиданные сведения о Восточной Европе и Венгрии, сразу привлек к себе внимание. На следующий же год появилась статья И. Хрбека, в которой он знакомил чешских читателей с содержанием нового сочинения, привел перевод наиболее интересных мест и предложил ряд поправок к чтению С. Дублера 19. Еще через год тот же автор сделал обстоятельный обзор издания С. Дублера с точки зрения методики публикации и использования материала и провел интересный анализ использования сведений ал-Гарнати у Закарии ал-Казвини 20.

У нас первая статья, посвященная новому источнику, появилась только в 1959 г. 21 и принадлежала не востоковеду, а археологу, занимающемуся русской археологией, А. Л. Монгайту 22. Некоторые отрывки из Му'риба были переведены Б. Н. Заходером 23, но полный перевод всего текста с предварительным исследованием, необходимость издания которого не вызывала сомнения, появляется только сейчас.

Чрезвычайно краткое изложение содержания не изданной С. Дублером части рукописи (95 листов из 114) не позволяет составить полное представление о ее характере 24. Она посвящена прикладной астрономии, ориентации мечетей, хронологии различных народов, [15] описанию чудес и диковинок Магриба, Александрии и Каира. Опубликованный теист Му'риба начинается буквально с полуслова, с определения к отсутствующему слову (в рукописи в этом месте пропуск), и производит впечатление логической несвязанности между ним и предыдущим текстом. Это впечатление подкрепляется тем, что астрономия, насколько можно судить по опубликованной части и по Тухфат ал-албаб, совершенно не интересовала ал-Гарнати. Получить микрофильм этой рукописи из

Мадрида было невозможно. Оставалось проверить мельком высказанное предположение И. Хрбека, что одна из рукописей Му'риба, может быть, скрывается под другим названием в библиотеке Готы. Каталог рукописного собрания Готы гласит: «Описание путешествия, автор, как он сообщает во введении, родился в Гренаде... Ценность всего описания путешествия очень невелика, так как сообщает почти исключительно о чудесах, а следовательно, по большей части бессмысленных баснях» 25. Оценка не обнадеживающая, но каталог составлен более восьмидесяти лет назад, когда ал-Гарнати считался ненадежным автором, к тому же для нас важна не оценка, а то, что это рукопись не Тухфат ал-албаб, а какого-то другого сочинения того же автора.

Автор этих строк уже собирался писать в Готу, когда Ленинградское отделение Института востоковедения проездом посетил сотрудник Института востоковедения Академии наук ГДР д-р М. Роббе, любезно согласившийся содействовать получению микрофильма 26. Вскоре микрофильм готской рукописи оказался в нашем распоряжении. С первых же строк стало ясно, что перед нами неизвестное начало нового сочинения ал-Гарнати:

«Это — книга Нухбат ал-азхан 27 фи аджаиб ал-бул-дан («Выборка воспоминаний о чудесах стран»). Во имя Аллаха милостивого и милосердного, на него уповаю. [16] Сказал шейх, имам, ученейший Абу Хамид ибн Абу-р-Раби Абд-ар-Рахим ибн Сулайман ибн Раби ал-Кайси ал-Андалуси ал-Гарнати, да помилует его Аллах! А после 28: просила меня группа людей науки и веры, чтобы я рассказал им о том, что я видел из чудес в странах и морях и какие чудеса я считаю действительными в сообщениях, достойных авторитетов. И я согласился на то, о чем они просили, прося помощи у Аллаха великого и славного... И составил я. этот сборник для библиотеки Абу-л-Музаффара Йахьи ибн Хубайры».

Далее автор говорит о себе: «Что касается моего имени, то оно — Мухаммад ибн Абд-ар-Рахим ибн Сулайман ибн Раби ал-Кайси ибн Гайлан ибн ал-Басир ибн Рида Абу Тураб; что же касается места моего рождения, то оно на крайнем Западе, на [полу]-острове, называемом ал-Андалус, — на нем сорок городов, и место моего рождения в одном из них, называемом ал-Гарната». После этого без всякого перехода начинается рассказ о достопримечательностях и чудесах Андалусии, о пещере с семью спящими отроками, о медном городе, построенном джиннами для Сулаймана, о морских чудовищах и океанских приливах и отливах. Большинство этих сведений содержится в Тухфат ал-албаб, и, так же как там, никакого видимого порядка в их изложении не удастся установить. Зато из описания Сицилии и извержения Этны 29 становится очевидным, что перед нами если не путевые записки, то воспоминания о путешествии, изложенные более или менее последовательно: Сицилия, Мальта 30, Александрия, Каир, Аскалон, Дамаск, — о пребывании в Ираке не говорится ничего, так как записки предназначались для багдадских знакомых [17] ал-Гарнати, — далее упоминаются Ардебиль, Муган, Баку, Дербент и Саксин, рукопись обрывается на описании деревянных домов Булгара. Рукопись не очень аккуратная, встречаются пропуски, восстановленные на полях, некоторые слова явно искажены. Даты переписки нет, зафиксировано только время составления данной редакции: «Говорит переписчик книги, с которой сделан этот список, а имя его Исхак ибн Хаудал: «Много таких рассказов 31 я слышал, когда вели меня пленным в страну гурджей 32, и спасся я от татар и вышел из Тифлиса, направляясь в Багдад» 33.

Тождество Му'риба и Нухбат ал-азхан готской рукописи не вызывает никакого сомнения, поскольку, к счастью, конец готской рукописи перекрывает начало

текста дублеровского издания (стр. 1—6); разночтения, имеющиеся в этой части, не настолько зна. чительны, чтобы думать, что перед нами разные сочинения,— такие же разночтения встречаются, например, в различных рукописях Тухфат ал-албаб; и Му'риб и Нухбат ал-азхан посвящены одному лицу, Ибн Хубайре. Однако часть мадридской рукописи (лл. 136—386; 50а—956) не имеет, вероятно, отношения к ал-Гарнати, текст Му'риба приходится только на лл. 1—13а, 40а—49б, 96а—114б. Имея теперь полный, хотя, быть может, и не безупречной сохранности, текст первого сочинения ал-Гарнати, мы получаем не только новые факты, но к возможность по-новому понять сравнительно хорошо изученный Тухфат ал-албаб.

Му'риб — по-существу, запись рассказа о поездках автора, о виденном и слышанном в дальних странах. Язык его очень прост, с явными разговорными интонациями, иногда наблюдаются неловкие повторения, характерные для устной речи, записанной слушателем, а не для письменного произведения. В этом сочинении ал-Гарнати совершенно оригинален и свободен от литературных заимствований: кроме двух стихов самого автора, в тексте нет ни одной стихотворной цитаты. Исключение составляет вставной рассказ о легендарном племени Ад с длинной бездарной стихотворной [18] эпитафией, взятый из неизвестного нам сочинения Сийар ал-мулук («Жизнеописания царей») аш-Ша'би.

Зато к Тухфат ал-албаб ал-Гарнати подошел как заправский писатель. Содержание его в значительной мере повторяло Му'риб, но композиция и направленность сильно изменились. Вместо путевых записок появилось сочинение о чудесах и диковинах. Это подчеркивается даже оглавлением:

I глава. Описание мира и его обитателей из людей и джиннов.

II глава. Описание чудес стран и необычайных построек.

III глава. Описание людей и диковинных животных в них.

IV глава. Описание пещеры и могил.

Сравнительно связный рассказ Му'риба о путешествии оказался разбросанным по разным главам, связь между эпизодами потерялась, некоторые рассказы исчезли, кое-что было добавлено на основании личных впечатлений, не вошедших в Му'риб, но основные добавления были почерпнуты из литературных источников. На первом месте стоит уже упоминавшееся выше сочинение «Жизнеописания царей» аш-Ша'би, откуда взяты все сведения о Шаддаде ибн Аде, о Многоколонном Ираме, о людях без голов; живущих в Судане 34. Часть таких же фантастических сведений заимствована из других книг, например о половинках людей, живущих около Саны, он пишет, ссылаясь на какую-то «Историю Сана» 35. Прибавилось в новой книге и стихов, по большей части они вошли вместе, с отрывками из сочинений, которые использовал ал-Гарнати; стихи, которые он ввел сам, благочестивого содержания; одна стихотворная цитата из ал-А'ши, возможно, заимствована из «Истории Йемена» вместе с предыдущим двустишием 36.

Именно эти дополнения, сделавшие Тухфат ал-албаб популярным на всем мусульманском Востоке, явились причиной недоверчивого отношения к сведениям ал-Гарнати в среде востоковедов. Заодно с заведомыми [19] легендами отвергались как выдумки описания некоторых морских животных, имеющие под собой вполне реальную основу 37. Нам сейчас легче, чем прежде, отделить легендарные рассказы, слышанные ал-Гарнати в Восточной Европе, от литературных заимствований.

Нам, конечно, важно знать, насколько можно доверять сообщениям Му'риба о Восточной Европе, не фантастическим и легко выделяемым рассказам о девушке, вышедшей из китового уха, или о чудесном купольном здании в Хорезме с недоступными сокровищами таким важным сведениям, как, например, о меновых деньгах. Ответ может быть только один: сведения ал-Гарнати — сведения очевидца, весь рассказ настолько непосредствен, что нет никаких оснований подозревать его не только в измышлениях, но и в том, что он заимствовал их у недостоверных осведомителей. Мы можем встретить у него явные преувеличения вроде чудесной ящерицы, виденной им где-то в При-карпатье, но не следует забывать, что перед нами типичный человек средневековья, легко допускающий чудесное и объясняющий им все непонятное. Зато во всем, что касается повседневности, ал-Гарнати скрупулезно точен. Этот ал-Гарнати, старик, разбросавший по свету кучу жен и детей и подыскивающий себе новых молоденьких невольниц, нам неприятен своей грубой и беззастенчивой практичностью и стремлением не упустить выгоду, но именно в этом залог достоверности всех реалий, сообщенных им.

Впрочем, даже фантастические рассказы ал-Гарнати имеют определенную ценность. Некоторые из них встречаются уже в «Записке» Ибн Фадлана, побывавшего на Волге в 922 г. Как показал А. П. Ковалевский, глубоко исследовавший «Записку», эти фантастические рассказы отражают фольклор народов Поволжья³⁸ и в этом отношении могут считаться своего рода документом. Повторение тех же рассказов у ал-Гарнати, побывавшего здесь спустя два с лишним столетия (и добавим — ничего не знавшего о своем предшественнике и его «Записке»), лишний раз подтверждает справедливость вывода А. П. Ковалевского. [20]

Сравнение сведения этих двух путешественников явно в пользу ал-Гарнати. Если для Ибн Фадлана за страной Вису находятся легендарные Йаджудж и Маджудж (гог и магог), которым Аллах присылает для пропитания гигантскую рыбу³⁹, то у ал-Гарнати речь идет о вполне реальном народе Йура (Югра), а в рассказе о гигантской рыбе можно узнать нередкие прежде случаи обсыхания китов на прибрежных отмелях. Аналогичный сюжет о гигантской рыбе, выбрасывающейся на берег от преследования еще большей, встречается у ал-Гарнати в описании Атлантического побережья Испании и Гибралтарского пролива⁴⁰, размеры этих рыб лежат на совести рассказчика, но и в том и в другом случае имеются в виду вполне реальные киты. В оправдание нашего автора можно сказать, что и сейчас популярные журналы грешат склонностью к публикации фантастических сообщений о морских и озерных чудовищах, так что же требовать от человека средневековья.

Точно так же различаются рассказы о гигантах у обоих авторов. Гигант Ибн Фадлана появился неведомо откуда, приплыв по реке, высота его 12 локтей (6 м), он пожирал людей, и от его дурного глаза происходили всякие несчастья, Ибн Фадлан видел не его самого, а только его скелет⁴¹. Ал-Гарнати пишет о реальном человеке огромного роста, имя которого он знал, с которым встречался и здоровался. Конечно, ал-Гарнати явно преувеличил рост великана⁴² и, говоря о нем, возможно, добавил кое-что из слышанных здесь же легенд о северных великанах, но реальность этого человека вряд ли может вызвать сомнение.

Мы не будем здесь анализировать сведения ал-Гарнати и говорить о том, что нового дают они для древнерусской истории,— этому посвящается специальный раздел. Нашей задачей было определить общий характер сочинений ал-Гарнати.

Первоначально предполагалось перевести лишь [21] текст Му'риба, опубликованный С. Дублером с дополнением из готской рукописи, но в ходе работы выяснилась целесообразность перевода также и соответствующей части Тухфат ал-албаб. Она, правда, почти полностью была переведена на немецкий язык Б. Дорном, но его перевод давно уже стал библиографической редкостью и мало кому доступен, а оба сочинения дополняют друг друга, и совместное издание их переводов вполне оправдано. Нами были переведены из Тухфат ал-албаб все отрывки о Восточной и Центральной Европе, за исключением легенды об адитах, которая дословно повторяет Му'риб. Перевод Му'риба начинается с части, взятой из готской рукописи, в квадратных скобках указаны листы этой рукописи, а далее — страницы издания С. Дублера. Перевод Тухфаг ал-албаб сделан по изданию Г. Феррана с привлечением ленинградской рукописи, из которой взято несколько разночтений, страницы издания Г. Феррана указаны в квадратных скобках.

Поскольку издание рассчитано на широкий круг читателей, практически на всех, кто так или иначе занимается историей СССР, то было решено сделать перевод в возможно более популярной форме, без многочисленных квадратных скобок, в которые обычно вставляют слова, подразумеваемые в тексте (хотя избежать их полностью не удалось), без транскрипционных значков при передаче географических названий и имен собственных, сохранив лишь обозначение согласного звука «айн» в середине слов.

Комментарии первоначально рассчитывались также и на невостоковедов, поэтому в них объяснены все термины, легендарные персонажи, понятия мусульманского права и т. д. Цель замечаний по тексту — разъяснить не совсем понятные места, чтобы историки-невостоковеды могли увереннее ориентироваться в возможных вариантах понимания текста и использовать его для своих исследований. В примечаниях также указаны расхождения с другими переводами, а первую очередь испанским переводом С. Дублера. Однако появление новой рукописи и перевод значительного отрывка по не опубликованному и неизвестному до того тексту предъявило к комментариям иные требования. По существу, до перевода следовало дать [22] критический текст совпадающей части двух рукописей и детально разобрать текст готской рукописи в части, предшествующей изданному С. Дублером тексту. Но такое добавление выпадало бы по характеру из общего стиля издания. Поэтому переводчик ограничился указанием разночтений и дополнил введение некоторыми новыми данными, характеризующими различия между Му'рибом и Тухфат ал-албаб. В результате комментарии несколько усложнились, хотя и не достигли того уровня, который необходим для специального издания. Такая «гибридность», конечно, является недостатком, но мы надеемся, что, несмотря на это, книга будет встречена с интересом, которого заслуживает данный источник. Нет сомнения, что научная публикация всего текста нового сочинения ал-Гарнати в свое время увидит свет у нас или за границей.

В заключение переводчик считает своим долгом искренне поблагодарить за все замечания и поправки своих товарищей по работе, сотрудников Арабского кабинета им. И. Ю. Крачковского, особенно А. Б. Халидова, который взял на себя труд просмотреть книгу в корректуре и внес ряд важных исправлений.

Комментарии

1 Гренада по-арабски Гарната, отсюда — относительное имя (нисба) ал-Гарнати (т. е. «гренадец»), часто его называют также по второй нисбе, ал-Андалуси («андалусец»).

2 Единственная краткая биография ал-Гарнати имеется у андалусского историка ал-Маккари (т. I, стр. 617—618), откуда мы и знаем дату рождения, но основные сведения дают сами сочинения ал-Гарнати. Ср. прим. 6.

3 Г. Ферран (Тухфа, стр. 21), а вслед за ним И. Ю. Крачковский (Сочинения, IV, стр. 299) считают, что на 1117-18 г. приходится вторая поездка ал-Гарнати, впервые же в Александрии он оказался в 1114 г. Основанием для такого заключения служат сведения ал-Маккари (Ферран, Тухфа, стр. 14) и основывающаяся, вероятно, на них же приписка к ташкентской рукописи Тухфат ал-албаб (Беляев, Арабские рукописи, стр. 70—71), но текст сочинений ал-Гарнати не подтверждает этого.

4 В 512/1118-19 г. он встречался в Каире с неким Абу-л-Аб-басом Хиджази, прожившим в Индии и Китае сорок лет (Ферран, Тухфа, стр. 106).

5 Хадисы — рассказы о словах и деяниях пророка Мухаммада, составляющие одну из основ мусульманской догматики и права.

6 Активность ал-Гарнати в 50—60-е годы XII в. когда ему было от 70 до 80 лет, вызывает удивление. Если даже допустить, что это был очень крепкий старик (в Венгрии у него родился ребёнок), то все же странно, что учиться в Египет он поехал только в возрасте тридцати семи лет, а первый сын родился, когда ему было за сорок. Быть может, в сведения ал-Маккари (т. I, стр. 617) о годе рождения ал-Гарнати вкралась ошибка и следует читать не 473 г. х., а 493 г. (1099—1100). Такое смешение весьма вероятно ввиду очень сходного написания арабских числительных семь и девять (а также семьдесят и девяносто). Тогда многое станет на место: в Каире он окажется в 17 лет, а годы наибольшей активности в Саксине и Венгрии придутся на возраст 30—60 лет; станет ясным и то, почему о своей родине, Андалусии, он сообщает мало сведений, основанных на личных впечатлениях. Но это предположение нуждается в подтверждении.

7 Принято считать, что в 530/1135—36 г. ал-Гарнати был в Балхе, так как у него есть рассказ об «открытии» в 530 г. х. могилы Али на месте нынешнего афганского города Мазар-и Шериф (Ферран, Тухфа, стр. 145—146), но, рассказывая об этом, Гарнати не упоминает, что он сам был там или видел эту гробницу.

8 О роли кочевников в Венгрии см.: Расовский, Печенеги.

9 Беляев, Арабские рукописи, стр. 71.

10 Крачковский, Сочинения, IV, стр. 302—303.

11 Tauer, Annotationes, стр. 299—300.

12 Dorn, Auszuege.

13 Бартольд, Сочинения, т. IV, стр. 121.

14 Tauer, Annotationes, стр. 298.

15 В основном это поздние вставки, на некоторые из них указал Г. Ферран.

16 Как теперь выяснилось, они заимствованы из Му'риба.

17 Крачковский, Сочинения, IV, стр. 299—302.

18 Дублер, Абу Хамид.

19 Hrbek, . Novy arabsky pramen.

20 Hrbek, Arabico-Slavica.

21 Монгайт, Абу Хамид.

22 Позже А. Л. Монгайт опубликовал еще одну статью об Абу Хамиде в журн. «Наука и жизнь», 1965, № 1, стр. 34—38.

23 Заходер. Каспийский свод, стр. 66—67, 16.

24 Дублер, Абу Хамид, стр. 133.

25 Pertsch, стр. 164.

26 Пользуемся случаем выразить нашу искреннюю признательность за содействие коллегам из ГДР — М. Роббе и Э. Серауки.

27 В Гот. рук., л. 1а опущена точка над «зал». Ср. GAL, I, стр. 478, № 5, а; SB I, стр. 878; там же о других сочинениях Абу Хамида; ср. Hrbek, Arabico-Slavika, стр. 112— 113.

28 Стилистический оборот, обозначающий переход от благо-пожеланий и славословий к сути излагаемого.

29 И. Ю. Крачковский считал, что ал-Гарнати лишь расспрашивал об извержении одного сицилийца в Багдаде (Сочинения, IV, стр. 301), но в Му'рибе ал-Гарнати пишет определенно: «Я простоял в море напротив этого острова пять дней, потому что не было нам попутного ветра, а на шестой день отошли мы от него в Александрию» (гот. рук., л. 7а), правда, прямого указания на то, что он был очевидцем извержения, нет, но из текста готской рукописи видно, что к рассказу сицилийца восходит лишь часть сведений.

30 Гот. рук. ***

31 Перед этим у ал-Гарнати рассказывается о деревне, брошенной жителями из-за множества змей.

32 Т. е. Грузию.

33 Гот. рук., л. 16б—17а.

34 Ферран, Тухфа, стр. 46, 55, 124, 125,

35 Там же, стр. 45.

36 Там же.

37 См. Jacob.

38 Ковалевский, Книга Ибн-Фадлана, стр. 60—61.

39 Ковалевский, Книга Ибн-Фадлана, стр. 139. 40 Гот. рук., лл. 55а, б.

41 Ковалевский, Книга Ибн-Фадлана, стр. 138—139.

42 По словам Абу Хамида, рост великана — 7 локтей (3,5 м) и он доставал ему только до пояса. В этом случае рассказчик должен был быть не менее 2,2 м. ростом.

Ясное изложение некоторых чудес Магриба

МУРИБ АН БА'Д АДЖАИБ АЛ-МАГРИБ ИЛИ ВЫБОРКА ВОСПОМИНАНИИ О ЧУДЕСАХ СТРАН НУХБАТ АЛ-АЗХАН ФИ АДЖАИБ АЛ-БУЛДАН

[л. 18б] И видел я на берегу Хазарского моря 1 поблизости от города, который называют Бакух 2, местность, в которой [из земли] выходит битум 3; эта местность возвышается над морем, в ней много травы и много дичи вроде газелей и тому подобного. Люди хотятся на них, разрубают их мясо и кладут его в шкуры вместе с солью и какими хотят крупами и приправами вроде риса и пшеницы или иного. Потом берут трубку из тростника, толстую с обеих концов, и завязывают мясо дичи в шкуру веревкой вместе с [одним] концом этой тростниковой трубки, потом закапывают мясо в эту землю 4, а [другой конец] тростинки оставляют снаружи. И мясо варится в этой земле, и выходит из него пена через эту трубку, а когда пена кончается, то знают, что мясо уже сварилось. Тогда его вынимают из этой земли и находят его сварившимся, как в харисе 5. Но в то же время в этой земле нет жара,

и когда человек спит на ней, то совершенно не чувствует от нее тепла; точно так же когда копают эту землю, то не находят в ней тепла [л. 19а], а в то же время пища выходит из этой земли горячей, как будто варилась на огне. Это — одно из чудес света.

А ночью в этой местности прямо из травы показывается огонь вроде серного огня, а когда на эту землю падает дождь, то огонь увеличивается и разгорается и становится заметнее, но ничего не сжигает и не имеет жару. В этой местности выходит нефть, и земля этой местности черная, как уголь. Отсюда вывозят [24] битум в другие местности. Это селение на Хазарском море, которое является границей Дербента.

А в море напротив этой местности, из которой выходит нефть и битум, есть гора из черной глины вроде битума, и море окружает ее. А на вершине ее есть длинная расселина, из которой вытекает вода, и вместе с этой водой выходит что-то вроде небольших камней для весов 6, [весом] в даник 7 и больше. Из них делают желтые бусы, похожие на янтарные, которые люди вывозят во все концы земли.

И есть в этом море недалеко от черной земли два острова, на одном из них — змеи, которые наполняют остров, как трава. На всем острове не удастся никому ступить ногой на землю из-за их многочисленности — они одна на другой. А птицы этого острова несут яйца и высиживают птенцов, несмотря на этих змей. И когда выходят люди с кораблей на этот остров, чтобы набрать тех яиц и птенцов, то берут в руки заостренные тростинки и палки и удаляют ими змей со своего пути, чтобы можно было идти и собирать яйца и птенцов среди этих змей. [л. 19б] И они не причиняют вреда ни людям, ни этим птицам, ни их яйцам. А другим островом завладели джинны. На нем нет животных, но слышны на нем голоса.

Описание Баб ал-абваба (а это город Дербент) 8. Основание его — скала и стена его из скалы. Он длинный — от горы до моря расстояние трех фарсахов, а ширина его — полет стрелы, и есть у него железные ворота. Завоевал его Маслама, сын Абд ал-Малика — один из его сыновей 9. У него есть много башен, в каждой башне мечеть, и дома для воинов, и верхние помещения. А на стене со стороны страны неверных находится стража с колокольчиками, возглашающая с начала ночи и всю ночь поминающая Аллаха. А на этих башнях днем и ночью находятся стражи, смена же караула часта 10.

А меч Масламы находится вне города на холме, на котором для этого меча построили что-то вроде михраба¹¹ из цельного куска скалы, меч же вынут из ножен и прислонен к стене в этом михрабе. Совершают к нему паломничество только в белой одежде, а если к нему направится кто-нибудь в одеянии, окрашенном в какой-либо цвет, то начинается дождь и ветер, так что деревни вокруг него едва не погибают; поэтому в [25] рустаках¹² на дорогах к этому холму поставлены стражи, которые не пускают тех, кто идет смотреть меч в цветной одежде.

А выше 13 Дербента в дне нуги под горой на двух больших холмах находятся две деревни.

А вне Дербента есть источник среди деревьев, [л. 20а] каждую ночь к нему приходит группа людей, чтобы там ночевать. И иногда ночью из этой воды им является сильный свет, такой, что люди видят друг друга. Этот источник называют «Источник воздаяния» 14.

Выше Дербента входил я в горы Калалат, в которых [обитает] множество народов, все они мусульмане, следующие исламу, да помилует их Аллах! Они говорят на разных языках, а число их [народов] знает только всевышний Аллах. Они живут на высоких вершинах гор, где очень холодно, и одеваются люди из-за сильного холода в меха, а кроме того, на них еще тяжелые накидки 15. Люди этой страны живут долго, и много у них всяких благ, таких, как мед, и мясо, и фрукты в их долинах. Они народ великодушный, и есть у них простые мечети и соборные. И в каждой мечети около михраба есть помещение, которое называют «казна» 16; когда умирает тот, у кого нет наследника, то его имущество отдают в это помещение и предназначают его для путников, там хранится также часть зеката 17. А в противоположном конце мечети есть большое помещение 18 [4], предназначенное для иноземных неученых гостей, что же касается людей науки 19, то их везут в свои дома. Я жил у одного из их эмиров, известного под именем Абу-л-Касим; его рабы каждый день резали для меня барана, я говорил им:

«Разве ничего не осталось от того барана?»—а они отвечали: «Да, [осталось], но наш господин нам так приказал» 20.

Этот эмир читал под моим руководством «Удовлетворяющую книгу» ал-Махамили 21 по фикху 22; а он — да помилует его Аллах! — говорил на разных языках, таких, как: [5] лакзанский, и табаланский 23, и филанский, и за каланский, и хайдакский, и гумикский, и сарирский, и аланский, и ассский, и зарихкаранский 24, и тюркский, и арабский, и персидский. У меня на занятиях присутствовали люди из этих народностей, и он объяснял [содержание этой книги] каждой народности на ее языке 25. [27]

А однажды я был в гостях у сестры этого эмира, и она сказала своему брату: «Спроси этого человека: если я буду с моим мужем и будет у него поллюция, то обязательно ли мне омовение?» Я подивился ей и сказал ему: «Скажи ей 26, что женщина из ансаров 27 спросила подобное этому у посланника Аллаха, — да благословит и сохранит его Аллах! — и тот ответил: если она увидит воду 28, то пусть совершит омовение. И сказал посланник Аллаха — да благословит и сохранит его Аллах! — лучшие жены — жены ансаров! Стыдливость не препятствует им постигать 29 религию».

[5] И отправился я по морю к стране хазар. И прибыл к огромной реке, которая больше Тигра во много-много раз, она будто море, из которого вытекают большие реки 30.

И на ней находится город, который называют Саджсин 31, в нем сорок племен гуззов 32, и у каждого племени — отдельный эмир. У них [гуззов] большие дворы, а в каждом дворе — покрытый войлоками шатер, огромный, как большой купол, один вмещающий сто и больше человек. А в городе купцов разных народностей и чужеземцев и арабов из Магриба 33 — тысячи, не счесть их числа. И есть в нем соборные мечети, в которых совершают пятничное моление хазары, которых тоже несколько племен 34. А в середине города живет эмир жителей Булгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут болгарцы 35. И есть еще соборная мечеть, другая, в которой молится народность, которую называют «жители Сувара» 36, она тоже многочисленна.

А в день праздника выносят [л. 20б] многочисленные мимбары 37, и каждый эмир молится с многочисленными народностями. И у каждой народности есть кадии 38, и факихи 39, и хатибы 40; и все толка Абу [6] Ханифы, кроме «магрибинцев» 41,

которые толка Малика, иноземцы же толка Шафи'и 42, и дом мой сейчас среди них, и [среди них] невольницы-матери 43, и мои сыновья, и мои дочери 44.

А эта область 45 очень холодная. И в этой реке есть такие виды рыб, подобных которым я вообще не видел на свете, одну рыбу может снести только сильный мужчина, и еще такой вид рыбы, что ее может снести только сильный верблюд 46. Но есть среди них [28] также и маленькие 47. В такой рыбе нет мелких косточек и нет костей даже в голове, и зубов у нее нет. Она вроде овечьего курдюка, нашпигованного куриным мясом, нет, даже приятнее мяса жирного барашка и вкуснее. Эту рыбу пекут и кладут в нее рис, и становится она вкуснее жирной баранины и курятины 48. Покупают такую рыбину, в которой сто маннов 49, за полданика 50. И извлекают из ее живота жир, которого хватает для светильника на месяц 51, а из желудка выходит [7] полманна и больше рыбьего клея 52. И вялят ее ломтями, и становится она 53 лучше всякого на свете вяленого мяса, цвета красного, просвечивающегося янтаря 54, ее едят с хлебом, как она есть, не нужно ни варить, ни жарить.

У них имеет хождение олово, каждые восемь багдадских маннов 55 стоят динар 56, разрезают его на куски и покупают на него что хотят из фруктов, хлеба и мяса 57.

А мясо у них дешевое, так что бывают бараны, когда приходят караваны неверных, один баран за полданика, а ягненок за 58 тассудж . И у них столько разных сортов фруктов, что больше не бывает, и в том числе чрезвычайно сладкие дыни 59, и есть сорт дынь, который держится зимой 60.

А зима у них очень холодная 61. Их зимние дома — из больших бревен сосны 62, положенных один поверх другого, а их крыши [8] и потолки из деревянных досок 63. И разводят они [в домах] 64 огонь, двери же у них маленькие, завешиваемые бараньими шкурами с мехом 65, и внутри домов жарко, как в бане, а дров у них много.

И замерзает эта река так, что становится, как земля, ходят по ней 66 лошади и телята и всякий домашний скот 67. И на этом льду они сражаются. И прошел я эту реку в ширину, когда она замерзла, и была ширина ее, без рукавов, которые вытекают из этой реки, тысяча шагов и восемьсот сорок с чем-то шагов моими шагами.

А джинны сделали Сулайману 68 рядом с этой рекой тысячу рек, каждая река размером в милю 69, и вынули из них землю, и стало так, будто около этой реки гора, ширина ее — полет стрелы, а рядом с ней похожих на нее тысяча гор и тысяча рек, рек глубоких, наполненных водой из этой реки. И размножается [30] в них рыба, и становится [многочисленной] подобно праху. И любое судно, которое приходит в одну из этих рек, ставит сеть в устье реки, [9] и вводят они суда [в устье], наполняя суда [рыбой] 70. Даже если бы судов была бы сотня, то и они заполнились бы из одной реки разными видами рыбы, а эти реки не были бы исчерпаны. Нет ничего подобного этому.

А за этими реками и горами на несколько дней пути протянулась земля, вся покрытая солью 71, красной, и белой, и синей, и разных других цветов. Наполняют ею суда и везут по этой реке в Булгар. А между Саджсином и Булгаром по этой реке [надо плыть] сорок дней.

А Булгар тоже огромный город 72, весь построенный из сосны, а городская стена — из дуба. А вокруг него без конца [всяких] народов, они уже за пределами семи

климатов 73. Когда день длинный, то длина его двадцать часов, а ночь — четыре часа. [10]. А когда наступает зима, длится ночь двадцать часов, а день — четыре часа.

А летом в полдень жара у них сильная, сильнее, чем во всем свете, а вечером и ночью воздух холодает, так что нужно много одежд. Я постился там в месяц рамадан летом, и нарушил [пост] 74, и забирался под землю в помещение, в котором была вода, выходящая из земли. А холода зимой бывают очень сильные, настолько, что раскалывается дерево от жестокости мороза. А царь в это время сильных морозов выходит в походы против неверных и уводит в плен жен их, их сыновей и дочерей и лошадей. А жители Булгара — выносливейшие из людей в отношении мороза, потому что пища их и питье по большей части из меда, мед же у них дешевый.

И есть в их земле кости племени Ад 75, ширина одного зуба — две пяди, а длина его — четыре пяди; а от головы его [т. е. великана] до плеча — пять ба 76, а голова его, как большой купол, и их там много. [11] А под землей есть бивни слонов, белые как снег, тяжелые как свинец, один — сто манное и больше и меньше, не знают, из какого зверя они выломаны. И вывозят их в Хорезм и Хорасан. Из них изготавливают гребни и шкатулки и другое, так же как изготавливают из слоновой кости, но только это — крепче слоновой кости: не ломается 77. [31]

И выше этой страны обитают народы, которым нет числа, они платят джизью 78 царю булгар. А смысл слова булгар — ученый человек. Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к нам из Бухары 79, а был он факихом, хорошо знавшим медицину. И заболела жена царя, и заболел царь тяжелой болезнью. И лечили их лекарствами, которые у них приняты. И усилился их недуг, так что стали они оба опасаться смерти. И сказал им этот мусульманин «Если я стану лечить вас и вы поправитесь, то примете мою веру?» Оба они сказали: «Да». Он их лечил, и они поправились и приняли ислам, и принял ислам народ их страны. И пришел к ним царь [12] хазар во главе большого войска, и сражался с ними, и сказал им: «Зачем принял эту веру без моего приказа?» И сказал им мусульманин: «Не бойтесь, кричите: Аллах велик!» И они стали кричать: «Аллах велик! Аллах велик! Аллаху хвала! О боже, благослови Мухаммада и род Мухаммада!» — и сразились с этим царем, и обратили его войско в бегство, так что этот царь заключил с ними мир и принял их веру, и сказал: «Я видел больших мужей на серых конях, которые убивали моих воинов и обратили меня в бегство». И сказал им этот богослов: «Эти мужи — войско Аллаха, великого и славного».

А ученый у них называется балар, поэтому называли эту страну «Балар», смысл этого — «ученый человек», и арабизировали это, и стали говорить «Булгар». Это прочитал я в «Истории Булгара», переписанной булгарским кадием, который был из учеников 80 Абу-л-Масали Джувейни 81, да помилует его Аллах.

[13] А у него [Булгара] есть область, [жители которой] платят харадж 82, между ними и Булгаром месяц пути, называют ее Вису 83. И есть другая область, которую называют Ару 84, в ней охотятся на бобров, и горностаев, и превосходных белок. А день там летом двадцать два часа. И идут от них чрезвычайно хорошие шкурки бобров.

А бобер удивительное животное, живет в больших реках, и строит дома на суше рядом с рекой, и делает для себя что-то вроде высокой суфы 85, а справа от него приступка для жены, пониже той суфы, что для него, а слева от него — для его детей.

[14] А в нижней части этого дома место для его [32]

Рис. 3

рабов. И есть у дома дверь к реке и дверь повыше — на сушу. А он питается то деревом халандж 86, то рыбой. Они нападают друг на друга и берут друг друга в плен. И купцы в этой стране и в Булгаре отличают шкурки бобров-рабов; дело в том, что бобер-слуга режет дерево халандж для своего господина и оттаскивает его ртом, а я поэтому слуга, который срезает его, трет его своими боками, и выпадает шерсть из его шкуры справа и слева. {По этим признакам} и говорят:

«Это — слуга бобра». А у бобра, которого обслуживают, нет следов на шкуре. А Аллах всевышний говорит: «... И внушило ей распушенность ее и богобоязненность» 87.

А за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура 88. Летом день у них бывает очень длинным. Так что, как говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой [15] ночь бывает такой же длинной. Купцы говорят, что Мраки недалеко от них и что люди Йура ходят к этому Мраку, и входят в него с факелами, и находят там огромное дерево вроде большого селения, а на нем — большое животное, говорят, что это птица. И приносят с собой товары, и кладет [каждый] купец свое имущество 89 отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет [33] другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары.

И привозят люди мечи из стран ислама, которые делают в Зенджане, и Абхаре, и Тебризе, и Исфахане, в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня. И закаляют [16] эти мечи крепкой закалкой, так что если подвесить меч на нитку и ударить ногтем или чем-нибудь железным или деревянным, то будет долго слышен звон.

И эти мечи как раз те, которые годятся, чтобы везти в Йуру. А у жителей Йуры нет войны, и нет у них ни верховых, ни вьючных животных — только огромные деревья и леса, в которых много меда, и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят. И привозят к ним купцы эти мечи и коровьи и бараньи кости, а в уплату за них берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль.

А дорога к ним по земле, с которой никогда не сходит снег; и люди делают для ног доски и обстругивают их; длина каждой доски ба, а ширина — пядь. Перед и конец такой доски приподняты над землей, посередине доски место, на которое идущий ставит ногу, в нем отверстие, в котором закреплены прочные кожаные ремни, которые привязывают к ногам [17]. А обе эти доски, которые на ногах, соединены длинным ремнем вроде лошадиных поводьев, его держат в левой руке, а в правой руке — палку длиной в рост человека. А внизу этой палки нечто вроде шара из ткани, набитого большим количеством шерсти 90, он величиной с человеческую голову, но легкий. Этой палкой упираются в снег и отталкиваются палкой позади, как делают моряки на корабле 91, и быстро двигаются по снегу. И если бы не эта выдумка, то никто не мог бы там ходить, потому что снег на земле вроде песка. не слеживается совсем. И какое бы животное ни пошло по этому снегу, проваливается в него и умирает в нем, кроме собак и легких животных вроде Лисицын зайца, а они проходят по нему легко и быстро. А шкуры лисиц и зайцев в этой стране белеют

так, что становятся вроде ваты, таким же образом белеют и волки. В области Булгара их шкуры белеют зимой.

[18] А эти мечи, которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят большую прибыль. Затем булгарцы [34] везут их в Вису, где водятся бобры, затем жители Вису везут их в Йуру, и [ее жители] покупают их за соболиные шкуры, и за невольниц, и невольников. А каждому человеку, живущему там, нужен каждый год меч, чтобы бросить его в море Мраков. И когда они бросят мечи, то Аллах выводит им из моря рыбу вроде огромной горы, которую [рыбу] преследует, желая ее съесть, другая рыба, больше ее во много раз. И спасается маленькая от большой, и приближается к суше, и попадает на место, откуда не может возвратиться в море, и остается там. А большая рыба не может достать меньшую и возвращается в море.

Выходят жители Йура в море на судах и отрезают [мясо] от ее боков, а рыба не чувствует этого и не шевелится, и они наполняют свои дома ее мясом и поднимаются на ее спину, а она как огромная гора. И остается она у них какое-то время, пока [19] они отрезают от нее: каждый, кто бросил в море меч, берет от рыбы долю. А иногда поднимается вода моря, и всплывает эта рыба и возвращается в море, а ее мясом наполнены уже сто тысяч домов, а то и больше 92.

А мне рассказывали в Булгаре, что одной из этих рыб в один из годов сделали отверстие в ухе, и продели в него веревки, и потащили эту рыбу; и открылось ухо рыбы, и изнутри его вышла девушка, похожая на потомков Адама: белая, краснощекая, черноволосая, толстозадая, прекраснейшая из женщин. И взяли ее жители Йуры и привезли на сушу, и это существо 93 стало бить себя по лицу, и рвать волосы, и вопить. А Аллах сотворил ей в ее средней части, от пояса до колен, нечто вроде белой кожи, похожее на крепкую плотную ткань, покрывающее ее срам, будто изар 94, обвязанный вокруг пояса и прикрывающий ее срам. Они держали ее, пока она не умерла у них. Поистине, могуществу Аллаха нет предела ! 95

[20] Говорят: 96 действительно если жители Йура не бросят в море мечи, о которых я упоминал, то им не будет послана рыба и они умрут от голода.

Жителям Вису и Йура запрещено летом вступать в страну Булгар, потому что когда в эти области вступает кто-нибудь из них, даже в самую сильную жару, то воздух и вода холодают, как зимой, и у людей гибнут посевы. Это у них проверено. Я видел группу их в Булгаре во время зимы: красного цвета, с голубыми [35] глазами, волосы их белы, как лен, и в такой холод они носят льняные одежды. А на некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров повернут наружу. И пьют они ячменный напиток, кислый, как уксус [21], он подходит им из-за горячности их темперамента, объясняющейся тем, что они едят бобровое и беличье мясо и мед.

И есть в их стране вид большой птицы с длинным клювом, клювы этих птиц повернуты вправо и влево:

верхняя половина — вправо на шесть пядей, [нижняя] — влево на шесть пядей, вот таким образом, вроде лам-алифа 97. А когда эта птица ест или пьет, то смыкает свой рот, и ест, и пьет. А мясо этой птицы помогает от камней в почках и мочевом пузыре. Его привозят вяленным, нарезанным маленькими кусочками. А когда ее яйцо упадет на лед или снег, то растапливает его, как растапливает огонь. И селится она только на земле или на дереве 98.

Когда я поехал в страну славян, то выехал из Булгара и плыл на корабле по реке славян. А вода ее черная, как вода моря Мраков, она будто чернила, но притом она сладкая, хорошая, чистая. В ней нет рыбы, а есть большие черные змеи, одна на другой, их больше, чем рыб, но они не причиняют никому вреда. И есть в ней животное вроде маленькой кошки с черной шкурой, зовут его водяным соболем. Его шкуры вывозят в Булгар и Саджсин, а водится он в этой реке.

Когда я прибыл в их страну, то увидел, что эта страна обширная, обильная медом и пшеницей и ячменем и большими яблоками, лучше которых ничего нет. Жизнь у них дешева.

Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти [23], и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету[славян] серебряный дирхем, связывают [шкурки] в связку и называют ее джукн 99. И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине.

На них покупают любые товары: невольниц, и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары. [36] И если бы эти шкурки были в какой-нибудь другой стране, то не купили бы тысячу их вьюков за хаббу 100 и негодились бы они совсем ни на что. Когда они [шкурки] испортятся в их домах, то их, [иногда даже] рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают.

[24] А у славян строгие порядки 101. Если кто-нибудь нанесет ущерб невольнице другого, или его сыну, или его скоту или нарушит законность каким-нибудь образом, то берут с нарушителя некоторую сумму денег. А если у него их нет, то продают его сыновей и дочерей и его жену за это преступление. А если нет у него семьи и детей, то продают его. И остается он рабом, служа тому, у кого он находится, пока не умрет или не отдаст то, что заплатили за него. И совсем не засчитывают ему в его цену ничего за служение господину. [37]

А страна их надежная. Когда мусульманин имеет дело с кем-нибудь из них и славянин обанкротился, то продает он и детей своих и дом 102 свой и отдает этому купцу долг.

Славяне храбры. Они придерживаются византийского толка несторианского христианства.

А вокруг них — народность, живущая среди деревьев, бреющая бороды. Живут они на [берегах] огромной реки и охотятся на бобров в этой реке. Мне рассказывали о них, что у них каждые десять лет становится много колдовства, а вредят им их женщины из старух колдуний. Тогда они хватают всех старух в своей стране, связывают им руки и ноги и бросают в реку: ту старуху, которая тонет, оставляют и знают, что она не колдунья, а которая остается поверх воды — сжигают на огне 103.

Я оставался у них с караваном длительное время, страна их безопасна. Харадж они платят булгарам. И нет у них религии, они почитают некое дерево, перед

которым кладут земные поклоны. Так мне сообщил тот, кто знает их обстоятельства.

И прибыл я в город [страны] славян, который называют «Гор[од] Куйав» 104. А в нем тысячи «магрибинцев» 105, по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджн[ак] 106.

И встретил я человека из багдадцев, которого зовут Карим ибн Файруз ал-Джаухари, он был женат на [дочери] одного из этих мусульман. Я устроил этим мусульманам пятничное моление и научил их хутбе 107, а они не знали пятничной молитвы.

[26] И остались у них некоторые из моих спутников, обучавшихся у меня, а я поехал к [народу] башкирд 108, обитающему в сорока днях пути выше 109 страны славян, мимо языческих народностей, разновидностям которых нет числа. И [живут] они среди высоких деревьев и садов, таких [больших] деревьев я не видел нигде на всем свете, а плодов у них нет.

И увидел я однажды у основания дерева нечто похожее на ящерицу 110, с руками и ногами, [она такая], будто Аллах всевышний вывел ее из рая, она словно сделана из красного прозрачного яхонта, такого прозрачного, что сквозь него проходит взор 111, и из чистого блестящего золота, подобного этому я не видел [38] нигде на свете: [27] она как будто совершенное произведение искусства. Я изумился ее красоте. Мои спутники окружили ее верхом на конях, а она смотрела так, будто в глазах ее волшебство, и поворачивала к нам свою голову то вправо, то влево, но не двигалась с места, совершенно не боясь нас.

И вот прибыл я в страну Ункурийа [Венгрия], а там народность, которую называют башкирд [венгры], она первая из тех, что вышли из страны тюрков и вступили в страну франков, и они [венгры] храбры, и нет им числа. И страна их, которая известна под названием Ункурийа, состоит из 78 городов. У каждого из этих городов множество крепостей, и волостей, и сел, и гор, и лесов, и садов. И в ней живут тысячи «магрибинцев» 112, нет им числа. И в ней — тысячи хорезмийцев, которым тоже нет числа 113. А хорезмийцы служат царям и внешне исповедуют христианство, а втайне — ислам; магрибинцы же служат христианам только во время войн и открыто исповедуют ислам.

[28] И когда я прибыл к магрибинцам, они оказали мне почет, а я наставлял их кое в чем из науки 114, и научил некоторых из них говорить по-арабски, и, не жалея сил, занимался с ними повторением и заучиванием обязательных предписаний в отношении молитвы и других проявлений поклонения Аллаху. Кратко рассказал им о хадже 115 и правилах наследования, так что они стали делить наследство [по-мусульмански].

И сказал мне один из них: «Хочу переписывать и учиться по книге» 116 (а он уже хорошо говорил по-арабски). Я ответил ему: «Старайся запомнить и понять и не говори о книгах без иснада 117, и ты постигнешь, если поступишь так». А он сказал: «Разве ты не говорил: «Сказал пророк, да благословит его Аллах и да сохранит: закрепляйте знания письменами?»» Я ему ответил: «В книге нет знания, в ней только письмена, ведущие к знанию, — когда их запоминают, тогда они становятся знанием, ибо знание — свойство ученого», — и произнес ему мои стихи:

Знание в сердце не то, что в книгах,

И не обольщайся игрой и забавами.

[29] И произнес ему еще мои стихи: [39]

Запишешь знание и положишь в ларец,

Но не запомнишь — не добьешься никакого успеха.

Только тот добьется успеха, кто запомнит его,

Уразумев и оградив от ошибок 118.

«А когда запомнишь, то запиши по памяти, и тогда это будет знание, закрепленное тобой письмом. А если спишешь с книги, то это будет переписанной рукописью, а совсем не будет знанием. Знай это».

До этого они не знали пятничного моления, и вот выучились они пятничной молитве и хутбе 119, и я им сказал: «Подлинно, пророк, да благословит и сохранит его Аллах, сказал: «Пятничное моление — хаджж бедняков, кто не в состоянии совершить хаджж, но присутствует на пятничном молении, тому будет записано вознаграждение хаджжа»». А сейчас у них больше 10000 мест, где в пятницу произносят хутбу явно и тайно, потому что их область огромна. Я пробыл среди них три года, но смог посетить только четыре города. А эта область 120 расположена от Великой Румии 121 до границ Кустантинии 122. И в ней есть горы, в которых добывают золото и серебро.

[30] И эта страна — одна из наиболее изобильных и благоденствующих: бараны бывают по двадцати за динар, а ягнята и козлята — по тридцати за динар, а мед — 500 ритлей за динар, а красивая невольница — десять динаров. А во время набегов покупают превосходную невольницу за три динара, а румского невольника... 123.

Я купил невольницу смешанного происхождения 124, отец, мать и брат которой живы, купил я ее у ее хозяина за десять динаров, [она была] пятнадцати лет, прекраснее полной луны, черноволосая и черноглазая, белая, как камфара, умела варить, шить и считать. И купил я другую невольницу, румийку, восьми лет, за пять динаров.

И вот купил я однажды два кувшина полных сотового меда с воском за полдинара и сказал ей: «Тебе надо очистить этот мед, отделив воск», — вышел на суфу 125 у ворот дома, на которой собирались люди, и посидел там с людьми некоторое время, потом вошел во двор и увидел пять кругов воска, чистого, как золото, и большой кувшин с медом, похожим на розовую воду. Мед был очищен и разлит по кувшинам за один час. [40]

Родился у нее [31] сын и умер. Я освободил ее и назвал ее Марьям, мне очень хотелось, чтобы она поехала со мной в Саксин, но я опасался за нее из-за тюркских невольниц-матерей, которые были у меня в Саксине 126.

А царь [народа] башкирд все время разоряет страну Рум. Я сказал этим мусульманам: «Участвуйте в джихаде 127 вместе с этим царем, и будет вам записано за это вознаграждение джихада. Они вышли вместе с ним в страну Кустантинии и обратили в бегство двенадцать армий царя Рума. И привели группу туркмен из войска Кони. Я спросил некоторых из них: «Зачем вы пошли в войско царя Рума?» Они ответили: «Он нанял каждого из нас за двести динаров, и мы не

знали, что в этой земле есть мусульмане». Я послал их в страну Рума, чтобы они вернулись в Конию.

И прибыл правитель Кустантинийи, прося мира, и роздал много денег, и [возвратил] множество пленных мусульман. И рассказали мне некоторые из пленных мусульман, которые были в Руме, что царь Рума спросил: «По какой причине царь башкирд выступил против моей страны и опустошил ее, ведь у него не было такого обыкновения?» И сказали ему: «У царя башкирд есть войско из [32] мусульман, которым он позволил открыто исповедовать их религию, они-то [41] и есть те, которые привели его в твое царство и опустошили твою страну». И сказал царь Рума: «А вот мусульмане, которые у меня, не сражаются вместе со мной». Ему ответили: «Ты принуждаешь их к принятию христианства». Он сказал: «Я никогда не принуждал мусульман к принятию моей религии и [даже] строил им мечети, чтобы они сражались вместе со мной».

А царя башкирд зовут кирали 128, и царство его больше царства правителя Рума во много раз, и войско его неисчислимо. И страна его обширнее страны Рум на двадцать дней пути и даже больше. Он исповедует толк ифранджей 129, потому что он взял жену из них и совершает походы на страну ифранджей и берет их в плен. И все народы боятся войны с ним из-за многочисленности его войск и большой его храбрости.

И когда он услышал, что я запрещаю мусульманам питье вина и разрешаю иметь наложниц и четыре свободных жены, то сказал: «Это неразумно, потому что вино укрепляет тело, а [обладание] многими женщинами ослабляет тело и рассудок, религия мусульман не придерживается разума». [33] А я сказал переводчику: «Скажи царю: закон мусульман не похож на закон христиан, ведь христианин пьет вино за едой, как воду, и не пьянеет, и это увеличивает силу, а мусульманин, который пьет вино, желает от него только сильного опьянения, и уходит его разум, и становится он как безумный: прелюбодействует, и убивает, и безбожничает,— нет в нем ничего хорошего,— и отдает свое оружие и коня, и растрчивает деньги в погоне за наслаждением вином. А ведь они здесь — твое войско. И когда прикажешь ты ему идти в поход, не будет у него ни коня, ни оружия, ни денег — все потерял из-за питья. Так знай же: либо ты его убьешь, или побьешь, или прогонишь, либо придется дать ему коня и оружие, а он снова его погубит. Что касается наложниц и жен, то совокупление подходит мусульманам из-за пылкости их натуры. А кроме того, они — твое войско, и, если умножатся их дети, умножится и твое войско».

И сказал он: «Послушайте этого старца. Он действительно умен. Женитесь, как хотите, я не буду этому препятствовать». Этот царь противодействовал [42] священникам и разрешал [иметь] наложниц. Этот царь любил мусульман.

[34] И оставил я у них моего старшего сына Хамида, а ему было в тот день, когда я его оставил, тридцать с лишним лет, и был он женат на двух женщинах из дочерей почтенных мусульман, и был наделен сыновьями. И был он достойным [ученым]. В детстве я давал ему по полданика за каждый вопрос, который он запоминал 130.

А в [стране] Башкирд [водятся] дикие быки, большие вроде слона. Шкуру одного такого быка везут два сильных мула, а голову его везут на повозке. На них охотятся, и называют их сантал 131. Это одно из удивительнейших животных. У него вкусное и жирное мясо, а рога его большие, длинные, как бивни у слона.

[35] И видел я в этой стране множество могил племени Ад. Мне вынули [оттуда] половину корня переднего зуба одного из них: ширина его — пядь, а вес — 1200 мискалей 132, а голень одного из них такая, что я не мог одной рукой поднять эту кость с земли.

Аш-Ша'би 133 в своей книге «Книга жизнеописаний царей» упоминает, что когда Шаддад ибн Ад строил многоколонный Ирам 134, то послал сына своего дяди по отцу, ад-Даххака ибн Алвана ибн Ирама ибн Сама 135, а с ним десять тысяч великанов, отправив его в Ирак и Хорасан. И был с ними верующий человек из последователей Худа 136, — да будет мир над ним,— которого звали Лам ибн Абир ибн Ад ибн Ирам. И [упоминает он], что ад-Даххак угрожал ему и опасался его, потому что Лам запрещал ад-Даххаку несправедливость и враждебность и порочное [поведение]. И сказал ему ад-Даххак: «Поистине, ты выступаешь против царя и стал следовать религии Худа». И ушел он, опасаясь ад-Даххака, и направился в северную сторону, пока не прибыл в пустынную местность за Великой Румией [36], где не было никого из людей. Он нашел там свинцовый рудник и построил здание с куполом из свинца, окружность которого — четыре тысячи локтей, а высота — тысяча локтей, и был он погребен в нем. И [упоминает], что когда исчез Лам ибн Абир, то ад-Даххак послал на его поиски двух человек из своих эмиров, с каждым эмиром было войско из его сторонников. И прибыл один [43] в Булгар, а другой в Башкирд, и искали его в северных странах, но не обнаружили его следов. И был убит ад-Даххак, и остались эти великаны в земле булгар и башкирд, там и находятся их могилы.

[36] А в здании с куполом из свинца, который построил Лам ибн Абир, на его могиле [лежит] мраморная плита со стихами:

Я Лам, сын Абира, сменивший

мрак многобожия на искреннюю веру,

Говоря: нет божества, кроме Него,

господа моего, в котором мое прибежище.

И захотел от меня ад-Даххак и неверующие,

чтобы я уподобился ему в слепоте и заблуждении,

И вот покинул я страну со всеми своими,

и освободил ему свой квартал и двор.

Я был верующим в Аллаха 137, господу Идриса 138 и Нюя

и убежденным в возмездии.

Жил я долгое время в пустыне,

страшась и скрываясь от ослушников.

Построил я с помощью Аллаха, обладателя мощи,

из листов свинца то, что вы видите,

[37] И приказал своим сынам похоронить меня

внутри него в моих плащах и рубахах.

Придет спустя века после меня пророк

из хашимитов 139, вершина и лучший [из пророков],

Богобоязненный, благочестивый, сострадательный и милостивый

к сиротам и голодным беднякам,

О, если бы дожил я, чтобы увидеть его,

дабы достичь желаемого и [получить] достоинство избранных!

И видел я в Булгаре человека из потомков адитов, рост которого — больше семи локтей, я доставал ему до пояса 140. Он был сильным: брал заколотую лошадь, и ломал ее кости, и рвал кожу и сухожилия быстро, в одно мгновение, я не мог бы разрубить ее с такой скоростью и топором. А царь Булгара изготовил для него кольчугу, которую он возил с собой на войну на повозке. А шлем у него из железа вроде большого котла. Он сражался такой огромной длинной дубиной из крепкого дуба, которую не сможет поднять сильный мужчина [38], а она в его руках была как палка в руке одного из нас. А тюрки уважали и почитали его и когда увидели его идущим им навстречу, то разбегались, говоря: «Это господь наш прогневался на нас». Но при всем этом он был любезным, добродетельным, миролюбивым. И не было в [44] Булгаре бани, которая могла бы его вместить, кроме одной высокой бани с широкими дверями.

И вот просил я у царя башкирд разрешения выехать в страну мусульман, в Саджсин, и сказал: «Ведь дети мои и жены мои там, а я вернусь к тебе, если пожелает Аллах». И сказал он: «Оставь здесь своего старшего сына Хамида, и я пошлю с тобой посланца из мусульман, чтобы он набрал для меня из беднейших мусульман и тюрков тех, кто хорошо мечет стрелы». И послал со мной письмо к царю славян и запечатал красным золотом, на котором было изображение царя. И послал он со мной человека, которого звали Исмаил ибн Хасан, одного из тех, кто читал под моим руководством. И был он из сыновей храбрых мусульманских эмиров, которые открыто исповедуют свою религию, а вместе с ним были его гулямы 141 и группа его присных 142.

[39] И когда я прибыл в страну славян, то царь ее оказал мне почет, уважая его письмо и боясь его [царя Венгрии]. И перезимовали мы у него, а к весне выехали в страну тюрков, направляясь в Саджсин. И выехал вместе со мной Абд ал-Карим ибн Файруз ал-Джаухари, который выехал из страны славян со своей женой и сыном, оставил свою жену в Саджсине, а потом вернулся в страну славян.

Я набрал для этого посланца группу мусульман, которые мечут стрелы, и послал я вместе с ними своего ученика из моих спутников, одного из тех, кто выучил кое-что из шариата 143, и сказал: «Я направляюсь в хаджж и вернусь к вам, если захочет Аллах, дорогой через Конюю». А когда они уехали в [страну] Башкирд, я [поехал] и плыл морем месяц, направляясь в Хорезм, где я уже бывал до этого.

А страна Хорезм [протянулась] на сто фарсахов 144, в ней много городов, селений и рустаков 145 и крепостей. И в нем [Хорезме] . есть такие фрукты, подобных которым я не видел ни в одной из стран [40], которые я посетил. В нем есть сорта дыни, вкуснее и приятнее сахара и сотового меда. И есть в нем сорт дыни с зеленой коркой и черными крапинками, а внутренность ее красная, как сердолик, очень,

очень сладкая, и внутренность эта плотная. Одна дыня в десять манное 146 и больше и меньше. Подвешивают их в домах на всю зиму и продают на базарах. А также есть сорта винограда [47] вроде фиников, красного и белого, который подвешивают на зиму, и он дешев. И есть также яблоки, и груши, и гранаты, они украшают ими лавки все время, особенно весной, и кажется человеку, что они только что сорваны в саду.

[41] А жители Хорезма — достойные ученые, поэты и благородные люди. Их проповедник ал-Муваффах ибн Ахмад ал-Макки сообщил мне, что он встречался с господином везиром Аун ад-Дином 147, и сказал он мне: «Я не видел среди везиров и почтенных людей более достойного и благочестивого и великодушного, чем везир Аун ад-Дин». И хаживал ко мне часто один из слуг везира, которого звали Абд ал-Вахид ибн Файруз ал-Джаухари, и видел я, что он полон благодарности [к везиру]. Сообщал мне об этом также шейх факих Махмуд аш-Шафи и, имам суннитов, он сказал: «Был я вместе с проповедником у везира Аун ад-Дина, везира повелителя верующих, в Багдаде, а проповедник восхвалял повелителя верующих в стихах в присутствии Аула ад-Дина. И сказали ему в диване 148: «Стой, пока будешь читать стихи в хвалу повелителя верующих». И стоял я, и стоял проповедник, пока читались стихи с восхвалением повелителя верующих в присутствии везира Аун ад-Дина, да продлит Аллах его величие!»

А в области Хорезма, по дороге в Саджсин, на расстоянии восьми фарсахов от Хорезма,— чудо. Там в горе — большое ущелье, а в нем — высокий холм. А на холме — постройка вроде мечети с куполом и четырьмя большими дверями с арками. И наполняют эту мечеть золотые кирпичи, которые видны глазом, их видит каждый, кто останавливается около нее. А вокруг этого холма — вода, окружающая его, стоячая, у которой нет иного пополнения, кроме дождя или снега в зимнее время. И видна земля под этой водой, глубина которой на глаз — два локтя и больше и меньше, на ней зелень, и вода эта вонючая. И не осмеливается никто войти в нее или сунуть в нее руку или ногу. И как только положат в эту воду что-нибудь, оно поглощается и исчезает, и не видно, куда исчезает. А ширина этой воды на глаз — сто локтей.

И пришел к этому месту Махмуд, владетель Газны 149, а был он царем великим, могущественным. И пробыл там некоторое время. И привезли они лодки; [47] как только спускали лодку в эту воду, она тонула. Тогда он приказал всему своему войску возить землю, и тростник, и дерево, и камни на всех их лошадях и верблюдах. Стали бросать в эту воду, и непонятно было — куда все девается. И надували бурдюки, и мехи, и мочевые пузыри коров и овец, и [как] попадали в эту воду, так исчезали, и не оставалось от них следа.

И останавливался [там] царь Хорезма Ала ад-Даула хорезмшах 150, да помилует его Аллах, он приложил очень много стараний ради этого сокровища, но не смог получить [из него] ничего.

Говорят, что если в эту воду попадает животное, то никогда не сможет выбраться из нее, даже если бы оно было привязано веревками и тащили бы его люди, не смогли бы вытащить его никогда. Все равно исчезнет в этой воде. А если сильный человек выстрелит стрелой, то достигнет она этого золота. И в ней [мечети] столько золота, что не оценить его цены, [лежит] оно открыто. Его видит каждый, кто приезжает к нему из Хорезма: и путешественники и неверующие, но нет никакого способа получить его, если только не захочет Аллах. И это — одно из чудес света.

Рассказал мне один из факихов в Хорезме, что один из жителей рустика прибыл в Хорезм 151 и вынул на базаре миску из зеленого изумруда, подобной которой люди никогда не видали. И привели его к хорезмшаху. И сказал он ему: «Где ты это нашел?» И он ответил: «Пошел я, чтобы посмотреть на этот клад, и увидел там большой зеленый купол вроде этой чаши, а в нем гробница, надгробье которой такое же зеленое, а на надгробье — большие чаши, я не мог снести ни одной из них из-за тяжести и величины, и не нашел я там меньше этой. И сделал я на дверях камнем заметку». И поехал хорезмшах со своим войском, и прибыли в то место, которое описал этот деревенский. И сказал хорезмшах: «Это дело джиннов». И дал этому деревенскому сколько-то денег, облагодетельствовал его и облегчил ему харадж. Чаша эта не имеет цены, а Аллах знает лучше.

И прокопал хорезмшах канал из Джейхуна 152, желая довести его до этого места, но умер, не закончив этот канал. [48]

И вот упомянул я кратко часть того, что видел, а если бы объяснял, то растянулась бы книга; и кратко достаточно. И если бы не эти достойные имамы, которые просили меня и желали, чтобы был собран этот сборник, то я не взялся бы за этот сборник, ибо не считаю себя способным к сочинительству.

А выехал я из [страны] Башкирд в 53 году 153, и выехал из Саджсина в Хорезм в 54 году, и выехал из Хорезма, направляясь в хаджж, в раби первом 55 года, в шаввале... 154.

Совершил хаджж и возвратился в Багдад. И оказал-мне содействие господин везир Аун ад-Даула, слава ислама, избранник имама, честь смертных, прославляющий государство, покровитель общины, корона царей и султанов, глава везиров, центр Востока и Запада, избранник халифата, помощник повелителя верующих, да продлит Аллах своей добротой подавление врагов его государства. И даровал он мне столько почетных одежд, и денег, и милостей, что нельзя сосчитать и перечесть. И взял для меня письмо от его величества халифа — да протянет Аллах его тень 155 над обоими мирами от Востока земли и до Запада и да принизит и посрамит врагов его! — в котором он написал правителю Кони, сыну [49] царя Мас'уду 156 — да помилует его Аллах! — чтобы я мог проехать в [страну] Башкирд через него. О если бы Аллах всевышний облегчил мне прибытие и встречу с семьей и детьми, это нетрудно для Аллаха, и это ему легко, он может все!

Хвала же Аллаху — господу миров! И да благословит Аллах господина нашего Мухаммада, печать пророков 157, и семью его, и сподвижников его, и супруг его, и всех потомков его. Достаточно нам Аллаха, он лучший покровитель!

Комментарии

1 Хазарское море — одно из средневековых названий Каспия. Ср. Бартольд, т. III, стр. 367.

2 Бакух (***) — Баку.

3 В рукописи текст искажен — *** Первое *** «земля» написано по ошибке. Здесь и далее слово *** переводится «местность».

4 В рук. *** «земля», «почва» в отличие от употреблявшегося выше (***) «земля» в смысле «местность»,

5 Хариса — арабское кушанье, род пшеничной каши с мясом.

6 В рук.: *** Первое слово передает персидское *** «камень», употребляющееся также в значении «гиря».

7 Даник — мера веса, равная 1/6 дирхема, т. е. 0,52 г.

8 Баб ал-абваб — букв. «ворота ворот», т. е. главные, важнейшие ворота, средневековое арабское название Дербента (ср. Бартольд, т. III, стр. 419—430). Ал-Гарнати везде пишет название этого города через «д», но мы в соответствии с современным написанием далее везде пишем «Дербент».

9 Маслама ибн Абд ал-Малик — крупный омейядский полководец, брат четырех халифов: ал-Валида, Сулаймана, Йазиды II и Хишама, при которых он неизменно вел наиболее ответственные военные операции. В 713 г. во время кампании против хазар им был занят Дербент (об этом см.: Артамонов, История хазар, стр. 202—205).

10 ***

11 Михраб — ниша в стене мечети, указывающая направление Мекки, к которой обращаются лицом молящиеся.

12 Рустак — сельский административный округ, сельская местность вообще.

13 *** «над», «выше» — не совсем ясный географический термин, обозначающий положение к северу или югу, как объясняет его С. Дублер (Абу Хамид, стр. 357); Г. Ферран (Тухфа, стр. 87, прим. L) и И. Хрбек (Novy arabsky pramen, стр. 167, прим. 36) считают, что он означает направление к югу (в соответствии с арабской картографией: юг — наверху, север — внизу), но и это не всегда оправдывается. Здесь это слово скорее всего употреблено в прямом значении «выше», т. е. выше в горах.

14 Рассказ о чудесном источнике приводится у ал-Казвини (Асар ал-билад, стр. 342); русский перевод соответствующего отрывка: Генко, Арабский язык, стр. 103—104.

15 *** — возможно, что имеется в виду бурка.

16 ***.

17 Зекат — мусульманский налог в пользу бедняков и сирот; из него также черпались средства на поддержание несостоятельных путников. Конец фразы по-арабски не совсем ясен: ***.

18 В издании С. Дублера текст начинается с определения «большой» (в арабском языке определение стоит после определяемого). Определяемое в переводе было восстановлено в квадратных скобках («in hospicio grande» — «большой странноприимный дом»). До обнаружения предыдущего текста казалось, что эмир, у которого гостил ал-Гарнати, жил в Саксине, хотя казалось странным, почему о приезде в Саксин он пишет позже.

19 *** — букв. «люди науки», можно перевести и как «ученые», по поскольку в средние века *** «наука» означало также «богословие» (ср. перевод стр. 38 и прим. 114, тод^{А*}) ! (jaí можно понять как «богословы», а не «ученые» вообще. Это было бы естественно в устах ал-Гарнати, у которого в Саксине собирались именно люди, интересующиеся вопросами мусульманской религии и права (ср. перевод, стр. 57). Однако, не желая навязывать переводу такую определенность, которой нет в тексте, мы оставляем нейтральное «люди науки».

20 В готской рук. (л. 20а) иначе: «И приказал он своим рабам, чтобы они резали каждый день барана. Я говорил им: «Не режьте снова барана, ведь нам хватит небольшой его части», а они отвечали: «Так приказал нам наш господин»». ***

21 Абу-л-Хасан Ахмад ибн Мухаммад ал-Махамили ад-Дабби (978—1024) — арабский богослов из Багдада, как и ал-Гарнати, был шафиитом [см. прим. 42]. Сочинение, которое называет ал-Гарнати (Китаб ал-Мукни), упомянуто в биографическом словаре Ибн Халликана (т. I, стр. 56), состояло оно из одного тома. К. Брокельман вместо этого сочинения называет другое, очсш, похожее по заглавию — Ал-мукни би-л-мазхаб аш-Шафи'и («Достаточное о толке аш-Шафи'и») — и, возможно, идентичное ему (GAL, I, стр. 192, SB, I, стр. 307).

22 Фикх — мусульманское правоведение, включающее в себя кроме юриспруденции также вопросы религиозной обрядности.

23 *** — вероятно, ошибочно вм. *** или *** «табарсалан», «табарсаран». Табарсаранцы в форме *** (табарсалан) упоминаются ал-Гарнатн в Тухфат ал-албаб (см. перевод, стр. 49); в готской рук. {л. 20а] — *** вместо ***.

24 *** ошибочно вместо *** — зирихгаран (ср. перевод, стр. 50); в готской рук, *** вместо ***. С) народностях Дагестана, языки которых упомянуты у ал-Гарнати, ср. Бартольд, т. III, стр. 409—410, Minorsky, Caucasia, стр. 504—529; J. Marquart. Примечательно, что ал-Гарнатн называет отдельно языки филан и сарир, тогда как ал-Мас'уди в Мурудж упоминает только сариров, царь которых называется филан-шах, а Ибн Хаукал подчеркивает, что «сарир — название государства и области, а не народа и племени» (Ибн Хаукал, изд. Кремерса, стр. 394). Сведения ал-Гарнати находят подтверждение в одной из каирских рукописей ал-Истахри (Каирское изд., стр. 109, прим. 10), где говорится о небольшом округе Филан, расположенном на юг или юго-запад от Дербента (эти сведения есть также у Якута, т. I, стр. 438, без ссылки на источник; отрывок из Якута с переводом на русский язык см.: Караулов, I, Ал-Истахри, Тифлис, 1901, стр. 17), тогда как по сведениям Ибн Хаукала (изд. Кремерса, стр. 394), Сарир начинался в двух фарсах (12—15 км) от Семендера.

25 В готской рук. (л. 20а—б) сразу после слов «... наш господин» следует: «а он говорил на разных языках, в том числе на своем языке, и табасаланском, и филанском, и гаркаланском, и гумикском, и хайдакском, и сарирском, и арнутском, и зирих-каранском, и аском, и курдском, и арабском, и присутствовали у меня люди из этих народов, и он разговаривал с каждым из них на его языке». [вм. *** [л. 20б] [вм. ***] *** [вм. ***] ***]. Несмотря на ряд пропусков и явных искажений, этот вариант дает еще одно название народности — арнут-и позволяет исправить непонятное *** на ***: (асы — ясы русских летописец — одно из названий осетин). Таким образом, всего ал-Гарнати называет одиннадцать языков народов Северного Кавказа, не считая языка самого эмира, который не назван. Ни у одного средневекового автора мы не встречаем столь подробного перечня.

26 В готской рук. (л. 20б) : «и сказал я ей».

27 Ансары — букв. «помощники» — мусульмане Медины, принявшие у себя Мухаммада; после сподвижников Мухаммада, бежавших с ним из Мекки (мухаджиры), ансары были наиболее почитаемой частью первых мусульман. В тексте не совсем ясно, имеется ли в виду «женщина из ансаров» [***], как в нашем переводе, или «жена [одного] из ансаров».

28 В готской рук. (л. 20б) : «если увидит женщина воду... »

29 В готской рук. (л. 20б) : вм. *** «разбираться» *** «извлекать пользу».

30 В готской рук. (л. 20б) текст искажен пропусками: ***. «Как будто вытекают из нее огромные реки мимо города, который называют Сахсин».

31 В европейской литературе обычно пишется Саксин (EI, IV, 88—89), так же в одном месте и у ал-Гарнатн в Тухфат ал-албаб (стр. 117). Передача второго согласного то через «к», то через «дж» может свидетельствовать о том, что в местном произношении город назывался Сагсин.

32 В готской рук. этот отрывок имеет много разночтений, отмечать их каждый раз технически неудобно, поэтому мы приводим текст этого отрывка по рукописи: ***. «В нем четыре племени арабов (следует: «сорок племен гузов»), и у каждого племени отдельная река. И есть у них большие дворы, а в каждом дворе — большой шатер, как огромный купол, — один такой вмещает сто человек или больше, — покрытый выделанным войлоком. А в городе народу из иноземных купцов и сынов арабов с Запада столько, что не счесть их числа никому, кроме всевышнего Аллаха. И есть в нем соборные мечети, в которых совершают пятничное моление. А в середине города [живет] эмир булгар, и есть у него соборная мечеть, в которой совершают пятничное моление, она большая, а вокруг нее [живет] много народу из булгар. И есть другая соборная мечеть, в которой [молится] народ, который называют «жители Суvara». они тоже многочисленны. А в день праздника выносят (л. 21 а,) множество мимбаров, и каждый эмир молится со [своим] народом. И у каждого эмира отдельный кадий, и факихи, и врачи (следует: «проповедники») «.

33 *** — в переводе С. Дублера: «occidentales venidos del Magrib» («уроженцы запада, происходящие из Магриба»). Сама фраза как будто не допускает иного понимания, но то, что говорится об *** — «сынах магрибинцев» в других частях переводимого сочинения ал-Гарнати (стр. 37, 38), когда ими оказываются печенеги, заставляет искать иное понимание этой фразы. Возможно, что слово *** употреблено здесь не в смысле «запад», а в смысле «даль», «отдаленность, уход». Исходя из этих значений, мы читаем *** , так, как написано в готской рук.: *** «сыны арабов с запада».

34 *** букв. «а они тоже народы», *** мн. ч *** «нация, народ», но не «племя», последнее по-арабски *** Именно это слово употребляет ал-Гарнати, говоря о племенах гузов: *** «в нем сорок племен гузов», Однако в данном случае речь идет, несомненно, о различных племенах хазар, как мы и перевели. Вполне вероятно, что ал-Гарнати поминал под *** только кочевое племя, а для оседлых хазар Саксина употребил слово ***. Вообще употребление этого слова у нашего автора несколько необычно, в некоторых случаях идентично русскому «народ» в смысле «люди», «много людей».

35. *** мы переводим здесь «булгарцы», чтобы передать разницу в написании.

36 *** У других авторов ***, о городище Сувара и его раскопках см.: А. П. Смирно в, Волжские Булгары.— Труды ГИМ, вып. XIX, М., 1951, стр. 230—265. Есть предположение, что название города связано с этнонимом «чуваш» (арабское *** часто заменяет отсутствующий в арабском языке звук «ч», отсюда: суваз — чуваш — чуваш) (Ковалевский, Чуваши к булгары, стр. 35, 101—103). Ал-Гарпатн впервые сообщает о большой колонии суварцев (скорее всего купцов) в Нижнем Поволжье.

37 Мимбар — возвышение, с которого и мечети произносят проповеди.

38 Кадий — мусульманский судья.

39 Факих—правовед, занимающийся фикхом (см. прим. 3).

40 Хатиб — проповедник.

41 *** .

42 Абу Ханифа, Малик и Шафи'и — основатели трех (из четырех) правоверных толков суннитского ислама (четвертый толк — Ибн Ханбала).

43 *** невольницы, родившие ребенка от хозяина, они занимали более высокое положение, чем другие невольницы не могли быть проданы, подарены и т. д., а после смерти хозяина становились свободными.

44 Последнее предложение, от слов «и дом мой сейчас среди них», отсутствует в готской рук.

45 *** в готской рук.: *** «страна».

46 ***, С. Дублер переводит это место иначе: «Hay una clase, de la cual un solo pez pesa como un hombre fuerte: y otra clase que pesa por pieza, como un camello robusto» (Абу Хамид, стр. 51). «Есть такой вид, что одна рыба весит, как сильный мужчина; и другой вид, одна штука которого весит, как сильный верблюд». Возможны два чтения слова ***: хамл «несение», «перс носка», «беременность» и химл «ноша», «груз», «бремя»: второе чтение в данном случае предпочтительнее. По при любом чтении *** означает «ноша, то, что несет [или может снести] сильный мужчина», а не «вес сильного мужчины». То же относится и ко второй половине фразы: ***; к этому можно даже найти параллель *** «предельный вес, который может снести верблюд», а отнюдь не «вес верблюда». При нашем переводе понятно, почему ал-Гарнати подчеркивает именно силу, а не тяжесть мужчины и верблюда.

47 Этот отрывок от начала абзаца в готской рук. звучит так: *** «А в этой стране сильный холод, и в реке есть такие виды рыб, подобные которым вообще не виданы на свете: одна рыба — ноша мужчины, а две — ноша сильного верблюда, и среди них есть также маленькие».

48 В готской рук. отрывок, начиная от слова «она вроде...», выглядит иначе: ***: «Она вроде верблюда, шпигованного костями [на полях рук.: вероятно, мяса] хорошей курицы и даже вкусней; а когда пекут эту рыбу, то кладут в нее рис, и становится она вкуснее мяса жирного верблюда и баранины и курятины, и нет у нее запаха».

49 Мера веса и объема, равная двум ритлям, но поскольку ритль имел локальные различия, то и вес манна колебался от 800 г до 1,5—2 кг. В готской рук., так же как в мадридской, стоит *** вместо правильного ***.

50 Даник — 1/6 дирхема, дирхем: около 3 г серебра.

51 В готской рук: «на два месяца».

52 В готской рук.: ***.

53 В готской рук.: ***.

54 В готской рук.: ***.

55 *** у С. Дублера неверно переведено: «que vale los ocho mann un dinar baghdadi» (Абу Хамид, стр. 51) — «восемь манное которого стоят один багдадский динар». Багдадский, или иракский, манн = 810—816 г.

56 Золотая монета весом 4,25 г, ее отношение к дирхему колебалось в XI—XII вв. от 15 до 40—50 дирхемов.

57 В готской рук.: *** — «и покупают на него, что хотят из хлеба, и мяса, и фруктов».

58 Тассудж — медная монета, равная 1/4 даника, или 1/24 дирхема.

59 *** означает и арбуз и дыню, обычно они различаются добавлением эпитета «красный» (арбуз) и «желтый» (дыня). Здесь и ниже (при описании Хорезма, стр. 44) скорее всего говорится о дыне, так как именно дыни, а не арбузы могут храниться всю зиму.

60 В готской рук. этот абзац выглядит так: *** [Л. 21а] ***: «и дешевое (слово «мясо» пропущено), когда приходят караваны от неверных, то бывает одна голова баранов за полданика. И есть у них многочисленные виды фруктов, не сочтешь, среди них: дыня сладкая, как сахар, есть такой ее сорт, который появляется у них зимой». Дважды повторенные в мадридской рук. слова «так что бывают бараны... бывает один баран...», возможно, появились в результате описки.

61 В готской рук.: *** «[а зимой] много морозов».

62 ***; слово *** по объяснению арабских толковых словарей, означает «финиковая пальма с голым внизу стволом, приносящая мало плодов: отдельно стоящая пальма» (отсюда — человек без роду и племени, слабый человек и т. д.). В современном языке, кроме того, имеет еще значение «кран, носик (чайника), труба, трубка», продолжая, по-видимому, ту же ассоциативную цепь (голый ствол, труба).

Абу Хамид, несомненно, говорит о сосне, напоминающей такую пальму с голым стволом. С. Дублер переводит это слово прямо *riḥo* — «сосна» (Абу Хамид, стр. 52, 53) и в «Глоссарии» указывает только слово *** которое действительно значит «сосна», но не встречается у ал-Гарнати. В отрывке о Булгаре, заимствованном ал-Казвини из Му'риба, слово *** заменено *** (Асар ал-билад, стр. 412). Так же в готской рук.

Для правильного понимания описания домов в Булгаре важно установление точного значения слова *** , грамматически — это множественное число от слова *** , которое словари знают лишь как *масдар* первой породы от глагола *** со значением «разрезать, резать, рубить на куски» и т. д. («Couper, tailler en plusieurs endroits, la viande ou un corps quelconque non dur», — Biberstein-Kazimirsky, Dictionnaire Arabe-Francais, s. v.). Лишь у Бутруса Бустани мы находим косвенное объяснение интересующего нас слова *** «причастие страдательного залога; и жаркое и то, у чего отъедена или отрублена верхушка [о дереве], или то, что обрублено с боков» (Китаб мухит ал-мухит, та'лиф Бутрус Бустани, I, 1867, стр. 514). Таким образом, *** может означать кусок дерева, обрубленный сверху или по бокам; скорее всего, этим необычным словом ал-Гарнати назвал бревна, для которых в арабском языке не было подходящего слова. Буквально фраза должна звучать так: «Дома их зимой из дерева «сунбур», большие бревна [положены] одно на другое». В готской рук. эта фраза выглядит следующим образом: ***.

63 В готской рук. опущено слово *** «доска».

64 В мадридской рук.: *** в готской ***.

65 В готской рук. *** [вм. ***].

66 На этой фразе, словами *** «ходят по ней люди», обрывается текст готской рук., завершающийся славословием Аллаху и Мухаммаду.

67 *** С. Дублер перевел: «... los caballos y carretas tiradas por bestias» — «... лошади и повозки, влекомые животными», что не совсем соответствует тексту. Мы переводим эту фразу с учетом соответствующего места г. Тухфат ал-албаб (изд. Феррана, стр. 115).

68 Сулайман (библейский Соломон) в мусульманской мифологии считался повелителем духов — джиннов.

69 Миля — 2000 локтей = 1800—2000 м.

70 ***. У С. Дублера переведено иначе: «... y los peces entran el barco hasta llenarlo» (Абу Хамид, стр. 62) «и рыба идет в судно, пока его не заполнит». Однако *** не значит «входить в ...», а подобно *** имеет значение понудительности: не «входить», а «вводить». Слово *** «суда» в этом предложении является не обстоятельством места, а дополнением, и фразу можно понять только так: «Они [рыбаки] вводят суда [в устье реки, где были поставлены сети], наполняя суда [рыбой]». Хорошо понятна и последовательность действия: сначала ставят сети, а потом приходят, чтобы выбрать их.

71 В издании С. Дублера *** «снег» — несомненное искажение *** «соль».

72 Весь отрывок до конца абзаца приведен у ал-Казвини (Агар ал-билад, стр. 412).

73 Мусульманские географы делили весь обитаемый мир на семь широтных поясов, «климатов», иногда этот термин обозначал также большие географические области.

74 Рамадан — девятый месяц мусульманского лунного календаря. В течение этого месяца мусульмане, по религиозным предписаниям, должны воздерживаться от пищи и питья с рассвета до темноты. Естественно, что летом в северных областях такой пост весьма тяжел.

75 Легендарный народ великанов, живший якобы в пустыне между Оманом и Хадрамаутом. Адиты неоднократно упоминаются в Коране (суры VII, 10, 67; XI, 50 и сл.; XXVI, 128, XI, 54, 61; XI, 14, XXIV, 20) как народ, не внявший учению пророка Худа и уничтоженный за это Аллахом. Мухаммад угрожал не принимавшим его учение, что Аллах накажет их подобно адитам. Легенда о них имеется и у ал-Гарнати: перевод, стр. 42—43.

76 Ба — маховая сажень, расстояние между разведенными в сторону руками, примерно 2 м.

77 В отличие от других мусульманских авторов ал-Гарнати определенно говорит о мамонтовых бивнях, находимых в Булгаре, а не о «хуту» — роге фантастического животного, о котором, в частности, пишет Ибн Фадлан (А. П. Ковалевский считает «хуту» мамонтовой костью, хотя и допускает, что это рог ископаемого носорога; Книга ибн Фадлана, стр. 62—67). Весь абзац включен в Асар ал-билад, стр. 413.

78 Джизья — подушная подать с немусульман, в известной мере символ зависимости от мусульман, поэтому мусульманские авторы часто называют джизьей любую дань или контрибуцию с иноверческих народов; так же обстоит дело и в данном случае: обычную дань ал-Гарнати рассматривает как джизью, поскольку мусульманский правитель взимает ее с немусульман.

79 В мадридской рук. *** С. Дублер заменил в издании на ***, хотя несомненно, что это искажение.

80 ***; слово *** (мн. ч. ***) очень многозначно и поэтому трудно для перевода; это и «спутник», «товарищ», и «хозяин», «владелец», «правитель», и «сторонник», в тексте ал-Гарнати оно также представлено различными значениями. В данном случае трудно сказать, являлся ли автор «Истории Булгара» современником и учеником Абу Ма'али или просто сторонником его взглядов.

81 Абу-л-Ма 'али Абд ал-Малик нбн Лбу Мухаммед ал-Джувайни — известный богослов родом из-под Нншапура (1028— 1085); о нем см.: GAL, I, стр. 388—389.

82 Харадж — поземельный налог в мусульманских странах, взимавшийся и с мусульман и с иноверцев, иногда означает налоги вообще. Возможно, что была разница между данью с веси и с тех народов, о которых ал-Гарнати говорил выше, что они платят джизью, но утверждать это нельзя.

83 *** — весь русских летописей, подробнее см.: «Исторический комментарий», стр. 103—104.

84 *** о стране Ару см.: «Исторический комментарий», стр. 101—104. Рассказ о принятии ислама царем Булгар, о веси и ару имеется в Асар ал-билад ал-Казвини (стр. 418).

85 Суфа *** — каменное или глинобитное возвышение в доме или во дворе, предназначенное для сидения и сна, заменяющее скамейки и кровати, — неотъемлемая деталь дома Ближнего Востока и Средней Азии.

86 А. П. Ковалевский считает, что халандж — береза. Ср. Книга ибн Фадлана, стр. 191, прим. 207, и стр. 214, прим. 539.

87 Коран, сура ХСІ, 8, пер. И. Ю. Крачковского, стр. 488. В этой суре Мухаммад клянется всемогуществом Аллаха, который предопределяет, «внушает душе» поступки. Смысл цитаты — обычное прославление всемогущества Аллаха.

88 *** Югра или угра русских летописей (см.: «Исторический комментарий», стр. 104—107). Пересказ сообщении ал-Гарнати о северных народах и о мечях, которые привозят к ним, имеется в Асар ал-билад ал-Казвини, стр. 418; параллельный отрывок, но без упоминания Иура есть в Тухфат ал-албаб. Поэтому И. Маркварт, знавший только последнее сочинение, считал, что название Йура вставлено Казвини по более поздним сведениям (Ein arabischer Bericht ueber die arktischen (uralischen) Laender aus dem 10. Jahrhundert, Ungarische Jahrbuecher, Bd IV, 1924, стр. 303).

89 ***

90 *** Хрбек переводит: «v doini castini tyce je jakasi koule, upletena z mnozestvi vil-ny» (Novy arabsky pramen, стр. 161) — «в нижней части шесга есть нечто вроде шара, сплетенного из большого количества шерсти». О шаре, сплетенном из шерсти, говорится также в переводе Анциса (Монгайт, Абу Хамид, стр. 178). Однако *** означает «набивать», «начинать», да и перед этим определенно говорится о шаре из ткани. Точно переведено это место у С. Дублера: «Una pelo'ta de tela rellena de mucha lana» (Абу Хамид, стр. 58).

91 ***: Во всех переводах (Дублер, Хрбек, Анцис) говорится, что движения едущего на лыжах подобны движениям гребца («Едущий опирается этой палкой о снег и забрасывает ее за себя, так, как это делает гребец в лодке», — Монгайт, Абу Хамид, стр. 176; «Coino hace el remero en la barca», — Дублер, Абу Хамид, стр. 58; «... a strika tys za sva zada jako kdiz vesluji namornicy na iodich», — Hrber, Novy arabsky pramen, стр. 161). В тексте такой определенности нет, с таким же успехом можно говорить о движениях моряка, отталкивающегося шестом. У Б. Н. Заходера (Каспийский свод, II, стр. 66—67) весь отрывок переведен неточно.

92 Рассказ о гигантской рыбе приведен ал-Казвини в Асар ал-билад, стр. 418.

93 *** букв. «эта картина, этот образ». Видимо, ал-Гарнати затруднялся, как назвать эту девушку, и дал такое неконкретное определение.

94 Изар — в данном случае кусок ткани, повязанный вокруг бедер, который был частью одежды паломников, изаром также предписывалось прикрываться в бане. О других значениях этого слова см.: R. Dozy, Dictionnaire detaille des noms des vetenients chez les arabs, Amsterdam, 1845, стр. 37.

95 Рассказ о девушке, вышедшей из китового уха, приведен ал-Казвини в Аджайб ал-махлукат, стр. 128—129.

96 Отрывок от слова «говорят» до рассказа о птице включен в Асар ал-билад ал-Казвини, стр. 413.

97 Лам-алиф — слитное написание двух арабских букв. *** или ***. За словами «вот таким образом» в рукописи помещен рисунок (рис. 2). Данный рассказ — хороший пример переработки реальных сведений: в основе, по всей видимости, лежит описание клеста, слышанное ал-Гарнати в Булгаре. Клест — единственная северная птица, имеющая кривой переkreщивающийся клюв и выводящая птенцов в разгар зимы, последнее обстоятельство отражено в упоминании горячих яиц, которые растапливают снег. Рассказ есть у ал-Казвини, Асар ал-билад, стр. 413.

98 *** — дерево как материал.

99 Джукн ***, возможно также, что первая буква передает звук «г». Ни один из вариантов, получающихся при перестановке диакритических (различительных) точек, не дает чтения, напоминающего какое-либо славянское слово (х-ф-н, дж-ф-н, х-к-н—с различными гласными). Дублер видит в нем передачу слова «куна» (Абу Хамид, стр. 348), а Хрбек (Arabico. Slavica, стр. 124) — «гривна», предполагая искажение первоначального ***. Графически эта реконструкция очень правдоподобна, но *** не может быть гривной, так как он равнялся одному дирхему, а гривна была

в несколько десятков раз дороже. Возможно, что все-таки во второй половине слова отражено русское слово «кун» (в форме род. падежа мн. числа).

100 Хабба — ***. букв. «зерно», «зернышко»; именно так переводил Хрбек («Kdyby byly fylo kuze v Jine zemi nekoúpilo by se za tisíc jejích nakladu jedine zrno»,—Now arabsky prainen, стр. 166. «Если бы эти кожи были в другой стране, то не купили бы за тысячу их вьюков ни единого зерна»). Аналогичный перевод у Ю. А. Анциса,—Монгайт, Абу Хамид, стр. 176 и прим. 41. Хабба (гран) — мельчайшая мера веса, равная весу среднего ячменного зерна; служила для взвешивания драгоценных металлов; как денежная единица 1/60 дирхема или 1/72 динара. Обычно оговаривается: «столько-то хабб серебра» (или «золота»), как монета хабба не существовала.

101 ***. обычное значение *** «политика», «искусство управления государством».

102 *** — дом с двором и всеми службами.

103 У ал-Казвини (Асар ал-билад} этот рассказ отнесен к славянам, в издании Феррана и у Дублера это заимствование не указано.

104 *** . Слово *** , вероятно, искажено при переписке из *** — «Киев», который в таком написании неоднократно упоминается мусульманскими географами (эта поправка предложена уже Хрбеком, — Now arabsky prainen, стр. 169—170); слово *** передает «гор[од]» с мягким (украинским) произношением «г».

105 *** Текст не оставляет ни малейших сомнений в том, что эти, как и упоминаемые в других местах «потомки магрибинцев», — тюрки. Хрбек пытался примирить это противоречие предположением о существовании у печенегов Южной Руси и Венгрии легенды о их западном происхождении (Novy arabsky prainen, стр. 172).

106 *** Дублер считал первую букву предложом *** и транслитерировал название народности h-n-h. По его мнению, это — гунны, возвратившиеся с запада после разгрома Атиллы, этим объясняется и их название: *** «потомки магрибинцев» (Абу Хамид, стр. 262—263). Правильнее предположение И. Хрбека, что здесь мы имеем дело с искаженным *** в котором начальное «ба» выпало при переписке; *** хорошо известные печенеги (Novy arabsky prainen, стр. 171). В этом случае совершенно непонятным оказывается наименование их «потомками магрибинцев». И. Хрбек думает, что оно восходит к какой-то легендарной традиции, связывающей их происхождение с западом (там же, стр. 172). Мне кажется, что объяснение в конце концов лежит в каком-то своеобразном производном от глагола *** «двигаться на запад».

107 Хутба — важнейшая составная часть пятничного моления, предшествующая собственно молитве. Она состоит из проповеди с чтением Корана и молитвы за всех мусульман и правителя. Последнее имело огромное политическое значение: упоминание имени правителя в хутбе означало официальное признание его власти в данном городе или стране.

108 *** башкирд; обычно — башкиры, здесь и далее— венгры.

109 *** (ср. прим. 13) Дублер переводит «выше», что имел в виду автор — сказать трудно, так как Венгрия не лежит ни на север, ни на юг от Руси. Возможно, что здесь буквальное значение слова, поскольку Абу Хамиду пришлось ехать через Карпаты.

110 ***

111 В тексте: ***; мы читаем ***,

112 Несомненно, что и здесь *** — это те же печенеги, что и под Киевом. В середине XII в. печенеги играли огромную роль в жизни Венгрии (Расовский, Печенеги, сир. 17—50), составляя значительную часть войска венгерских королей; особенно славились они как лучники (там же, стр. 44— 45). Сведения ал-Гарнати показывают, что значение печенегов не кончилось со смертью Стефана II (1115—1131), как думал Д. А. Расовский (там же, стр. 43).

113 Хорезмийцев на службе венгерского короля во время войны с византийцами в 1150 г. упоминают также византийские источники (Расовский, Печенеги, стр. 45).

114 ***. здесь «богословие» (ср. прим. 19).

- 115 Хаджж — паломничество в Мекку, обязательное для каждого мусульманина, имеющего на то средства, для бедняков он не обязателен.
- 116 Изучение мусульманской догматики и права велось в основном со слуха, знать все нужно было наизусть. Так же занимался Абу Хамид со своим учеником, не давая ему самостоятельно читать.
- 117 Иснад — букв. «опора», «источник». Иснадом называется цепь ссылок на передатчиков религиозных или исторических предании, служившая гарантией достоверности приводимого сообщения. Абу Хамид предупреждает своего ученика, что нельзя опускать иснады при переписке или записи основного текста.
- 118 Эти стихи, приведенные у ал-Маккари, Г. Ферран принял за стихи Ибн ан-Наджжара {Тухфа, стр. 14}.
- 119 См. прим. 107.
- 120 *** обычно мы переводим «область», но здесь речь явно идет о «стране», царстве венгров.
- 121 ***. Некоторые исследователи считают, что «Великая Румия» — Константинополь (Lewicky, Wegry), но здесь они определенно различаются.
- 122 *** — Константинополь.
- 123 В рукописи пропуск. С. Дублер (Абу Хамид, стр. 67) переводит: «una buena esclava o un muchacho rumi por tres dinares».
- 124 *** издатель переводит: «una esclava quya habia» — «рабыня, которая уже рожала» (Абу Хамид, стр. 67), читая слово как мулида, но с таким же основанием слово это можно читать муваллада — «смешанного происхождения» (отсюда испанское mulato — мулат), так обычно называли детей новообращенных мусульман, родившихся после принятия ислама.
- 125 См. прим. 85.
- 126 ***. Фраза не совсем ясна. С. Дублер перевел ее так: «... pero temi el recibimento que la harian las eoncupinas turcas hechas madres» — «... но боялся встречи, которую ей окажут турецкие невольницы-матери», однако значение «опасаться» (и то в смысле «избегать», «отделиться») имеют лишь V и VI породы. По-видимому, предпочтительнее значение III породы, которое, согласно словарю Лэна, употребительно и для I породы: ***. «excluded him from them, did not include him among them» (Lane, Lexicon, s. v.). Впрочем, возможно, что следует читать не ***, что будет полностью соответствовать переводу С. Дублера. Ал-Гарнати мог опасаться, что другие умм ал-валад (невольницы-матери) ревниво отнесутся к Марьям, так как формально она не была умм ал-валад, потому что ребенок у нее умер.
- 127 Джихад — война за веру; павшим в ней обещалось райское блаженство.
- 128 *** С. Дублер (Абу Хамид, стр. 180) предположил, что в первой половине слова передано имя венгерского короля Гёзы (Гёза, II, 1141—1161), который правил в то время. Хрбек предлагает иное чтение — *** «кирали», которое должно передавать венгерское kiraly, т. е. король [Arabico-Slavica, стр. 123].
- 129 Здесь, по-видимому, под ифранджалш разумеются западные христиане — католики.
- 130 То есть за каждый вопрос по мусульманскому праву или богословию.
- 131 *** собственно «каменный козел», «горная антилопа», хотя описывается тур.
- 132 Мискаль — 4,5—4,7 г; 1200 мискалей — 5,5 кг.
- 133 Абу Амр Амир аш-Ша'би (640—721) — знаток мусульманского предания и поэзии, автор нескольких исторических произведений. Его сочинения не сохранились, но цитаты из них встречаются у более поздних авторов.
- 134 Многоколонный Ирам, столица легендарного Шаддада, царя адитов (ср. прим. 35). Легендарное описание Ирама имеется и у ал-Гарпати (Ферран, Тухфа, стр. 55—59).

135 Даххак — мифический персонаж.

136 Худ — легендарный пророк, посланный Аллахом к адитам (Коран, сура XI, пер. И. Ю. Крачковского, стр. 173-- 163).

137 Мухаммад утверждал, что его религия не нова — Аллах неоднократно возвещал ее через предшествующих пророков (например, Моисея и Христа), но люди ее искажали. Лам ибн Абир выступает здесь как один из веровавших в Аллаха до Мухаммада.

138 Идрис — библейский Енох, согласно Корану, один из пророков, предшествовавших Мухаммаду.

139 Имеется в виду Мухаммад, происходивший из рода Хашим. Эта выдуманная эпитафия — одно из многих легендарных предсказаний появления Мухаммада.

140 7 локтей = 3,5 м. Цифра несколько преувеличена: если ал-Гарнати был но пояс великану (а это примерно 3/5 роста человека), то рост ал-Гарнати должен был быть 200—210 см, что явно не соответствует действительности. Вернее исходить из предположения, что наш автор был среднего роста, примерно 165—170 см, и отсюда рассчитать рост болгарского великана: $165 : x = 3 : 5$, откуда x (рост великана) = 275 см (таков рост самого высокого человека в мире в наши дни). Если же учесть, что оценка роста «по пояс», «по плечо» дается обычно с некоторым преувеличением и, как правило, от уровня глаз (т. е. на 15 см ниже роста оценивающего), то болгарский великан окажется ростом в 220—230 см. Этот отрывок почти дословно приведен у ал-Казвини, Асар ал-билад, стр. 412—413.

141 Гулямы — невольники; часто они составляли гвардию мусульманских правителей.

142 ***; здесь *** нельзя перевести ни как «сторонники», ни как «товарищи», ни как «спутники». Нами выбрано слово «присные» в его изначальном смысле, сохранявшемся до XIX в.: находящиеся постоянно при ком-нибудь близкие люди.

143 Шариат — совокупность мусульманского богословия и правоведения; иногда употребляется в более узком смысле как синоним фикха (см. прим. 22).

144 Фарсах — 12 000 локтей (около 6 км), в Средней Азии — до 7,5 км.

145 Рустак — см. прим. 12.

146 Манн — см. прим. 49.

147 Аун ад-Дин Абу-л-Музаффар Йахйа ибн Мухаммад ибн Хубайра (1096/97—1165) — везир (с 1149 г.) халифов Муктафи и Мустанджида, славившийся как очень образованный человек. Ал-Гарнати жил у него в Багдаде в 1126 г. и пользовался его покровительством после возвращения из путешествий в 1155 г. В знак благодарности ал-Гарнати посвятил ему Му'риб (Дублер, Абу-Хамид, стр. 133, готская рук. л. 1а, см. также Предисловие, стр. 16). Ал-Муваффах ибн Ахмад ал-Макки (ум. 1172) — видный хорезмийский факих (GAL, SB, I, стр. 623, № 8с, стр. 642, № 16а).

148 Диван — в то время центральное ведомство вроде министерства.

149 Махмуд Газневи действительно был в Хорезме в 1017 г., при его завоевании, но весь рассказ не имеет ни малейшей исторической основы.

150 По мнению В. В. Бартольда, Ала ад-Даула — хорезмшах Атсыз (1128—1156), хотя он нигде больше не упоминается под этим именем (В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, — Сочинения, т. II, ч. I, стр. 588—589). С. Дублер допускает, что здесь как-то отразилось имя Газневида Ала ад-Даула Мас'уда III (Абу Хамид, стр. 276), но последний никак не мог быть назван хорезмшахом.

151 Хорезмом часто называли столицу Хорезма, сначала Кят, а потом Гургандж (ср. об этом: Ковалевский, Книга ибн Фадлана, стр. 68); здесь имеется в виду последний.

152 Джейхун — средневековое название Амударьи.

153 Расшифровка этих дат вызывает некоторые затруднения как мы знаем из Тухфат ал-албаб, Абу Хамид приехал в Венгрию в 545/1150-51 г. (Тухфа, стр. 195—196) и прожил там три года, следовательно, выехал около 548/1153-54 г., но никак не в 553 г. х., если только указанный здесь 53

год является сокращением от 553. С. Дублер считает, что в данном случае ал-Гарнати указывает годы по христианской эре. т. е. соответственно 1153, 1154 и 1155 гг. (Абу Хамид, стр. 277—278). В этом случае исчезают все хронологические неувязки.

154 В рук. — лакуна. Месяц раби I в 1155 г. приходится и. ч 5 мая — 3 июня, а шавваль — 28 ноября— 26 декабря.

155 Смысл пожелания ал-Гарнати: «да распространит Аллах власть халифа от Востока до Запада».

156 ***. Можно понять двояко: «сыну царя Мас'уда» или «сыну царя Мас'уду». Правителем Кони в это время был Мас'уд I (1116—1156), а преемником — его брат Кылыч-Арслан II. Поскольку последний не был сыном Мас'уда, то, значит, письмо было адресовано не ему и следует предпочесть второй вариант. Возможно, что в связи со смертью Мас'уда ал-Гарнати не смог воспользоваться рекомендательным письмом халифа и вывезти свою семью из Венгрии через Малую Азию.

157 «Печать пророков», т. е. последний, завершающий пророк, — обычный эпитет Мухаммада.

Подарок умам и выборки диковинок

Ввиду большого объема комментариев их можно посмотреть здесь (открываются в новом окне)

ТУХФАТ АЛ-АЛБАБ ВА НУХБАТ АЛ-А'ДЖАБ

[82] В стране Дербента Баб ал-Абваба 158 есть народность, которую называют [83] табарсалан, у них двадцать четыре рустака, в каждом рустаке имеется большой военачальник, подобный эмиру. Они — мусульмане, принявшие ислам во времена Масламы ибн Абд ал-Малика, когда Хишам ибн Абд ал-Малик, став халифом, послал его и он завоевал Баб ал-Абваб 159. И приняли из его рук ислам многочисленные народы, в том числе: лакзан, и филан, и хайдак, и заклан, и гумик, и дархах. Всего этих народов 160 — семьдесят народов, и у каждого народа свой язык.

А когда Маслама захотел уйти, после того как поселил в Дербенте 24 тысячи семей 161 арабов из Мосула, Дамаска, Химса, и Тадмора, и Халеба, и других городов Сирии и Джезиры 162, то сказали ему табарсаланцы: «О эмир! Мы боимся, что когда ты уйдешь от нас, то эти народы отпадут от ислама и мы будем бедствовать из-за их соседства».

Тогда извлек [84] Маслама свой меч и сказал: «Меч мой будет среди вас 163, оставьте его здесь, и, пока он будет среди вас, никто из этих народов не отпадет». И сделали они для его меча в скале что-то вроде михраба и поставили его внутри него, на холме, где [Маслама] стоял лагерем. Он и сейчас находится в той земле, люди совершают к нему паломничество. Тому, кто направляется к нему зимой, не запрещается надевать синие одежды или иных цветов, а если направляется во время жатвы, то не разрешают никому посещать его в каких-либо одеждах, кроме [50] белых; а если кто-нибудь посетит его не в белой одежде, то идет обильный дождь, и губит посевы, и портит фрукты. Это дело у них хорошо известно

А недалеко от Дербента есть большая гора, у подножия которой — два селения; в них живет народность, которую называют зирихгаран, то есть бронники; они изготавливают всякое воинское снаряжение: кольчуги, и панцири, и шлемы, и мечи, и копья, и луки, и стрелы, и кинжалы, и всевозможные изделия из меди. Все их жены и сыновья, и дочери, и рабы, и рабыни занимаются всеми этими ремеслами. И хотя нет у них пашен и садов, добра и денег у них больше, чем у других, потому что со всех сторон привозят к ним люди всякие блага.

Нет у них религии, но они не платят джизью 164. А когда умирает у них кто-нибудь, то если это был мужчина, то отдают его мужчинам, которые в подземных домах; они отсекают члены мертвого, и освобождают кости от мяса и мозга, и собирают его мясо, и кормят им черных воронов, стоя с луками и не давая другим птицам [85] съесть хоть что-то из его мяса. А если это была женщина, то отдают ее мужчинам, которые под землей, они вынимают ее кости и кормят ее мясом коршунов, стоя со стрелами и не давая другим [птицам] приблизиться к ее мясу 165.

А я спросил эмира исфахсалара 166 Абд ал-Малика ибн Абу Бакра в Дербенте: «Как вы позволяете этому народу не принимать ислама и не платить ни джизью, ни харадж?» Он сказал: «Они — печаль царей. Раз отдал мне приказ эмир Сайф ад-Дин Мухаммад ибн Халифа ас-Сулами, правитель Дербента, да помилует его Аллах (а я видел его, и он оказал мне почет, да воздаст ему Аллах благом) 167, и вышел я [в поход], собрав множество тюрок 168 и других, и вышел эмир во главе дербентцев, и пришли народы с гор: лакзан, и филан, и другие. И было наше войско подобно морю. И направились мы к этим двум селениям, а у них нет ни крепостной стены, ни цитадели, они [только] заперли свои двери. А я был первым, кто вошел в одно из этих селений, и вот из-под земли вышла группа мужчин, на которых не было оружия, они стояли и указывали руками на горы, говоря на языке 169, который я не понимал, затем скрылись под землей. И обрушился на нас холодный ветер [51] и такой сильный снег, что мы ничего не видели, а небо сыпало на нас снег и град. Мы повернули назад, и не знал ни я, ни другие, куда идти. И убивали мы друг друга из-за того, что налетала сильная лошадь на слабую, и та падала вместе со своим всадником, [86] и люди шли по нему, и погибали и он и лошадь. И кто-то, не знаю кто, пробил мне стрелой левое плечо, и она вышла под мышкой, и я чуть не погиб; я крепился, пока мы удалились от них на несколько фарсахов и прекратился этот снег, и ветер, и град (а мы потеряли много народу из войска), тогда я вытащил стрелу из-под мышки и болел из-за нее еще четыре месяца. И не смогли мы взять с них ни одной лепешки и не убили из них ни одного». Это не что иное, как колдовство этих самых людей, которые вынимают кости мертвецов и кладут их в мешки,— богатых и знатных — в мешки из золотой румийской парчи, а рабов и невольниц — в [мешки] из коленкора и тому подобной ткани. И подвешивают их в доме и пишут на каждом мешке имя того, кто в нем. И это очень удивительно 170.

А около Хорезма есть гора, на которой много крепостей и рустаков. А это гора большая, длинная, тянущаяся по стране неверующих, пока не достигнет Балахшана 171. А недалеко от Хорезма в этих горах есть ущелье, в котором холм, а на этом холме — большое купольное здание [87] с четырьмя большими арочными дверями. В нем столько слитков червонного золота, наваленных друг на друга, что ни сосчитать, ни подсчитать; на всей земле того места, на котором находится здание вроде купола, стоящее на той горе, золото лежит на высоту на глаз больше пяти локтей.

А вокруг этого холма, на котором золото,— стоячая, мутная вода, у которой нет пополнения, кроме дождя и снега, и видна под ней земля, на которой грязь. Никто не может переправиться через нее, если кто войдет в нее, то завязнет и утонет и никогда не сможет из нее выйти. И если попадет туда лодка, то утонет в этой воде. И любая вещь, которая попадает в эту воду, исчезает, и никто не может ее извлечь.

И приходил туда Махмуд, правитель Газны, и оставался там три года, и заставлял всех до одного жителей рустаков и Хорезма и все свое войско таскать [52] на это место землю, и дерево, и тростник, и камни, и лодки, и все это тонуло в этой воде,

не оставляя следа. И ушел он от этого места, отчаявшись. И это — одно из чудес света.

И переплывал я из Саджсина в земле хазар и тюрков [88] в Хорезм 172 трижды и видел это место. Это — одно из чудес света. Хорезмшах Ала ад-Даула простоял здесь сорок лет [89], исхищрясь в отношении его во всяких хитростях, но ухищрения его не удались 173. Мне рассказал об этом один из хорезмийских ученых, который сказал: «Пришел человек из одного рустака Хорезма, и вошел в базар ювелиров, и вынул кусок превосходного изумруда, подобного которому никто не видел. Взяли его ювелиры [90], и принесли хорезмшаху, и сказали: «О господин наш! Этот селянин принес нам этот кусок, подобного которому, как мы считаем, нет на свете». Хорезмшах спросил его, после того как обошелся с ним дружелюбно, обнадежил его, обласкал, наградил одеждой и успокоил его сердце: «Где нашел ты этот кусок?» Тот ответил: «Я пошел посмотреть место этого золота и увидел около него большой высокий зеленый купол, построенный из камней вроде этого камня. Я вошел в него и увидел в нем большую могилу, над которой гробница, построенная из камней и плит, похожих на этот кусок, а на гробнице — большие куски и огромные сосуды из той же породы, что и этот кусок. Я не мог поднять ни одного из них из-за тяжести и не нашел среди них ни одного легче этого. Я взял его и принес его, не зная, что это. Я сделал метку у дверей купола и собрал около каждой двери кучку из камней» 174.

И поднялся хорезмшах и поехал во главе своей свиты и присных 175, ведомый селянином, поехавшим с ними. Прибыли они на это место и увидели то место и значки, как он говорил, но не увидели купола. И сказал хорезмшах: «Это — деяния джиннов, с помощью которых Аллах охраняет эти сокровища, до тех пор пока не придет тот, кому дарует их великий и славный Аллах»«. И это тоже одно из чудес света. А сколько на свете чудес более удивительных и поразительных, чем те, о которых мы рассказали, но которых не видели и о которых мы не слышали. И того, что мы рассказали, достаточно для имеющего ум. [54] Хвала Аллаху за добро его, и благодеяния его, и милость его, и щедроты его!

(В конце рассказа о диковинном морском звере с бивнями, обитающем в Румском (Средиземном) море, говорится следующее) : [100] Румийцы дубят шкуры этой рыбы, и она становится белой как снег, мягкой и крепкой; ее режут [на ремни] шириной в палец, как ремень поводьев. Длина этого ремня бывает 20 ба и больше и меньше. Продают такие ремни в страну болгар и страну славян 176.

(В ряде рукописей в главе о диковинках морей есть раздел «Описание великой Румии»; ниже следует часть дополнения, касающаяся пребывания Абу Хамида в Венгрии и торговли с Русью и славянами) 177.

И когда я был в стране Башкирд 178 [195] в 545 [1150-51] году, то оставалось между мной и Румией несколько дней пути. Я просил одного из мусульман страны Башкирд, едущих к ним, описать ее; и описал он мне ее так, как я написал здесь 179. Теперь, рассказал он, множество городов 180 разрушено, потому что эмиры соперничают из-за областей 181 и сражаются друг с другом, а верховный царь 182 не может их одолеть. Он сказал: «На замках царей 183 увидишь установленные катапульты 184 и баллисты 185, чтобы обстреливать друг друга. Войско каждого квартала 186 нападает на другой квартал, и убивают они друг друга и берут друг друга в плен. Жители каждого квартала открывают [отдельные] ворота в городских стенах, чтобы выходить из них за город».

А я собирался поехать туда, чтобы посмотреть ее [Румию], но мусульмане остановили меня и сказали, что один из братьев царя, который правит нами, уехал в Румию и женился на дочери ее царя 187; и если бы мы позволили тебе туда поехать, то боялись бы, что царю скажут, будто ты привез большие деньги его брату, чтобы помочь ему разорить царство, а это было бы причиной нашей гибели. И я отказался [от поездки].

А в этой стране Башкирд множество народу 188, и в ней 78 городов 189, каждый как Исфахан и Багдад. В ней такое благоденствие и богатство, что не перечислить. Мой старший сын Хамид женился там на двух женах, дочерях знатных мусульман 190. [55]

А жители Румии — христианский народ, который называют намис 191. Они храбрейшие из ифранджей и внешностью самые красивые во всем Руме. У них множество ремесленников во всех ремеслах; и изготавливают у них льняные ткани, подобных которым нет: один кусок в сто локтей и больше, но при этом его начало, середина и конец совершенно одинаковы — ни одна нитка в нем не отличается от другой. Их вывозят в страну славян, и известны они под названием «русский лен» 192, а Рус — в стране славян.

[112] А что касается Хазарского моря, у которого находится Табаристан 193, то оно тянется в сторону Джурджана 194 [113] и к стране тюрков, к хазарам и тянется к Баб ал-Абвабу. Поистине, это небольшое море, говорят, что его окружность 300 фарсахов или около того, а пополняется оно из больших рек.

И есть в нем несколько островов. Есть в нем остров, который населяют джинны. Люди слышат их голоса, и не обитают на нем никакие животные. И еще остров, на котором обитают джинны, полный разных видов змей, и птицы выводят птенцов среди змей, и те не вредят птицам. Мы подходили к нему на судне, корабельщики 195 сходили на него собирать яйца этих птиц и птенцов среди змей и гадюк, и они никому не причиняли вреда...

И есть там остров, черный как уголь, из него вытекает горькая, вонючая вода; [114] и вместе с этой водой выходят четырехугольные камни, похожие на превосходную желтую медь. Люди берут их на гири для весов. А напротив этого острова у моря есть земля черная как уголь, на ней растет трава и обитают разные животные. И выходит из этой черной земли битум и нефть, черная и белая, а находится эта земля недалеко от Бакух, области Ширвана. А ночью на этой земле и на этом острове появляется синий огонь вроде серного пламени, который горит, но не сжигает травы, и нет у него жару. Когда же падает на него дождь, то он увеличивается, разгорается и поднимается ввысь, так что люди видят его издалека. А днем от него нет и следа.

В этой местности охотятся на газелей. Мясо убитого животного разрубает, и кладут в его шкуру, и завязывают шкуру, вставив в нее проткнутую тростинку, и закапывают шкуру с мясом в эту черную [56] землю. Оно варится, и из этой трубки выходит пена как выходит из котла. Когда пена прекращается — мясо готово. И вынимают эту шкуру нетронутой, в 7 о время как мясо, сварившееся, горячее, лежит, как было, в шкуре. При этом в этой земле нет тепла Это — одно из чудес света! Этот огонь подобен огню желудка.

И имеются на побережье этого моря и его островах пробирные камни для золота, разных видов. А был у меня [115] друг из жителей Астрабада 196, которого звали Абу-л-Хасан Али ибн Абидан, человек известный, его невольник ездил на один из

этих островов, на котором есть пробирные камни, и привез оттуда много камней, среди них был один камень, на котором было написано белыми буквами прекраснейшим почерком: «Мухаммад» и «Али». Я предлагал ему в обмен золото по весу камня, но он не согласился.

И впадает в это море огромная река, называемая Итиль; выходит она выше Булгара 197 из области Мраков. Она раз в сто или больше превосходит Тигр. Из нее вытекает семьдесят рукавов, каждый рукав, как Тигр, и все-таки остается от нее около Саджсина огромная река 198. Я ходил по ней в зимнее время, когда она замерзла так, что стала, как земля. По ней ходят люди, и конники, и верблюды, и телята, и остальные домашние животные 199. И была ширина ее тысяча восемьсот сорок с чем-то шагов. В ней есть разные виды рыб, каждый вид не похож на другой. Есть рыба весом в сто маннов и больше и меньше, она длинная, у ней есть хобот, а в нем маленький рот, в который влезает [только] палец; в ней нет мелких косточек, нет у нее зубов и нет больших костей. Из ее желудка извлекают клей, который вывозят во все страны, ее жарят и кладут под нее рис, как под [116] мясо, а она вкуснее любого мяса, которое едят на всем свете, а этот рис, который под ней, вкуснее всякого риса, который кладут с жирной курицей, а ее [рыбы] жир и мясо без привкуса и совсем без запаха; она — одно из чудес света.

И когда я приехал в Саксин в 525 [1130-31] году, собрались у меня люди из ученых 200 и других, и среди них был дряхлый старик в потрепанной одежде, который положил передо мной золотой браслет весом [58] в 40 мискалей 201 и сказал: «Что мне делать с этим браслетом?» Я ответил: «Не знаю, что тебе делать с ним, я не ювелир, чтобы знать, что тебе с ним делать». Он сказал: «Купил я рыбу за тассудж 202 и нашел в ее животе этот браслет». Я сказал: «Покажи его [людям]». Он ответил: «Я уже показывал его три года. Привязал его к своему посоху и ходил с ним по мечетям, и базарам, и домам, и дорогам, и по дворцам эмиров и не нашел никого, кто признал бы его». Я сказал: «Возьми себе, ведь это дозволенное имущество, и истрать его на себя». Он рассердился на мои слова и сказал: «Ей-богу, не увидишь ты, чтобы я проел его». Я спросил: «Почему говоришь такие слова?» [117] Он ответил: «Потому, что я человек работающий, делаю сандалии и получаю то, что удовлетворяет мои нужды». Я ему сказал: «Выкупи на него пленников из рук тюрок». Он обрадовался и сказал: «Да благословит тебя Аллах! Ты снял с меня тяжесть». Я спросил его: «Разве нет здесь [кого-нибудь] из ученых, который предписал бы тебе подобное этому?» Он сказал: «Здесь такие ученые, что говорят: дай его нам, мы знаем, что с ним делать, а на самом деле они хотят его присвоить» 203.

И слышал я в Булгаре 204, а это — город на краю стран ислама, на севере, он выше Саксина 205 в сорока днях, что день там бывает летом двадцать часов, а ночь — четыре часа, а зимой бывает ночь двадцать часов, а день — четыре часа.

Усиливается там мороз до того, что когда умрет у кого-нибудь кто-то 206, то они не могут его похоронить шесть месяцев, потому что земля становится, как железо и невозможно в ней копать [118] могилу. И умер у меня там сын, и было это в конце зимы, и я не мог его похоронить, и он оставался у меня в доме три месяца, пока не смог похоронить его, и оставался мертвец, как камень [в ленинградской рукописи добавлено: затвердевшим от силы холода].

И выезжают купцы из Булгара в страну неверных, которых называют Вису, из нее идут превосходные [шкурки] бобров, а к ним привозят мечи, которые делают в Азербайджане, в виде клинков без полировки; покупают в Азербайджане четыре

[таких] меча за динар. И закаливают их большой закалкой, так что когда подвешивают клинок за нитку и ударяют, [59] то долго звенит. И это те [мечи], которые годятся для них; и покупают за них бобров.

А жители Вису отправляются с этими мечами в страну поблизости от Мраков, возвышающуюся над Черным морем 207, и продают эти мечи у них за собольи шкурки. И берут они эти клинки и бросают их в Черное море, а всевышний Аллах выводит им рыбу, подобную горе, за которой следует рыба больше нее в несколько раз, желая ее съесть, и выбрасывается [первая рыба] вблизи суши на место, откуда не может возвратиться.

И выходят они к ней на судах и отрезают ее мясо месяцами, пока не наполнят свои дома, и коптят и вялят такое количество ее мяса и жира, что нет ему конца. А иногда море поднимается, и возвращается эта рыба в море, а ее мясом уже наполнено сто тысяч домов или больше.

[119] А когда рыба бывает меньше, то боятся, что она будет кричать, когда в месте, где отрезают мясо, дойдут до ее костей, и их дети и женщины уходят в место, отдаленное от моря, чтобы не слышать ее криков.

Рассказал мне один из купцов, что в один из годов вышла к ним огромная рыба, и проткнули ей ухо, и продели в него веревки, и потащили ее. И открылось ее ухо, и вышла из ее уха прекрасная, красивая девушка, белая, черноволосая, краснощекая, толстозадая, из красивейших, какие бывают среди женщин. И от ее пупка до половины голени белая кожа, как одежда, пояс которой прилегает к телу, закрывающая ее стыди тело и заднюю часть, как изар, обернутый вокруг нее. И взяли ее люди на сушу, и она била себя по лицу, вырывала волосы, и кусала руки и грудь, и вопила, вела себя так, как ведут себя женщины на этом свете, пока не умерла в их руках. Сколь чудес и творений у благословенного Аллаха, а того, чего мы не видели, еще больше и того, о чем не слышали, еще больше.

И, как говорят, через Булгар шел Зу-л-Карнайн 208 на Йаджудж и Маджудж 209, а Аллах, великий и славный, лучше знает. И это малое из большого, которое мы сократили, а Аллах лучше знает, он всемогущ, нет божества, кроме него, восхваляемого и всевышнего. [60]

... [131] Затем 210 поселились эти великаны в земле булгар и в земле башкирд. А я видел их могилы в стране Башкирд; передний зуб одного из них — четыре пяди в длину зуба и два — в ширину. И была у меня в Башкирде половина корня резца, которую вынули для меня из нижней челюсти, а вторая половина была обломана в древности. Ширина половины этого зуба была пядь, а вес ее — 1200 мискалей, я ее [61] взвесил, сейчас она в моем доме в стране Башкирд. Окружность челюсти этого адита была 17 локтей, а в доме одного из моих учеников 211 в Башкирде была плечевая кость одного из них, длина которой 8 локтей. А ширина их ребер — каждое ребро по три пяди, оно, как мраморная доска. И вынули мне половину сустава локтевой кости одного из них, часть ее сгнила в земле, а то, что около верхнего сустава, было цело. Я не мог поднять ее одной рукой, поднял ее только обеими руками. И в [132] Булгаре тоже есть их кости вроде этого. И это так, как рассказал Аш-Ша'би в «Жизнеописании царей». А Аллах великий и славный сказал: «И увеличил вам в сотворенной наружности величину» 212.

А я видел в Булгаре в 530 году [1135-36] высокого человека из потомков адитов, рост которого больше семи локтей, по имени Данки 213. Он брал лошадь под мышку, как человек берет маленького ягненка 214. А сила у него была такая, что он

ломал рукой голень лошади и разрывал мясо и жилы, как другие рвут зелень. А правитель Булгара изготовил ему кольчугу, которую возили на повозке, а шлем для его головы, как будто котел. Когда случалось сражение, он сражался дубиной из дуба, которую держал в руке, как палку, но если бы ударил ею сло'на, то убил бы его. И был он добрым, скромным; когда встречался со мной, то приветствовал меня и здоровался со мной почтительно, хотя моя голова не доставала ему до пояса, да помилует его Аллах.

И не было в Булгаре бани, в которую он мог бы войти, кроме одной, с большими дверями, и он ходил в нее. Он был диковиннейшим из сынов Адама, никогда я не видел подобного ему. И была у него сестра его же роста, я видел ее в Булгаре много раз. И сказал мне в Булгаре судья Йа'куб ибн Ну'ман 215: «Ведь эта высокая женщина-адитка убила своего мужа, которого звали Адам, а был он из сильнейших мужчин Булгара: они прижала его к своей груди и сломала ребра, и он сразу умер».

Комментарии

158 ***. Необычное сочетание двух названий Дербента. Возможно, что второе является разъяснением: «в стране Дербента [то есть] Баб ал-абваба». Следует отметить необычное написание ***.

159 См. прим. 9.

160 В рук. ЛО ИВАН (л. 146а) : «и говорят, что в этих горах семьдесят народов».

161 *** «дом», «палатка»; здесь в смысле «семья».

162 Джебзир — арабское название Верхней Месопотамии.

163 ***. Отрывок о мече Масламы переведен на русский язык: Генко, Арабский язык, стр. 103.

164 Джизья — см. прим. 78.

165 Отрывок о погребальных обычаях зирихгаранов был опубликован В. В. Бартольд по рукописи Азиатского музея (рукопись ЛО ИВАН) в статье «Еще о самаркандских оссуариях», — Сочинения, т. IV, стр. 123. Перевод на немецкий язык у Б. Дорна (Auszuge, стр. 700).

166 Исфахсалар — военачальник.

167 Слова, заключенные в скобки, принадлежат ал-Гарпати.

167 *** ср. прим. 34.

169 ***

170 рассказ о зирихгаранах и походе на них, по ал-Гарнати, имеется у ал Казвини (Асар ал-билад, стр. 416).

171 *** , т. е. Бадахшан; об этом написании см.: В В. Бартольд, Сочинения, т. III, стр. 343.

172 В рук. Национальной библиотеки № 2170 вместо «в Хорезме» — «к хорезмшаху».

173 В. В. Бартольд неверно понял, что ал-Гарнати говорит здесь о попытках хорезмшаха завоевать Саксин (Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 588—589).

174 *** , быть может, «пирамидка из камней».

175 ***; ср. прим. 136.

176 В готской рук. описание этого животного и того, что изготовляют из его бивней и кожи, значительно короче, но зато сообщается название животного — дельфин («морская свинья» ***. В этом рассказе явно слиты воедино морж и дельфин.

177 Насколько мне известно, это дополнение имеется в алжирской рукописи (по Феррану — I), копенгагенской (H), ленинградской (F) и ташкентской (Ферраиу не была известна). Текст по алжирской рукописи опубликован в качестве приложения к Тухфат ал-албаб (стр. 193—199), небольшой отрывок (о тканях) опубликовал Дорн, сделавший немецкий перевод всего раздела по рукописям F и H (Auszuege, стр. 689—693). В 1937 г. Т. Левицкий перевел на польский язык значительную часть раздела (от слов «И когда я был в Башкирде...» до рассказа о женитьбе Хамида,— Т. Lewicky, Wegry, стр. 109). Наш перевод сделан по тексту издания Феррана, размещение его среди других материалов главы о морских диковинах совершенно условно, поскольку в ленинградской и ташкентскеп рукописях этот раздел находится ближе к началу главы, а положение его в алжирской рукописи установить не удалось.

178 *** вл. ***.

179 Перед переводимым отрывком шло описание «Великой Румни» ***, которое настолько обобщено, что среди исследователей нет даже единства относительно того, какой город описывает ал-Гарнати: Рим или Константинополь. Дорн (Auszuege, стр. 693), а за ним и Ферран (Тухфа, стр. 198, прим.) считали, что это Рим. Левицкий же (Wegry, стр. 112 и сл..) доказывал, что описывается Константинополь. По нашему мнению, на этот вопрос определенно отвечает текст Му'риба (перевод, стр. 39).

180 *** может быть переведено двояко: «множество городов» (хотя в этом случае скорее было бы *** и «значительная часть города». Из-за этого в переводах имеются оба варианта: у Дорна (Ausziige, стр. 692) — «jetzt sei er nur bis zu der Stadt gekommen (?), weil die Grossen (***) sich um den Hauptstadttheil stritten» (впрочем, возможно, что в копенгагенской рукописи, с которой сделан перевод, по-арабски фраза написана иначе, чем в издании Феррана), а у Левицкого (Wegry, стр. 109) «большая часть того города», в соответствии с этим он переводит и следующую фразу (см. прим. 181).

181 *** — неясно, от какого слова образовано это множественное число: множественное от *** «город» — ***, а от *** «страна» — ***, формально — это множественное число от *** «тупость, глупость», но по смыслу, несомненно должно быть либо «города», либо «страны». Левицкий, переводя *** как «большая часть города», перевел ***. «квартал» (тем же словом он перевел и ***, которое деист вительно имеет такое значение), с чем никак нельзя согласиться

182 *** — т. е. император. Картина, нарисованная осведомителем ал-Гарнати, скорее соответствует положению в Священной Римской империи и Риме, чем в Византии и Константинополе. Возможно, что в изложении ал-Гарнати смешались со бытия междоусобиц в Римской империи и борьбы Рима против папы и императора.

183 ***.

184 ***.

185 ***.

186 ***.

187 Левицкий считает (Wegry, стр. 117—118), что здесь под разумеается Борис, претендент на венгерский престол, бежавший в Византию и пользовавшийся поддержкой Мануила Комнена.

188 ***.

189 В копенгагенской рук. — 70. Левицкий предполагает, что речь идет о центрах комитатов (Wegry, стр. 121—122).

190 ***.

191 *** еще Дорн (Auszuege, стр. 695—696) указывал, что следует читать *** «намис», т. е. немцы; это лишний довод в пользу того, что Великая Румия — Рим, а ис Византия.

192 ***: в рукописях (ленинградская, копенгагенская) есть и иное чтение — ***, казалось бы, более правильно, поскольку говорится о тканях, изготовляемых в Румии, а не на Руси, но тогда непонятно, почему понадобилось объяснение, что такое Рус (ср. Dorn, Auszuege, стр. 696—698).

- 193 Табаристан — область в восточной части южного побережья Каспийского моря.
- 194 Джурджан — область к юго-востоку от Каспийского моря, в бассейне г. Гюрген.
- 195 ^{***}, может быть также «пассажиры»,
- 196 Астрабад — ныне Горган.
- 197 ^{***}.
- 198 ^{***} букв. «огромное море». Ферран (Тухфа, стр. 115, прим. 3) предлагал вслед за Дорном читать ^{***} «река». Однако вряд ли здесь описка переводчика: в Му'рибе (перевод, стр. 27) река сравнивается по величине с морем, кроме того, иногда «морем» называли большие реки, чаще всего Нил; Волга же, в нижнем течении во много раз превосходящая по ширине Нил, могла быть так названа с еще большим основанием.
- 199 ^{***}. Здесь перевод не представляет затруднений, основываясь на этом, мы перевели соответствующий пассаж в Му'рибе (стр. 29).
- 200 Ср. прим. 19.
- 201 40 мискалей — примерно 180 г.
- 202 Тассудж — см. прим. 58.
- 203 ^{***} букв. «хотят его съесть». Суть рассказа в том, что по мусульманскому праву находка не становится собственностью нашедшего. В случае, если после полугода или года розысков хозяин не находится, рекомендовалось обратиться па-ходку на благотворительные цели. Этим эпизодом ал-Гарнати хочет показать свое превосходство над правоведами Саксина.
- 204 Непонятно, почему Абу Хамид говорит о долготе дня и ночи с чьих-то слов, хотя, как мы видим, он бывал в Булгаре и зимой и летом. Возможно, что косвенная речь появилась в результате того, что значительная часть экземпляров Тухфы распространялась по записи с его слов (об этом см. стр. 12).
- 205 ^{***} вместо обычного для ал-Гарнати ^{***}.
- 206 ^{***}
- 207 Черное морс — то же, что море Мраков, т. е. Ледовитый океан.
- 208 Зу-л-Карнайн, «двурогий» — эпитет Александра Македонского.
- 209 Йаджудж и Маджудж — арабизированная форма легендарных гога и магога.
- 210 на стр. 129—131 издания Феррана идет рассказ о Даххаке и Ламе ибн Абире со стихотворной автоэпитафией последнего, совпадающий с текстом Му'риба (пер., стр. 43), поэтому эта легенда нами во второй раз не приводится.
- 211 ^{***}.
- 212 Коран, VII, 67 (пер. И. Ю. Крачковского, стр. 128).
- 213 В рукописях варианты ^{***} д-н-к-и, д-ф-и. в-н-к-и.
- 214 в тексте ^{***} — «верблюды» (Ферран, Тухфа стр. 132), следует читать ^{***} «барашек, ягненок».
- 215 По предположению Б. Дорна (Auszuege, стр. 715 прим. 59), этот кадий был автором «Истории Булгара» (см. стр. 31 и прим. 80).

Исторический комментарий

Первая попытка прокомментировать сочинения ал-Гарнати и сообщить русскому читателю о вновь открытой рукописи была сделана мною свыше 10 лет назад 1.

Тогда же я выразил надежду, что читатели вскоре смогут познакомиться с полным переводом рукописи. Этой надежде суждено было очень нескоро осуществиться. Прошло свыше 15 лет после публикации С. Дублером рукописи ал-Гарнати в Мадриде, и наконец выходит ее русский перевод.

Издание арабских источников для истории Восточной Европы является насущной задачей нашей науки. Все прекрасно знают, как много важных сведений эти источники содержат, как необходимо новое научное издание даже давно известных памятников. Историкам приходится пользоваться устаревшими, столетней давности переводами А. Я. Гаркави, и каждый, кто пытался основывать свои выводы на этой публикации (в том числе и автор этих строк), знает, какие при этом возможны досадные ошибки и неудачи. Еще в 1930 г. И. Ю. Крачковский и А. П. Ковалевский предложили создать новый критический свод известий арабских авторов о Восточной Европе, Кавказе и Средней Азии. Но до сих пор это предложение не реализовано.² Вышли издания отдельных памятников, появились отличные новые переводы, в Польше Т. Левицкий начал даже публикацию свода, но полного свода пока нет, и я думаю, что причина этого та же, что и задержавшая русское издание сочинения ал-Гарнати: круг востоковедов, обладающих для этого достаточными знаниями и имеющих, как говорят, «вкус» к переводу средневековых арабских и персидских авторов, чрезвычайно ограничен, а работа колоссальная. Перевод этих авторов связан с рядом трудностей, и здесь в большей мере, чем в других случаях, переводчик должен быть широко образованным исследователем. Главными трудностями в пользовании арабскими текстами являются [85] неудовлетворительность передачи собственных имен и противоречивость показаний. Вот что об этом пишет В. Ф. Минорский: «При расшифровке мало известных арабам европейских имен приходится думать не только о сходстве написанного с именами, известными в других языках, но и о возможности соответственно восстановить арабское начертание, другими словами — не только о внешних сравнениях, но и о палеографии»;³

«Этническая терминология арабов в отношении северных народов основана главным образом на расспросах торговых люден. В ней заметны хронологические изменения, влияние религиозных представлений, следы обобщений по политическому или территориальному признаку. Отдельные отрывки нередко имеют характер сводок и требуют сопоставления с контекстом и с трудами предшественников данного автора»⁴.

В отличие от арабских географов, вносящих в свои сводки сведения предшественников, иногда отделенных от времени их составления несколькими веками, ал-Гарнати в Му'рибе просто рассказывает о своем путешествии, время и место которого более или менее определены, и в этом отношении его сочинение легче изучать и комментировать.

И все же не только чтение, но и объяснение этого сравнительно «легкого» памятника представляет собой непростую задачу, и поэтому я рассматриваю свой комментарий лишь как небольшую часть той работы, которую, я надеюсь, сделают специалисты после нашей публикации.

Прежде всего трудность заключается в том, и об этом уже сказано в предисловии, что, как типично для людей средневековья, ал-Гарнати смешивает личные наблюдения с услышанными легендами и преданиями, он верит в чудесное и этим объясняет все непонятное. Нам чужда логика такого мышления, и поэтому возможно, что, относя отдельные сообщения ал-Гарнати к разряду

неправдоподобного и легендарного, мы упускаем ценные наблюдения автора, искаженные при прохождении сквозь призму его психологии и мировоззрения.

Публикуемая нами часть рукописи Нухбат ал-азхан начинается с сообщения о городе Баку на берегу Хазарского (Каспийского) моря. Собственно, ничего нового по сравнению со своими предшественниками здесь ал-Гарнати не сообщает. Баку с его нефтяными источниками неоднократно упоминается у арабских географов и, пожалуй, наиболее подробно описан у Масуди, [86] сочинение которого Мурудж было завершено в середине X в. 5. И рассказ о черной и белой нефти и об острове со змеями и огне, выходящем из земли (вероятно, горящем газе), мог появиться в тексте ал-Гарнати, даже если бы он и не побывал сам в Баку. Известно также и то, что Баку входил во времена ал-Гарнати в состав государства Ширваншахов. Безусловно оригинально описание способа приготовления мяса, которое варится в земле, описание интересное для этнографов и загадочное, так как ал-Гарнати утверждает, что в этой земле нет тепла. Впрочем, в Тухфа он к этому рассказу добавляет восклицание, что этот огонь (земли) подобен огню желудка.

Вероятнее всего, что ал-Гарнати довольно точно описывает и поныне известный этнографам способ приготовления мяса в «очажных ямах». В северо-западной части Азербайджана, в области расселения айрумов, в таких ямах готовят блюдо под названием «запеченная баранина». «Баранью тушу, освежеванную и выпотрошенную, заворачивали в шкуру барана шерстью наружу и клали в печь-яму, в которой для накала предварительно разводили костер из дров. Шкуру с тушен засыпали горячей золой и жаром, а сверху — сухой землей. Через определенный промежуток времени доставали из ямы готовую запеченную баранину» 6.

Известно также, что область Баку славилась не только нефтью, но и минералами, среди которых ал-Гарнати упоминает какие-то камни, похожие на превосходную желтую медь, применяемые как гири для весов и для изготовления бус, похожих на янтарные, «которые люди вывозят во все страны», а также «пробирные камни для золота разных видов». Весьма возможно, что «бусы, похожие на янтарные», — это сердоликовые бусы, широко распространенные на Руси в IX—XIII вв. и несомненно привозившиеся с Востока. Большая часть их шла из Средней Азии, но, возможно, и с Кавказа. Во всяком случае, сердоликовые бипирамидальные бусы найдены в погребениях VII—IX вв. в Дагестане 7. На Кавказе известны месторождения сердолика (разновидность [87] агата — халцедона) в Грузии, Армении, по побережью Каспия в районе Махачкалы и в Центральном Дагестане 8.

Немного нового мы узнаем от ал-Гарнати и о Дербенте, но его сведения, подтвержденные данными других географов и археологией, свидетельствуют об относительной точности описании и наблюдательности нашего путешественника. Наиболее важные описания Дагестана, и в том числе Дербента, находятся у Ибн Руста, Масуди, Истахри, Ибн Хаукала, а также в Тарих Баб ал-абваб, книге XI в., изданной недавно Минорским 9.

Дербент был знаменит своими длинными стенами, которые запирали проход между горами и морем и защищали страны мусульманского мира от вторжения христианских и языческих племен, живших на севере.

Город, как об этом пишет ал-Гарнати, тянется от горы до моря, заключенный между двумя стенами, «а ширина его — полет стрелы». Стены древнего Дербента были построены из плит тесаного камня, имели около 4 м толщины, а в высоту достигали 18—20 м. Расстояние между стенами — 450 м (около цитадели — 350 м) 10. Это и

есть «полет стрелы». То же, что и ал-Гарнати, выражение о ширине города, равной «только расстоянию полета стрелы», употребил Закария Казвини (XIII в.), а Рубрук (был здесь в 1254 г.) говорит, что ширина города равна «расстоянию одного броска камня» 11 Неточен ал-Гарнати в определении длины города. Три фарсаха могут равняться 18—21 км. в то время как длина города от моря до цитадели — всего 2.5 км; по утверждению Рубрука, он имел в длину более одной мили, а по Закарии Казвини — две трети фарсаха.

Ошибка ал-Гарнати вполне объяснима тем, что продолжением городских стен как бы служила грандиозная каменная стена, начинающаяся от цитадели и тянущаяся в глубь гор на 40 км, причем настоящая стена тянется по водоразделу приблизительно на 15 км, а последующие 25 км усеяны башнями и блокгаузами, контролирующими горные проходы. По-видимому, и эту стену, — «тянущуюся от горы до моря», ал-Гарнати включил в свое сообщение о городской стене Дербента. Подтверждается [88] и сообщение о железных воротах Дербента. В других источниках, в частности в Тарах Баб ал-абваб, упоминается несколько ворот, среди них Дамасские и Палестинские, которые первоначально были из дерева, но в 382/996 г. эмир Маймун сжег их, но затем отстроил из «чистого железа» 12. Известно также, что в Дербенте было множество башен, в которых были устроены мечети, дома для воинов и «возвышающиеся помещения», по-видимому сторожевые посты. Согласно Макдиси (X в.), стены Дербента были снабжены башнями, в которых были устроены мечети и сторожевые посты {масаджид ва хуррас) 13. Только вдоль северной стены Е. А. Пахомов насчитал 45 башен 14. Не вызывает сомнения и то, что именно на стене «со стороны неверных», т. е. на северной стене, находилась стража с колокольчиками, и охрана ее происходила днем и ночью. Отсюда грозила главная опасность. По-видимому, в XII в. Дербент был на некоторое время потерян мусульманами, а затем был ими отвоеван 15. И во времена ал-Гарнати Дербентом правила династия эмиров, имя одного из которых он приводит: это Сейф ад-Дин Мухаммад ибн Халиф ас-Сулами, вероятно продолжавший династию Хамимидов Судами, описанную в Тарих Баб ал-абваб. Существование династии эмиров подтверждается наличием чеканенных ими монет. Среди этих монет, относящихся к 1160-64 г., есть монеты Малик ал-Адил Музаффар б. Мухаммада б. Халифа 16, как полагает Минорский, несомненно сына эмира, упоминаемого у ал-Гарнати. Кроме эмира ал-Гарнати называет какое-то должностное лицо его — исфахсалара Абд ал-Малика ибн Абу Бакра.

Сведения ал-Гарнати о Дагестане давно по достоинству оценены кавказоведами. Му'риб добавляет сравнительно немного к материалу Тухфат ал-албаб, но сопоставление обоих текстов оказывается очень полезным для их взаимопроверки и осмысления. «А выше Дербента в дне пути под горой на двух больших холмах находятся две деревни» — так сказано в Му'рибе; в Тухфе тоже идет речь о двух селениях у подножия большой горы недалеко от Дербента, но сказано, что это поселения зирихгаранов. В Му'рибе об этих двух деревнях больше ничего не известно, кроме того, что они существуют. Дальше идет речь о [89] чудесном светящемся источнике, а затем о мусульманах, живущих в горах, и о посещении этих мусульман автором рассказа. Очевидно, поставленное не на месте сообщение о светящемся источнике оторвало рассказ о мусульманах, живущих в горах, от сообщения о двух деревнях. Это другие деревни, не те, что упоминаются в Тухфе, не зирихгаранские, а мусульманские.

Вскоре после ал-Гарнати в 1154 г. в Дербенте побывал некий Ибн ал-Азрак, который сообщает, что в Азербайджане в рустаке Мадинат ал-Баб, т. е. Дербенте, «на расстоянии 10 фарсахов за городом, в середине горы» находятся два больших

селения, жители которых — мусульмане и разговаривают по-арабски. Ибн ал-Азрак утверждает, что это якобы потомки лиц, бежавших после восстания ал-Мухтара в VII в. в Дербент и с тех пор здесь живущих. В. Ф. Минорский замечает: «Мы знаем о многочисленных группах арабов, поселившихся около ал-Баба. Среди них, возможно, были и бежавшие от Мухтара. Но Ибн ал-Азрак, по-видимому, навязал свою предвзятую теорию своим собеседникам, семейные традиции которых после пятисотлетнего пребывания в Дагестане не могли быть свежи» 17. Однако ал-Гарнати говорит не о живущих в горах арабах, а о различных народах Дагестана, исповедующих ислам. Он пускается в исторический экскурс и сообщает о завоевании Дербента Масламой ибн Абд ал-Маликом, посланным халифом Хишамом ибн Абд ал-Маликом. Действительно, Маслама прочно установил арабское владычество в Дербенте и, как сообщают Моисей Каганкатвацци и Табари, в 733-34 г. заново отстроил город 18. С завоеваниями Масламы безусловно связано распространение ислама среди народов Кавказа, что подчеркивает ал-Гарнати. Но если в Му'рибе он ограничивается сообщением о завоевании Масламой Дербента и рассказом о святилище, где хранится его меч, то в Тухфе, как это принято у арабских авторов, он заимствует у своих предшественников сообщение о том, что Маслама будто бы поселил здесь 24 000 сирийских воинов. Согласно Балами (X в.), труд которого представляет сокращенный перевод на персидский язык сочинения Табари, дополненного сведениями, отсутствующими в арабском оригинале, эти воины-арабы происходили из Дамаска, Химса, Куфы и Джебзир. Ал-Гарнати называет еще Мосул, Тадмор, Халеп.

Ал-Гарнати перечисляет некоторые из «семидесяти народов», живших в Дагестане и принявших ислам. [90]

«Чрезвычайная сложность исторических, этнических к лингвистических проблем, связанных с «горой языков», очень затрудняет отождествление названий, приводимых в арабских источниках, еще больше осложнению вносит в дело арабский алфавит, совершенно не подходящий для передачи необычных иностранных имен» 19.

Первым у ал-Гарнати назван лакзанский язык. Речь идет несомненно о языке лезгинов, которых мусульманские источники называют «лакз». В. Ф. Минорский в связи с этим названием замечает, что оно «состоит из «лак» («лаг» — «человек» на местных языках) плюс иранский суффикс «з», показывающий происхождение. В русском языке слово «лезг-ин» (с метатезой) употреблялось без различия применительно ко всем жителям Дагестана, но в местном употреблении и у арабских географов этот термин применяется только к племенам Южного Дагестана, где, по переписи 1959 г., жило 223 тыс. лезгин» 20.

К северу от лезгин на юго-востоке Дагестана сейчас живут табасараны, язык которых принадлежит к лезгинской группе дагестанских языков. Это и есть потомки «табарсаланов» или «та басаланов», упоминаемых Абу Хамидом. Они представляют коренное население страны и упоминаются в перечне народов Кавказа — в «Армянской географии» VII в. Неоднократно они упоминаются и арабскими писателями. По утверждению Абу Хамид-да, у табарсаланов 24 рустака, в каждом рустаке имеется большой военачальник, подобный эмиру. Вероятно, некогда значительное и влиятельное в Дагестане государство переживало в XII в. период феодального распада.

Несколько сложнее обстоит дело с народом, который Абу Хамид называет «филян». В различных источниках упоминается во время мусульманского

завоевания Фнлаи-шах. В одной из каирских рукописей ал-Истахри речь идет о каком-то Филане, «земля которого невелика» 21. Иакут считает филан племенем, живущим рядом с Табарсараном 22. Абу Хамид определенно говорит о фнланском языке (Му'риб) и называет филан в перечне народов вслед за лакзанами (Тухфа). Если в перечне языков, на которых говорил эмир Абу-л-Касим, Абу Хамид пытался соблюсти какой-то географический порядок, то филанов следует искать где-то рядом с Табарсараном. Однако Минорский пишет: «Несмотря [91] на неясные намеки источников, что Филан лежал в стороне Табарсараиа, я не был бы удивлен, если бы загадочный Филан или его остатки следовало искать в Южном Дагестане в районе между Восточным Шакки и Самуром. Поражает число сгруппированных здесь селений, в названия которых входит элемент «фил»...» 23.

Хайдаки («кайтаки») — горцы, говорящие на языке даргинской группы. Название засвидетельствовано (с различными ошибками в написании) у арабских авторов IX—X вв. Гумики — горцы, говорящие на одном из кавказских языков 24, сами от теперь себя называют «лак», русские называют их «лакцами» Прежде они были также известны под названием «гази» или «казикумухцев». В раннеарабской литературе они упоминаются как христиане, союзничающие с аланами и враждебные арабам Однако в течение VIII—XIII вв. здесь утвердился ислам суннитского толка. Согласно преданию, жители главного селения лаков — Кумух — получили прозвище «гази», т. е. «воюющие за веру».

Абу Хамид говорит о сарирском языке, тогда как ал-Истахри (писал около 951 г.) отмечает, что «ас-Сарир — название государства, а не города или народа». Минорский считает «Сарир названием государства, правитель которого носил титул «сахиб ас-сарир» — «владелец трона». Это название является просто сокращением титула. Мусульманские источники сходятся в том, что этот титул сасанидского происхождения 25. Подданными правителя Сарира был народ горцев, занимающий центральную часть Дагестана вдоль главного течения Кой-Су, известный сейчас под именем аварцев (самоназвание — «мааралулал»).

Впервые отождествил население государства Сарир с предками аваров В. В. Бартольд, основываясь, в частности, на том что Ибн Руста приписывает правителю Сарира титул «авар» 26 Данные археологических раскопок в последнее время подтверждают преемственность культуры X—XIII вв. на территории Аварии [92] от культуры более раннего периода (VIII—X вв.) 27, что косвенно подтверждает отождествление Сарира с территорией, населенной предками аварцев.

Масуди пишет, что владелец Сарира исповедовал христианство, а Ибн Руста добавляет, что его подданные были также христианами. По-видимому, христианство, проникшее из Грузии, сохранялось у аварцев до XIV—XV вв., хотя среди них были и мусульмане, как об этом свидетельствует Абу Хамид. Ширванский историк Мухаммед Рафи указывает, что в период с IX по XIV в. Авария находилась в зависимости от арабских завоевателей, в частности от поставленного арабами шамхала, имевшего резиденцию в Казикумухе 28.

Аланами в западноевропейских и восточных источниках называли предков современных осетин. Ираноязычные племена сарматского происхождения появились на Северном Кавказе в V в., их основная территория (бассейны верхнего и среднего течения Терека и Кубани) лежит вне области, описываемой Абу Хамидом, однако часть их, по-видимому, жила в его время и в Дагестане. С VII в. в Алании начинает распространяться христианство. Считается, что среди части аланов ислам распространился только после XIV в., главным образом в XVII—XVIII

вв. Как мы видим из сообщения Абу Хамида, ислам был распространен среди аланов еще в XII в. 29.

На первый взгляд вызывает недоумение то, что ал-Гарнати наряду с аланским называет асский язык. Средневековые путешественники отождествляли алан с асами. Плано Карпини, Рубрук, Иосиф Барбаро знают о народе алан, которых именуют также «аас» или «ас». Грузины называли алан «осами» или «овсами», а русские — «Яссами». Однако весьма вероятно, что все же асы и аланы представляли разные племена. Вот что об этом пишет [93] М. И. Артамонов: «По-видимому, с которыми-то из них — с аорсами или с роксами — и следует сблизать асов или ясов, частично вместе с аланами уцелевших после гуннского нашествия в горах Кавказа, а частично—по северной окраине восточноевропейских степей, где последние и были известны под именем «асии» («Кембриджский аноним») или «ясов» («Русская летопись»). На Кавказе они в конце концов были поглощены аланами» 30. Абу Хамид, отличающий асский язык от аланского, свидетельствует в пользу гипотезы М. И. Артамонова. Вероятно, даже в XII в. асы еще не были полностью поглощены аланами, и, возможно, диалектные различия иранского и других диалектов осетинского языка отражают эти древние факты.

Кавказоведам следует еще выяснить вопрос о том, какой народ фигурирует у ал-Гарнати под названием «закалан» и что такое «закаланский язык» (в готской рукописи он назван «гаркаланским») 31, что за народ «дархах» (может быть, «дарбах»? 32), что за «арнутский язык», упоминаемый в готской рукописи. То, что среди народностей Дагестана названы разговаривавшие на тюркском, арабском, персидском и курдском языках, не вызывает сомнения и не нуждается в комментариях. Среди языков назван зирихгаранский. Зирихгараны (зирихгараны) — это жители селения Кубачи, которые говорят на диалекте даргинской группы языков 33, Персидский термин «зирихгаран» (букв. «кольчужники») был принят для обозначения кубачинцев, [94] издавна известных и поныне славящихся своими металлическими изделиями 34.

Масуди писал: «Затем в сторону Сарира и гор — владение Зарикаран, что означает «мастера кольчуг», потому что большинство из них делает кольчуги, стремена, уздечки, мечи и другие роды оружия из железа. Они используют различные религии-ислам, христианство и иудейство. Их страна («балад») гористая, и это защищает их от соседей» 35.

Буквально о том же пишет в Тухфе ал-Гарнати, по его список изделия более разнообразны, указаны: «кольчуги, и панцири, и шлемы, и мечи, и копья, и лукп, и стрелы, и кинжалы, и все разновидности изделия из меди». Этот текст Абу Хамида давно известен и подробно комментирован 36«. Особенно знаменит его рассказ о погребальных обрядах зирихгаранов, по-видимому сложившихся под влиянием иранской религии зороастризма 37, По зороастрийскому ритуалу тела умерших выставляли для того, чтобы хищные птицы очистили кости от мягких тканей. Очищенные кости собирали и хранили в специальных костехранилищах — оссуариях. Согласно Авесте, костехранилища могли быть из различных материалов — камня, глины или тканей. Мешки, в которых хранили кости покойников зирихгараны, — это оссуарии типа, вполне допустимого зороастрийским ритуалом 38. [95]

В отличие от Масуди, утверждающего, что у зирихгаранов три религии, ал-Гарнати говорит: «Нет у них религии, и не платят они джизью». За этим следует рассказ о походе на зирихгаранов и его неудаче.

Всего этого нет в Му'рибе. Зато здесь автор рассказывает о жизни мусульман разных племен, «число которых знает только всевышний аллах», живущих в горах и разговаривающих на разных языках. Он описывает их «меховую одежду», по-видимому бурку, говорит о долголетию горцев, об обилии в долинах таких благ, как мед, мясо и фрукты, о мечетях и т. д. Ал-Гарнати называет эмира Абу-л-Касима, у которого он жил, с которым читал книгу ал-Махамили. Этот эмир говорил на языках разных народов, перечень которых уже рассматривался выше. Из Дагестана Абу Хамид направился по морю к стране хазар и прибыл к огромной реке («больше Тигра во много-много раз»), из которой вытекают большие реки. В Тухфе эта река названа: это Итиль — Волга. Ал-Гарнати указывает, что она начинается выше Булгара и впадает в море семьюдесятью рукавами.

На ней стоит город, который называют Саджсин (Саксин) 39. Собственно говоря, в XII в. уже не существовало Хазарского государства и даже на исконной хазарской территории от нижней Волги до Дагестана начала исчезать память о хазарах по мере растворения народа в среде других тюркских племен. Дольше всего именовался Хазарией Крым (в итальянских документах XII—XVI вв.). Однако для ал-Гарнати, как и некоторых других арабских авторов XII—XIII вв., и Каспийское море — все еще Хазарское море и Нижнее Поволжье — страна хазар. Саксин, по-видимому, новое имя старой хазарской столицы Итиля, подвергшегося нападениям гузов, Хорезма, Руси и во времена Бируни (973—1048 г.) лежавшего в развалинах 40. Он возродился в XII в., но принадлежал уже гузам. Археологами Саксин, как, впрочем, и Итиль, до сих пор не найдены, и точное местоположение Саксина неизвестно. Тоган (Зеки Валидн) локализует Саксин на месте Сарая Бату 41. Автор XV в. ал-Бакуви утверждает, что в его время на месте Саксина возник Сарай Берке 42. Левицкий приводит известие, относящееся к XII в. и пересказанное в труде Ибн Исфандийара по истории Табаристана (написанном [96] в 1216 г.) 43, согласно которому Саксин поддерживал торговый контакт с Амулем и сюда через Амуль прибывали мусульманские купцы из Ирака, Сирии, Хорасана и из Индии 44

По сведениям Ибн Исфандийара, до 400 больших морских кораблей ежегодно осуществляли перевозку между Саксином и Амулем. С Саксином торговали не только купцы из Табаристана которые ездили вверх по Волге и достигали Булгара, но и купцы Баку, Дербента и Хорезма 45.

В географической литературе XIII—XIV вв. «Саксин» обозначает не только город, но и область. Географический словарь Йакута, законченный начерно в 1224 г. и описывающий первое монгольское вторжение в Европу (через Дербент), последовательно перечисляет завоевание хазар, алан, русских, Саксина, кыпчакских степей. Булгара 46. В русских летописях упоминается о народе «саксин» (очевидно, жителей области и городя Саксин), ушедших вместе с половцами в Каспийскую Булгарию во время нападения татар в 1229 г. 47. Брат Юлиан из Венгрии в своем письме о монгольской войне, составленном около 1235г. в числе завоеванных татарами языческих царств наряду с Фулгарией (Болгарией) и др. называет Сасцию. Издатель русского перевода этого памятника С. А. Аннинский считает, что написание этого слова очень напоминает по форме Саксин 48. Ад-Димашки (ум. в 1327 г.) называет Приволжскую возвышенность «Саксинскими горами» и даже Азовское море — «Саксинским». Очевидно, после татарского завоевания Саксин пришел в упадок. Каирская миссия, выехавшая в 1263 г., нашла только лишь «суда русских» в речной навигации близ ставки хана Берке, которая тогда еще называлась Саксином 49. По-видимому, память [97] еще долго сохраняла название Саксина. Автор XIV в. Хамдаллах Казвини еще упоминает Саксин, хотя считает его незначительным поселением 50. В XV в. ал-

Бакуви, как выше сказано, уже считал Саксин исчезнувшим городом и сближал его с Сараем Берке.

Гузы арабских и персидских источников представляли союз кочевых и полуоседлых племен Приаралья и Прикаспия, в начале XI в. проникших в южнорусские степи. Русские их называли торками 51. Видимо, гузы сыграли большую роль в вытеснении печенегов из степей Восточной Европы. В русских летописях последнее упоминание о печенегах относится к 1169 г. 52. Но и сами гузы здесь долго не удержались, в конце XI в. они были вытеснены половцами. Главная масса печенегов ушла в Византию и Венгрию, а уцелевшие торки были расселены русскими князьями по Руси. С 1060-х до 1140-х годов в Поросье обитали кочевники, которых русские летописи называют торками, печенегами и берендеями, позже появляется общий для этих племен термин «черные клобуки».

В Нижнем Поволжье угузов в XII в. еще существовали собственные города 53, к каковому и принадлежит Саксин, впервые упоминаемый ал-Гарнати. Он называет Саксин «городом в земле хазар и тюрков». По-видимому, у кочевников сохранялись родо-племенные традиции, о чем свидетельствует сообщение, что в Саксине сорок племен гузов и у каждого племени свой эмир. [98]

Названные здесь сорок племен гузов, конечно, не могут приниматься в расчет как точно определенное количество племен. Цифра дана округленно, хотя, возможно, близка к реальной. Гузы и воспринявшие огузскую генеалогическую традицию туркмены на протяжении тысячелетия — с XI по XX в. — сохраняют традиционное деление на 24 племени 54. Огузские племена возводили свое происхождение к легендарному родоначальнику Огуз-Кагану (Огуз-хану), по именам 24 внуков которого назывались происшедшие от них огузские племена 55. Говорится и о нескольких племенах хазар, уже исповедовавших ислам, племенах болгар и народности сувар 56. Кроме, того, в городе многообразных племен купцов, и чужеземцев, и пришельцев из Магриба. Не совсем понятно, о ком в последнем случае идет речь: в других частях рукописи ал-Гарнати «сыны магрибинцев» — это печенеги, в готской рукописи сказано: «сыны арабов с Запада» 57.

Саксин — большой «международный» город, главным образом состоящий из шатров (юрт), характерных жилищ кочевников, но со многими мечетями. Очевидно, каждый из народов, названных ал-Гарнати, селился отдельной колонией и имел собственную мечеть, это определялось не только их племенной принадлежностью, но и тем, что они принадлежали к различным религиозным толкам суннитского ислама. У каждого народа имеются свои судьи и проповедники. Но Саксин был городом не только кочевников с их юртами, покрытыми войлоком, но и оседлого населения с домами, срубленными из сосновых бревен, с крышами и потолками из досок, с завешиваемыми шкурами дверями и очагами внутри дома, поддерживающими жару, «как в бане».

Абу Хамид описывает климат, реки, животных, птицу (мясо, фрукты) и т. д. Его поражают холодные зимы, замерзающие реки, в особенности Волга, по льду которой он измерил ее ширину, равную 1840 шагам.

Абу Хамид дает описание рыбной ловли, производимой с судов на Волге. Рыбаки ставят сети в устье ее протоков и наполняют суда рыбой. Рыбы так много, что запасы ее неисчерпаемы. [99]

В совершеннейший восторг Абу Хамида приводят размеры и качества волжской рыбы, судя по описанию — белуги, осетра или севрюги. Когда он утверждает, что

одну рыбу может снести только сильный мужчина, а есть рыбы, которых может снести только сильный верблюд, — в этом нет преувеличения, так как белуги достигают веса в 1 тонну, а иногда и до 1,5 тонны. Сто маннов — вполне реальный вес рыбы. Точен ал-Гарнати и в утверждении, что в такой рыбе нет костей — скелеты осетровых хрящевые. И конечно, трудно с ним спорить, когда он утверждает, что «она (рыба) вроде овечьего курдюка, нашпигованного куриным мясом», но и этого кажется автору мало, и он восклицает: «Нет, даже приятнее мяса жирного барашка и вкуснее». Он обращает внимание на дешевизну мяса, особенно баранов, «когда приходят караваны неверных». Сообщает, что в стране хазар для торговых сделок употребляют олово, брусок которого . весом в восемь багдадских маннов стоит динар. Брусок разрезают на кусочки, и на них покупают фрукты, хлеб, мясо и т. д. Расстояние между Саксином и Булгаром, по словам Абу Хамида, составляет 40 дней пути по реке 58. Булгар — очень большой город, построенный из сосны (имеются в виду дома), стены его сделаны из дуба. Абу Хамида поразили длинные дни и короткие ночи летом и обратное явление зимой. Он прибыл в Булгар летом и испытывал такую жару, что она ему показалась более сильной, чем где-либо в мире. Вместе с тем он отмечает, что вечера и ночи здесь настолько холодны, что необходимо много одежды, а зимой холод так силен, что трескается дерево. Зимой владетель этой страны совершает набеги на соседние племена, чтобы взять в плен их женщин, сыновей и дочерей и чтобы захватить лошадей. Обитатели Булгарии хорошо переносят холод, в частности, по мнению Абу Хамида, потому, что они употребляют в пищу много меда, который у них очень дешев. Дальше следует рассказ о скелетах легендарного народа Ад, [100] известный и по Ибн Фадлану, но, по-видимому, самостоятельный у Абу Хамида. Он сообщает о том, что под землей находят бивни слонов, белые как снег и тяжелые, как свинец, которые вывозят в Хорезм и Хорасан и используют для всяких поделок. Несомненно, здесь речь идет о вывозе мамонтовой кости. Это любопытное сообщение не новость в арабской литературе. Еще в X в. Ибн ал-Факих в «Книге стран» (903 г.) сообщал о кости «хуту», которую вывозили из северных стран через Хорезм, о «хуту» пишет и Ибн Фадлан. Однако у других авторов «хуту» — рог какого-то фантастического животного, ал-Гарнати же определенно пишет о бивнях мамонта 59.

Абу Хамид полностью приводит легенду о происхождении названия булгар, в кратком виде известную из Казвини. Легенда гласит, что якобы некий мусульманский купец вылечил от тяжелой болезни здешних царя и царицу и убедил их принять ислам. Спустя некоторое время на страну напали хазары, но были разбиты и также принуждены победителями принять ислам. Купца прозвали «булар» или «билар», что значит «ученый человек», и по этому прозвищу стали называть и всю страну. Абу Хамид сообщает, что эту легенду он прочитал в «Истории Булгар», написанной кади города Булгара, который был одним из учеников Абу-л-Маали ал-Джувайни. Предполагается, что эта, не сохранившаяся до наших дней «История Булгар» была написана в XII в. Якубом ибн Нуманом 60, которого посещал Абу Хамид во время пребывания в Булгаре в 1136 г. 61.

В этой легенде сохранились сведения о зависимости до X в. булгар от хазар: «и пришел к нам царь хазар во главе большого войска...», что, по-видимому, соответствует исторической действительности, хотя в «Истории Булгар» победителями оказываются булгары, а не хазары.

Булгарское царство сформировалось к началу X в. В его состав вошли многие племена, населявшие Поволжье, предки нынешних удмуртов, коми, мари, мордвы и чувашей. Объединившие эти племена под единой властью и давшие название государству кочевники-булгары к X в. окончательно переходят к оседлому образу

жизни. Писатели X в. еще отмечали, что на лето болгары оставляли города и переходили на кочевой образ жизни. Абу Хамид же пишет о городе Булгаре как целиком состоящем из деревянных домов и не упоминает о войлочных: [101] юртах, на которые обращали внимание его предшественники (Ибн Фадлан, аль Балхи). Среди всех болгарских городов (Сувар, Биляр, Амиль и др.) выделялся Булгар, расположенный на пересечении торговых водных путей по рекам Волге и Каме и сухопутного караванного пути с востока на запад. Правда, и XII в., когда Абу Хамид посетил Булгар, этот город вследствие постоянных ударов, наносившихся ему во время войн русскими князьями, начинает уступать свою первенствующую роль государству, расположенному дальше от восточной границы, — г. Биляру (на Черемшане) 62. Но Абу Хамид еще не замечает признаков начинающегося упадка и пишет о могуществе болгарского царя, которому платят джизьи многие народы.

У Булгара есть область, жители которой платят харадж, между ними и Булгаром месяц пути, называют ее Вису. Народ или область Вису («весь» русских летописей) известны и другим восточным авторам. До Абу Хамида о ней упоминают Ибн Фадлан, ал-Бируни и ал-Марвази 63. Почти 150 лет назад акад. Френ в обстоятельном специальном исследовании пришел к выводу, что «страна вису» — это белозерская весь 64. Дальнейшие исследования это подтвердили. По летописи, весь жила в районе Белого озера («на Белоозере седять Весь» — сказано в «Повести временных лет»). Однако, по археологическим данным и по данным топонимики, весь занимала территорию от Восточного Приладожья до Белозерья включительно 65. Земля веси лежала на торговом европейско-арабском пути. Путь из Новгорода на Восток шел по Сухоне и Вычегде, а также вел в Приладожье через Кубенское озеро и Шексну. Белозерье могло быть связующим звеном между Приладожьем и Прикамьем. По-видимому, весь очень рано вошла в состав Руси. По «Повести временных лет»: «А се суть инии языци, иже дань дают Руси: чюдь, меря, весь, мурома...» Часть веси обрусела, но в XII в. среди сельского населения Белозерского края существовали поселения веси, сохранявшие свои древние языческие верования, погребальные обычаи и костюм, несмотря на влияние, оказанное [102] на нее окружающей славянской средой. По-видимому, потомками веси являются современные вепсы.

Другая область, «которую называют Ару», впервые упоминается Абу Хамидом. С. Дублер, комментируя это название, совершенно неожиданно и необоснованно приходит к заключению, что это транскрибированное по-арабски название норманнского аристократического рода *Aruastus*, который передал свое имя Целому финскому народу. На самом же деле область Ару, находящаяся рядом в Вису, — это, по-видимому, Арская земля русских летописей 66, населенная финским племенем, возможно предками современных удмуртов. В летописи под 1379 г. сообщается о походе вятчан на Арскую землю 67. Арский городок и арские князья упоминаются в связи с событиями 1469 и 1489 гг.. Особенно много в летописях сказано об арских людях, арской земле в связи с походами Ивана IV на Казань 68. В Казани была Арская дорога, ведущая в Арскую землю. Под 1553 г. сказано и о пределах Арской земли «на полтораста верст поперек, а в длину — и по Каму». В 52 км к северу от Казани и сейчас существует город Арск. По описаниям Никоновской летописи, арские люди жили в неприступных местах среди непроходимых лесов и болот и строили для своей защиты укрепленные городища. Их главный оплот находился на горе. Одно из городищ было поставлено на р. Меше в 70 верстах от Казани 69. Арск обычно сближают с чувашским «ар» — «удмурт», «человек» 70 и с татарским «ару» — «удмурт». Таким образом, у Абу Хамида об арском народе упоминается на 200 лет раньше, чем в русских летописях.

После бесконечных, большей частью неудачных попыток определить одну из трех групп русов, о которых сообщают восточные источники, восходящие к IX в., — Арсу, вероятно, не следовало бы еще умножать количество предположений, но трудно удержаться, чтобы не высказать гипотезу, что народ ару или ар («ар» — «человек», весьма распространенное самоназвание у многих народов) был известен еще за 200 лет до ал-Гарнати. Эта страна находилась где-то на севере. Согласно одной из рукописей Истахри (в коллекции Chester Beatty), земля Арса прилегала [103] к северной необитаемой пустыне 71. Из нее вывозили лучшие меха и свинец (олово?). Меха, конечно, могли вывозиться из области, которая позже называлась Арской землей, что же касается олова, то оно могло доставляться с Урала. Я не хотел возвращаться к этой теме, которую я уже пытался решить, располагая, впрочем, старыми и неудачными переводами 72. После появления прекрасной статьи А. П. Новосельцева и его новых переводов 73, мне кажется, опасение, что местоположение Арсы никогда не будет установлено, не должно мешать новым поискам. Статья Новосельцева убеждает в том, что «русы» арабских источников — это какая-то часть населения не только славянских, но и северной части угрофинских областей Восточной Европы. Таким образом, сопоставление одной из групп русов с народом «ару» вполне правомерно, хотя сведения эти отделены промежутком в 200 лет, но ведь и «ару» Абу Хамида отделяет от Арской земли русских летописей тоже 200 лет.

В стране Ару, согласно ал-Гарнати, «охотятся на бобров, и горностаев, и превосходных белок», и от них идут «чрезвычайно хорошие шкурки бобров» (рис. 4). А день там летом — двадцать два часа. Это сообщение ал-Гарнати в равной степени относится к стране вису и ару. Примерно то же сообщает Ибн Фадлан о стране вису: «Ночь у них менее часа». Исследователь географических открытий Р. Хенниг пытается по этому указанию определить местонахождение вису. Он пишет, что лишь в районе Чердыни и севернее, «а не к северу от озера Белого солнце летом, как обнаружил Ибн Фадлан, действительно скрывается за горизонтом всего на 1 час. На озере Белом, а также в Чердыни, у 60° с. ш. самая короткая летняя ночь все же длится около 5 часов, а в Холмогорах — 2 часа. На севере России ночь продолжительностью «менее часа» могла быть отмечена только примерно в районе колена Печоры». Но далее Хенниг резонно замечает: «Правда, Ибн Фадлан вряд ли вкладывал в понятие «ночь» строго астрономическое содержание, подразумевая период, когда солнце находится за горизонтом. Если же арабский [104] путешественник хотел сказать, что полная темнота длится менее 1 часа (а это вполне вероятно), то ничто не мешает отнести его слова и к гораздо более южным областям» 74. В самом деле, и поныне различают «долготу дня» как понятие астрономическое, т. е. промежуток времени между восходом Солнца и его заходом, в течение которого Солнце бывает над горизонтом, и «долготу дня» как понятие обиходное, под которым подразумевают долготу светлого времени дня, включающую утренние и вечерние сумерки. Для 56° с. ш. (Арская земля) долгота светлого времени дня в июне — июле достигает 20—21 часа, а для 60° (земля Вису) — 22—24 часов 75. Таким образом, у Хеннига нет оснований, опираясь на сообщение о длине дня, относить страну Вису к бассейну Колвы и Печоры, как это он делает.

Обстоятельный рассказ о нравах бобров представляет у ал-Гарнати смешение истинных сведений с совершенно фантастическими, перенесенными на сообщество бобров данными о человеческом обществе: здесь и войны между бобрами, и пленные, и рабы, и слуги, и т. п. После рассказа о бобрах Абу Хамид переходит к описанию области Йура на море Мраков (так арабы называли Северный Ледовитый океан) 76. [105].

Йура упоминали также Марвази и Бируни 77. Это Югра русских летописей — древнее название предков хантов (остяков) и отчасти манси (вогулов). Первоначально югра жила на территории, простиравшейся от р. Печоры до северо-западных склонов Уральского хребта. В XI—XV вв. под давлением коми-зырян и русских югра постепенно откочевывала на восток 78. Пушные богатства Югорской земли издавна привлекали внимание восточных и болгарских купцов. В XI в. туда открыли дорогу новгородцы (по р. Северной Двине, ее притокам и далее по р. Печоре). В XII в. Югорская земля стала одной из колоний Новгорода.

Весьма интересно описание Абу Хамидом меновой торговли, пожалуй, одно из лучших в этнографической литературе, очень ясное, несмотря на краткость и лаконичность (рис. 5). Очевидно, именно это сообщение Абу Хамида легло в основу рассказа о немой меновой торговле у Закарии Казвини, Ибн Баттуты, Му-баракшаха Марваруди и Абу-л-Фида 79. Правда, Казвини включает повествование о немой торговле в раздел, посвященный не народу йура, а народу вису, но удивительное сходство текстов и в особенности концовки о том, что покупатели и продавцы не видят друг друга, свидетельствует о том, что они восходят к общему источнику, каковым был, по-видимому, Абу Хамид. Ибн Баттута рассказывает о меновой торговле после сообщения о езде на собаках, очевидно заимствованного у Марвази. Ибн Баттута сам собирался пробраться в «страну мрака», но отказался от этого «вследствие больших хлопот, [потребных] на это, и малой [106] пользы (от такой поездки)». Его сообщение как будто бы основано на рассказе, слышанном им в Булгаре, но оно сходно с Абу Хамидом и возможно, заимствовано из его сочинения. Абу-л-Фида прямо указывает, что его сообщение дано со слов некоего путешественника, достигшего Северного моря 80. Этим путешественником, по-видимому, был Абу Хамид, хотя он и не был в земле Йура и свою информацию получил все в том же Булгаре.

Как утверждает Абу Хамид, выгоднее всего торговать с народом Йура мечами (их делали в Зенджане, Абхаре, Тебризе и Исфахане и ввозили сюда из стран ислама). Он подчеркивает, что эти мечи «как раз те, которые годятся, чтобы везти в Йуру». Это замечание не случайно. Как известно, на Восток вывозились европейские мечи. У Ибн Хордадбега сказано о русских купцах, которые привозят мечи к Румийскому морю, а иногда и дальше, в Багдад. У ал-Мукаддаси мечи названы в числе товаров, привозимых через Булгар в Хорезм. Упоминания о русских или франкских мечах есть и у других восточных авторов. Автор Худуд ал-'алем даже объясняет, чем хороши эти мечи: «их можно согнуть вдвое, и они вновь выпрямляются, если отнять руку». В то же время навстречу этим мечам с Востока и Булгар везли клинки, сделанные в странах ислама. Это объясняется тем, что техника производства европейских и восточных мечей резко отличалась. На Востоке мечи изготавливались в подавляющей массе цельносталевыми, а в Европе — сварными из железа и цементированной стали 81. Последние были дороже, но лучше служили в качестве оружия, и их везли на Восток. В Европе негнувшиеся и хрупкие восточные мечи не стали бы покупать, и мусульманские купцы с выгодой сбывали мечи, «закаленные крепкой закалкой» северным народам, ценившим не меч, а металл, из которого он сделан.

Абу Хамид подчеркивает, что восточные купцы не ведут непосредственного обмена с северными народами. «А эти мечи, которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят большую прибыль. Затем болгары везут их в Вису, местность, где водятся бобры, затем жители Вису везут их в Йуру, и ее жители покупают их за соболиные шкуры и за невольниц и невольников». Таким образом, и в данном случае Булгар выступает как крайний пункт, которого достигали на севере купцы и

путешественники из стран Востока. [107] Абу Хамид указывает, что Йура не ведут войн. Им мечи нужны для других целей: они бросают их в море, и Аллах выводит оттуда огромную рыбу, мясом которой жители Йура питаются целый год. «Говорят, действительно, если жители Йура не бросят в море мечи, которые я упоминал, то им не будет послана рыба и они умрут с голоду». За этим фантастическим рассказом не трудно увидеть преломленный в представлении жителя южных стран рассказ о гарпунной охоте на китов 82. Для гарпунов и нужны были необделанные железные клинки, которые ввозились с Востока. О том, как ценили северные народы железо, мы знаем из относящегося к тому же XII в. рассказа Гюряты Роговича, помещенного в «Повести временных лет» под 1096 г., но, вероятно, услышанного летописцем в Новгороде в 1114 г. 83

В сочинении Абу Хамида мы находим наиболее подробное из древних описаний лыж. С. Дублер ошибочно считал это описание лыж древнейшим в литературе восточных путешественников и ученых 84. На самом же деле описание лыж имеется еще в труде, написанном в 1025 г. знаменитым хорезмийским ученым Бируни 85. О лыжах рассказывает и Марвази (около 1120 г.) 86. Лыжи, описываемые Абу Хамидом, по-видимому, близки к современным. Наличие только одной палки объясняется тем, что лыжник часто был охотником и вторая палка мешала бы ему стрелять 87 (рис. 6). Этнографы считали, что вторая палка вошла в практику только в XIX в. с возникновением лыжного спорта. Однако текст Марвази как будто указывает на наличие уже в его время скользящих лыж с двумя палками: «... берут они и свои руки два копыя, втыкают их в снег позади себя, таким образом скользят ноги их вперед по ледяной поверхности...»

Рассказ об огромной рыбе, которую Аллах посылает для пропитания народу Йура, по-видимому, имеет реальную основу в известных случаях обсыхания китов на прибрежных отмелях [108]. К фольклору народов Поволжья восходит рассказ о нимфе, вышедшей из уха рыбы. Абу Хамид описывает внешность обитателей Вису и Ару, которых он видел зимой в Булгаре. Это краснощекие, голубоглазые, белокурые люди, одетые в льняные одежды и меховые шубы. Как истинно средневековый человек, он верит в то, что жители этих северных стран могут приносить с собой холод и поэтому их не допускают в страну Булгар летом. После рассказа об удивительной птице, мясо которой в вяленом виде привозят в Булгар, так как оно обладает целебными свойствами, Абу Хамид переходит к описанию славянских земель.

Арабы издавна (первое упоминание в арабской литературе около 700 г.) называли славян «саклаб» (мн. число «ас-сакалиба»). В X в. некоторые авторы называли так все народы Восточной и Северной Европы, которых не могли отнести к византийцам, франкам и русам 88. Абу Хамид называет славянами, очевидно, всех восточных славян. Он не знает имени Русь. Впрочем, в начале пути по славянским землям он мог и не слышать этого слова, так как в его время Русской землей назывались преимущественно южнорусские области. Что же касается реки, по которой он ехал и которую называет Славянской рекой, то можно почти не сомневаться, что он имеет в виду р. Оку. Правда, описание реки и животных ничего не дает для определения того, какая это река. О безвредных гадах, которые якобы водятся в Волге и ее притоках, писал еще Ибн Фадлан. Зверек, похожий на кошку, — «водяной соболь», — может быть выдрой. Этот зверек водится во всей Европейской части СССР, кроме Крайнего Севера (соболь не характерен для русской средней полосы, и он не речное животное. Бобра вряд ли имел в виду [109] Абу Хамид, так как он хорошо знает его и подробно описывает). Утверждать, что Абу Хамид ехал по Оке, можно, основываясь лишь на его маршруте,

продиктованном целью путешествия, которой был Киев. Кратчайший и древнейший путь из Булгар в Киев шел по Оке и Десне. Возможны различные варианты использования рек, связывающих бассейн Десны с Окой: путь по Сейму с переходом на Оку в районе Курска, по Болве и Жиздре и по Угре. Издавна существует взгляд, утверждению которого особенно содействовал А. А. Шахматов, будто до конца XI в. путь из Киева на среднюю Волгу еще не шел по Оке, так как вятические земли якобы считались непроходимыми и в это время ездили в обход по Днепру через Смоленск и верховья Волги. Не имея возможности привести здесь все возражения по этому вопросу, укажем лишь, что с самого начала IX в. мы видим скопление кладов дирхемов на Окско-Деснинском пути, отмечающих древний важный торговый путь. Несомненно, что в XII в. это был важнейший путь из Киева на Восток 89. С Оки Абу Хамид мог свернуть на Клязьму, с тем чтобы дальше по Вазузе приблизиться к Днепру, но этот путь был длиннее, чем Окско-Деснинский, и поэтому следует предположить, что Абу Хамид, спешивший в Венгрию, проехал по Оке через Рязанскую землю. Почему же он называет Оку Славянской рекой? Прежде всего нужно указать, что Абу Хамид очень скуп на имена собственные вообще. Свое сочинение он писал через 12 лет после путешествия и мог забыть славянское название реки. Хрбек предполагает, что, не зная или забыв название реки, Абу Хамид назвал ее по народу, живущему на ее берегах. Нам представляется иначе. Абу Хамид просто привел давно уже известное и неоднократно употребляемое другими восточными авторами название: начиная с IX в. Славянской рекой они называли Волгу и ее притоки, в том числе и Оку.

Многие авторы (Маркварт, Бартольд, Минорский, Вернадский, Ефименко и Третьяков) считают, что Славянская река, упоминаемая Ибн Хордадбехом, Ибн Хаукалем и ат-Табари,— это Дон. При этом они следуют за голландским ориенталистом де Гуде, который у Ибн Хордадбеха ошибочно прочитал название реки Танаис вместо Итиль, как это сделал еще Гаркави, а вслед за ним Вестберг 90. В другом месте Ибн Хордадбех пишет, что Итиль вытекает «из земель славян». Что же касается ат-Табари, то по его тексту совершенно невозможно решить, какую реку [110] он называет Славянской. Ибн Хаукаль же определенно говорит о Волге, называя ее Русской рекой. Автор труда, написанного в начале X в., Ибн ал-Факх ал-Хамаданн, сохранил в своей компиляции некоторые сведения, почерпнутые из более древних источников, в частности, вероятно, из оригинальной версии Ибн Хордадбеха 91. Он сообщает о дорогах славянских купцов, которые привозят товары из отдаленнейших частей славянской земли. Одна из этих дорог вела от Бахр ас-Сакалиба (Славянского моря) по реке, которая называется Нахр ас-Сакалиба (Славянская река), к хазарскому городу, находящемуся в устье Волги 92. В данном случае Славянской рекой называют, по-видимому, и Оку и Волгу, принимая Оку за верхнее течение Волги. Ал-Бируни и ал-Димашки называют Волгу (ее верхнее течение), а может быть и Оку, «рекой славян и русов». Идриси и Масуди, говоря о «русской реке», имеют в виду Волгу, хотя, по-видимому, иногда рассматривают Дон как рукав Волги 93. Таким образом, есть все основания полагать, что Абу Хамид называл Оку «Славянской рекой» не только потому, что ее берега были населены славянами, но и следуя древней традиции арабских географов.

Особый интерес представляет сообщение Абу Хамида, проливающее свет на вопрос о денежном обращении на Руси в так называемый безмонетный период. Известно, что в XI—XII вв. на Руси наблюдался рост мелкого товарооборота. Как же он осуществлялся при отсутствии мелкой разменной монеты, когда единственными денежными единицами были слитки большой стоимости? Со времен Карамзина в русской историографии идет спор о существовании «меховых

денег». В советской историографии теория меховых денег подверглась значительным нападкам, Справедливо опровергая утверждение о чисто промысловом характере экономики древней Руси, некоторые историки и нумизматы сочли необходимым для доказательства ошибочности этой теории (несмотря на то что она и без того сравнительно легко опровергалась) подвергнуть сомнению вопрос о существовании меховых денег 94. Между тем теория «меховых денег» опирается [111] на ряд довольно достоверных свидетельств. Достаточно сказать, что в пользу древности мехового обращения говорит «Русская правда». изнашиваемость пушнины, ее непрочность вызывали больше всего сомнений в возможности ее использования в качестве товаро-денег. Возможность же существования кожаных денег, т. е. ассигнаций, казалась совершенно невероятной. Чаще всего в связи с вопросом о меховых деньгах цитировался текст, приписывавшийся автору XII в. Ахмаду Туси. Отрывок из персидской рукописи, содержащий сообщение о торговле древней Руси, был впервые опубликован в 1827 г. вместе с переводом на французский язык И. Хаммером 95, полагавшим, что автором является Ахмад Туси. Позднее было найдено несколько списков этого сочинения, и Н. Д. Миклухо-Маклай убедительно доказал, что в действительности оно принадлежит другому автору XII в. — Наджибу Хамадани 96. Поньше востоковеды не дали сравнительного критического анализа всех списков, один из них, по-видимому наиболее древний, принадлежащий Парижской национальной библиотеке, не опубликован, а эта слабая изученность источника вызывала сомнения и недоверие в отношении сообщения Наджиба Хамадани. Несмотря на то что перевод Хаммера признан неудовлетворительным, поскольку рукопись, которой он пользовался, не сохранилась, привожу этот перевод: «Au lieu d'argent courant ils se servent de peaux epiles, mais ayant encore ies pattes et pieds, car s'il en manque une partie cette, pear n'a pas de cours (comme monnaie). Ils ne peuvent pas peaux hors du pays, ils les donnent timbrees (portant le Tamgha) » 97.

Е. Э. Бертельс и Ф. А. Розенберг уточнили перевод Хаммера: «На Руси ходячая монета — белка, не деньги. Это кожи без волос с передними и задними лапками и с когтями» 98 (рис. 8). Переводы списков рукописи, находящихся в Институте востоковедения Академии наук СССР, сделанные Л. Т. Гюзальяном по [112] просьбе И. Г. Спасского, в общем повторяют тот же текст, 99 если не считать, по-видимому спорного, перевода списка Д-129. К этому му списку обратился А. П. Ковалевский, который доказывает (по нашему мнению, не очень убедительно), что первоисточником сочинения Наджиба Хамадани служит сообщение Ибн Фадлана и даже вставляет реконструированный текст Хамадани в свои критический перевод мешхедской рукописи. Признавая, что текст Хамадани имеется в вариантах столь различных, что пока восстановить его первоначальную редакцию не удалось, А. П. Ковалевский все же дает условный сводный текст по рукописи Института востоковедения (Д-129 из собрания С. Ф. Ольденбурга) с учетом выписок у Хаммера и у Дорна 100. «У русов ходовая местная монета — шкурки белки 101 [и] соболя без шерсти, [но] с хвостом, передними и задними лапами, когтями и головой. Если чего-нибудь недостает, то от этого шкурка становится бракованной. Их [эти деньги] оттуда вывозить нельзя — их отдают за товары 102. Весов там не имеют, по только определенные [стандартные] слитки . [металла]...» У Амина Рази (конец XVI в.) тот же текст пересказан так: «Вместо денег [у них] в обращении шкурки белок. Ими они совершают торговые сделки. Точно так же весы в тех местах не распространены. Они совершают куплю-продажу посредством мерной чашки...» А. П. Ковалевский предполагает, что у обоих авторов был один первоисточник, но один пропустил упоминание о мерных чашках, другой — о слитках металла.

В поэме Низами «Искандер-намэ» говорится о том, что у русов вместо денег в ходу ветхие, вытертые шкурки белок и соболя.

Увидел он: навалено столько, что не помыслить,

беличьих голов и соболиных морд.

Старые они были, волос из них повылез,

но висели они на лучших местах.

Когда он некоторое время на те кожи поглядел,

не знал он, чего ради накоплены те кожи. [113]

Спросил он: «Эти старые кожи

для какого украшения в сущности годны?»

Один рус дал ему прекрасный ответ:

«Из этой кожи [скорлупы] рождается все то ядро.

Не гляди с презрением на эти сухие шкуры.

Самая звонкая монета области — это и есть.

У нас эта жалкая кожа много дороже, чем самые мягкие меха.

Всякий мех, который здесь виден,

за эту безволосую кожу можно купить.

Если серебро каждой области при чеканке

все меняет свое клеймо, как время,

то у нас нет иных денег, кроме этой шерсти,

ни на волос эта шерсть дешевле не становится».

Этому диву поразился царь,

До какой степени покорны велению те люди 103.

Но вот перед нами новый источник. Его автор не компилятор, пользовавшийся чужими сведениями, и не поэт, а путешественник, побывавший в русских землях. Абу Хамид пишет:

«Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету [славян] серебряный дирхем, связывают [шкурки] в связку и называют ее джукн. И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине.

На них покупают любые товары: невольниц, и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары. И если бы эти шкурки были в какой-нибудь другой стране,

то не купили бы тысячу их вьюков за хаббу и не пригодились бы они совсем ни на что. Когда они [шкурки] испортятся в их домах, то их, [иногда даже] рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают».

Свидетельство Абу Хамида очень важно. Мы не знаем, где он видел описываемые им шкурки — в Рязанской земле, когда [114] он проезжал по Оке, или в Киеве, но, по-видимому, он относит эти сведения ко всем восточнославянским землям. Археологическим материалом, который подтверждает сообщение Абу Хамида и который в свете этого сообщения сам приобретает новое значение, являются находимые во многих русских городах свинцовые пломбы, количество которых в русских музеях составляет уже около 15 тыс. штук 104. Это небольшие круглые кусочки свинца со следами шнура и с изображениями или знаками на одной или на обеих плоских сторонах. Эти пломбы подобны печатям, но отличаются от них меньшими размерами и небрежностью отделки. Самая большая коллекция таких пломб собрана в Дроги-чине Надбужском, они найдены в Новгороде Великом, Пскове, на Днепре, на острове Каменоватом, в Киеве, Твери, Рязани, Переяславле Рязанском. Вопрос о назначении этих пломб, часто называемых по месту наибольшего количества находок «дрогичинскими», имеет довольно обширную литературу 105. Наиболее широко распространена точка зрения, согласно которой эти пломбы привешивались к различным товарам 106. Для того чтобы объяснить их скопление в некоторых пунктах, было высказано предположение, что их находят в большинстве случаев в крупных торговых центрах, где могли перегружаться или продаваться опечатанные этими пломбами товары.

Исследователи русской денежной системы, сомневаясь в возможности обращения меховых денег, всегда подчеркивали их непрочность и то, что в процессе обращения они должны быстро изнашиваться и терять ценность. Свидетельства восточных [115] авторов снимают этот вопрос, так как прямо указывают, что потерявшие свою абсолютную товарную ценность шкурки продолжают служить деньгами, как объясняет Абу Хамид, благодаря тому, что на них стоит княжеский знак, и они обязательны к приему в качестве денег, никто не смеет от них отказаться. То же подчеркивается в поэме Низами: Александру Македонскому объясняют значение у русов вытертых шкурок соболей и белок как денег. Низами знал, что эти шкурки обязательны к приему в качестве денег и что такой порядок поддерживается государственной властью. Мы можем представить себе существование своеобразной системы «кредитных билетов», выпуск которых, однако, лимитируется не государственной властью, а количеством добытой и оставшейся в употреблении в стране пушнины 107.

Разные типы пломб датируются временем от XI до XIV в. Вопрос о знаках, изображенных на пломбах и варьирующих в разных формах, — «трезубец», «двузубец» и т. и. «тамги», — за последние 50 лет неоднократно обсуждался, и после работ Н. П. Лихачева, А. В. Орешников, Б. А. Рыбаков и В. Л. Янина, кажется, не вызывает сомнения определение этих знаков [116] как княжеских знаков Рюриковичей. Знаки Рюриковичей на пломбах составляют не менее 25 % общего количества знаков 108. Можно отметить, что среди знаков, изображенных на рязанских пломбах, многие напоминают знаки Рюриковичей рода Святослава Черниговского и некоторые — знаки суздальских Рюриковичей.

При попытке истолковать значение пломб в свете свидетельства Абу Хамида следует ответить на вопрос о том, что, собственно, имеет в виду автор, когда он говорит об «изображении царя», оттиснутом на свинце. Пломбы с изображениями человеческих лиц составляют сравнительно небольшой процент общего количества, и изображения святых, в которых можно видеть княжеских патронов, среди них очень редки. Может быть, автор имел в виду не только «изображение царя» (князя), но и княжеские знаки вообще 109. Но и в этом случае не более 25 % пломб смогут быть определены как носящие такие знаки. На других пломбах изображения очень разнообразны. Есть поясные изображения святых, процветший крест, латинские буквы. На некоторых изображены кресты, звездочки, точки, кружки. На многочисленных пломбах — буквы славянского алфавита. Быть может, пломбы, на которых не изображены князья и которые не снабжены княжескими знаками, иного происхождения и действительно являются товарными пломбами? В целом же вопрос о пломбах может быть решен только в результате комплексного изучения общерусского материала.

Если поверить свидетельству Абу Хамида и предположить, что свинцовые пломбы — это не товарные знаки, а знаки, свидетельствующие о денежном обращении, те самые кусочки свинца с изображением князя, которые привешивались к связкам мехов и придавали им значение денег, то возникает вопрос: как обращались эти «деньги» в условиях феодальной раздробленности? Переходили ли опломбированные княжескими печатями связки мехов границы княжества? В связи с этим следует обратить внимание на очень важное наблюдение Н. П. Лихачева: «Получается общее впечатление наибольшего сходства дрогичинских пломб с рязанскими и прямого родства новгородских с киевскими, хотя эти последние все-таки как будто могут быть выделены в особую группу» 110. [117]

Отношение меховых денег к серебряным неоднократно подсчитывалось по русским письменным источникам. Но в большинстве случаев исследователи полагали, что термины «куна» и «веверица» или «векша» в письменных памятниках XI—XII вв. — пережиточные и означают металлические деньги. Сообщение Абу Хамида заставляет вновь рассмотреть этот вопрос. В его время 18 вевериц равнялись по стоимости одному серебряному дирхему 111 (рис. 10).

Для более позднего времени иностранные путешественники также упоминают о кожаных или меховых деньгах на Руси, об этом пишут Рубрук (XIII в.), Герберштейн (XVI в.); Гильбер де Ланнуа, посетивший Новгород в 1412 г., обратил внимание на то, что монетой здесь служат головки белок и кун. В Новгородских двинских владениях белка сохраняет значение денег в течение всего периода независимого существования Великого Новгорода 112. По-видимому, в XIII—XV вв. связки шкурок, служившие деньгами в Новгороде, были предметом экспорта за границу в качестве дешевого сорта меха или даже как кожи уже без волос. В документах о ганзейской торговле пушниной, и в частности в торговых книгах Тевтонского ордена, изданных Заттлером 113, среди загадочных названий мехов, принятых в нидерландско-ганзейском торговом обороте, упоминается самый низкосортный, дешевый товар — «шевениссы» (schewenissen). Исследователи ломали себе голову над объяснением этого термина. Г. Гутцейт считал его измененным русским словом «веверица», [118] «векша»; Сорториус и Лянненберг — производным от немецкого «schaben» — «скрести», «скоблить» — выщипанный мех. Л. Х. Штида предполагал, что это слово произошло от русского «шевня» — мех, сшитый из известного количества беличьих шкурок, или связка мехов 114. В памятнике 1345—1386 гг., говорящем о пошлинах на Торно-Владимирской торговой дороге, сказано: «Должны платить пошлину за бобра полторы куны, за лисицу — 9 шевень, за выдру

— 13 шевень». По мнению издателя памятника, «шевня» — здесь монета, соответствующая монете «белка» 115.

Для счета «шевенисс» имеется особая единица — «рейзе» (reyse). «Орденские книги не оставляют сомнения в том, что «рейзе» — это определенное количество, а именно—18 штук, которое можно легко вычислить из ряда записей» 116. Все эти данные по-новому выглядят в свете свидетельства Абу Хамида. Орденские приказчики обменивали на серебро русские меховые деньги и вывозили их в качестве товара за рубеж. Этот очень дешевый и легкий товар (в бочку можно было набить 12 тыс. штук) мерился связками по 18 штук, как он и ходил в качестве денег на Руси. Может быть, название «рейзе» было производным от русского денежного термина «резана». Конечно, нельзя прямо сопоставлять рассказ Абу Хамида с сообщением о шевениссах. Абу Хамид говорит определенно об «ассигнациях», о шкурках, имевших ценность лишь при обращении внутри страны, и притом с печатью князя. Нелепо предположение, что «ассигнации» могли вывозиться за границу, где их ценность несомненно была ниже [119] номинальной. Вероятно, в эпоху ганзейской торговли, если шевениссы служили деньгами, их меновая стоимость соответствовала потребительской.

После рассказа о деньгах у Абу Хамида следует рассказ о славянских законах. Не будем комментировать это сообщение Абу Хамида, поскольку оно в основном не противоречит тому, что мы знаем из «Русской правды». Отметим лишь, что оно говорит скорее в пользу тех исследователей, которые считали, что неисполнение обязательств по древнерусскому праву ведет к рабству 117. Следует обратить внимание на сообщение о том, что работа проданного в рабство за долги не засчитывается в сумму его долга и что, таким образом, он не может рассчитывать на освобождение без вмешательства со стороны.

Что касается причисления славян к несторианам, то это очевидное недоразумение. Вероятно, Абу Хамид, как и другие арабские авторы, знал о существующих на Ближнем Востоке двух христианских сектах — несториан и якобитов. Узнав на Руси о враждебном отношении православной церкви к католической, он решил, что славяне — несториане, точно так же как другой, довольно хорошо информированный о славянах автор, Масуди, решил, что они якобиты 118.

Упомянутый Абу Хамидом после славян народ, живущий в лесах и бреющий бороды, — это, очевидно, мордва. Правда, мы не имеем сведений о том, что мордва платила в XII в. дань волжским булгарам, как утверждает наш автор. Но это не противоречит существовавшей в то время ситуации. Известно, что в XIII в. в борьбе мордовских князей Пургаса и Пуреша принимают участие русские и болгары, причем Пуреш является вассалом русских, а Пургас — болгар. Весьма возможно возникновение вассальных отношений и соответственно уплаты дани мордвой булгарам и в более раннее время. Большая река, у которой живет лесной народ, это, по-видимому, та же Ока, по которой ехал Абу Хамид. Мордва в XII в. была еще языческим народом. Поклонение деревьям у мордвы сохранилось до недавнего времени. У них были священные дубы и «моляны» на лесных полянах. Зарегистрированы у мордвы и жертвоприношения [119] крупного рогатого скота перед деревом (на камне, покрывающем яму для стока крови) 119. Главная богиня мордовского Пантеона Виравва — это богиня леса, кроме нее у мордвы насчитывался целый ряд лесных богов.

Однако рассказ о колдуньях и об испытании их водой несколько неожидан, так как ничего подобного в отношении мордвы мы не знаем. Зато известно, что у славян

прочно держалась вера в существование ведьм и периодически происходили расправы с ними. Мы встречаем упоминания об этом в летописях с XI по XV в. Во время восстания 1071 г. на Волге народ «убивал лучших женщин», обвиняя их в том, что «держат урожай», а в 1411 г. псковичи во время моровой язвы «сожгоша 12 жонки вещей». Русский проповедник XIII в. епископ Владимирский Серапион в одном из своих поучений изображает явление русской жизни, порожденное суеверием: испытание ведьм посредством воды 120. Факт, указанный Серапионом, полностью аналогичен тому, о чем рассказывает Абу Хамид.

Следует обратить внимание на то, что у Казвини сообщение Абу Хамида о колдуньях отнесено к славянам, а не к «лесному народу» и помещено прямо за словами о христианстве славян 121. [121]

После рассказа о «лесном народе» Абу Хамид сообщает о своем приезде в Киев — «город Куйав». У ранних мусульманских географов (ал-Истахри, Иби Хаукаль) уже встречалась эта форма названия Киева (Куйяба, Куяфа) 122. У современника Абу Хамида Идриси мы встречаем на картах то же название «Куйав».

Поразительно, что Абу Хамид ничего, кроме «тысячи сынов магрибинцев», не заметил в Киеве. Хотя мы и рекомендовали сто читателю как наблюдательного путешественника, наблюдения Абу Хамида очень целенаправленны. Его интересуют торговля, верования, обычаи, меньше — внешний вид городов или местностей. Но все же он ведь описывает города Саксин и Булгар, а о Киеве только сообщает, что он там был. Между тем Киев с XII в., в то время, когда его посетил Абу Хамид [до разорения города Андреем Юрьевичем Владимирским (Боголюбским) в 1169 г.], был одним из крупнейших городов Европы, замечательным своим многолюдием, богатством, развитой торговлей, ремеслом, великолепными постройками и т. д. Столица древнерусского государства соперничала с Царьградом. Живописно расположенный на берегу Днепра, окруженный мощной каменной стеной, застроенный множеством деревянных домов, среди которых выделялись каменные церкви, Киев вызывал восхищение иноземцев. Летопись утверждает, что даже военачальник Батя, «увидив град, удивился красоте его и величеству его». А Абу Хамид не счел нужным сообщить своим слушателям ничего кроме того, что он побывал в городе Кусве и встретил там мусульман, которых обучил пятничной молитве. Это заставляет даже сомневаться в безоговорочном отождествлении названного Абу Хамидом города с Киевом. Но, учитывая специфику нашего [122] источника, умение автора видеть то, что его интересует, и не замечать другого, можно думать, что и Киев запечатлелся в его памяти только в связи с его «миссионерской» деятельностью.

Народом, разговаривающим «по-тюркски» и жившим в Киеве, очевидно, были печенеги, в арабских источниках обычно их название «беджнук» и «баджана». В первой половине XII в. о печенегах («черных клобуках») еще есть много сообщений в русских летописях, они жили в южнорусских степях, по-видимому, до вторжения монголов. Их центры находились на Руси, к югу от Киева. Жили они и в Киеве. Летописи считают печенегов язычниками. Ал-Баكري сообщает, что около 1009 г. печенеги приняли ислам 123. Так как они были отрезаны половцами от мусульманского мира, то, возможно, забыли некоторые религиозные правила, почему Абу Хамиду и пришлось их обучать пятничной молитве и хутбе. Может быть, что он встретился с неопитами, которые еще не знали этой молитвы. Неясно, почему Абу Хамид называет печенегов «сынами магрибинцев». Возможно, у самих печенегов была легенда о происхождении их с Запада 124.

Дальше следует глава о Венгрии — стране Ункурии, населенной народом башкирд, т. е. мадьярами. Сведения о Венгрии более подробны, чем о славянах; Абу Хамид провел здесь 3 года (1150—1153) и хорошо знал политическую и религиозную ситуацию в стране. Название Венгрии ал-Ункурийа мы встречаем также у современника Абу Хамида ал-Идриси (1154 г.) 125. Эта арабская транскрипция латинской «Ungaria» или «Hungarica». Обычно также у арабских авторов название венгров — «башкирд». Так их называл еще ал-Истахри, хотя и отличал от настоящих башкиров. То же название встречаем и труде Ибн Хаукаля. Вероятно, это связано с западными раннесредневековыми представлениями о прародине венгров — «terra Bascart id est Magna Hungaria» 126. Ал-Масуди называет венгров «башкирд», но иногда также «тюрьками». Тюрьками их называет и ибн Иакуб. Очевидно, [123] арабские писатели заимствовали это название от византийцев 127. Тюрьками в Византии называли и хазар, поэтому для венгров применялся термин «западные тюрьки». Абу Хамид знает, что венгры являются пришельцами в Центральной Европе, и пишет, что «народность», которую называют «башджирд», она первая аз тех, что вышли из страны тюрок и вступили в страну франков. Венгры появились в Паннонии в конце IX в. Сведения о пути венгров-кочевников с востока через Русь содержатся в венгерских хрониках, восходящих к XI в. Абу Хамид во время пребывания в Венгрии мог и слышать и читать о происхождении венгров — эта тема была популярна в венгерской исторической литературе 128.

Абу Хамид указывает, что Венгрия расположена от Великой Румии до границ Кустантинийа. Кустантинийа — это определенно Константинополь, что же касается Великой Румии, то об этом названии шел спор. В ряде рукописей Тухфа есть раздел «Описание великой Румии», за которым следует рассказ о пребывании Абу Хамида в Венгрии. Т. Левицкий посвятил этому рассказу специальное исследование, написанное до того, как стал известен Му'риб 129. Левицкий доказывал, что Румия, описываемая в Тухфе, это Константинополь, а не Рим, как считали Дорн и Ферран 130. Му'риб дает определенный ответ, что Великая Румия — это не Византийская империя, а «Священная Римская империя», между границами которой и Византией, по мнению Абу Хамида, простиралась Венгрия 131. Византия же называется Абу Хамидом «страной Рум». Это обычное у арабских авторов название (bilad ar-Rum), восходящее к официальному наименованию Византии, в средние века — «империя римлян» (по-гречески «ромеев»). Левицкий сам заметил некоторые несообразности [124] в рассказе Абу Хамида, если отнести его к Византии, но, исходя из своей концепции, решил, что Абу Хамид смешал сведения о Риме и Византии. Политическая ситуация в Румии, описываемая в Тухфе, больше подходит к Западной империи, чем к Византии: феодальные войны, разрушенные города, вооруженные замки, феодалы, которых не может одолеть царь,— картина, соответствующая периоду ожесточенной борьбы между Вельфами и Штауфенами. «А жители Румии — христианский народ, который называют «намис». Они храбрейшие из «инфранджей»...» Речь идет, как это установил еще Дорн, о немцах, что также соответствует рассказу о Риме, а не о Византии 132. Указание на то, что от Венгрии до Румии лишь несколько дней пути, больше подходит к Риму, так как, как утверждает Иакут, расстояние между Венгрией и Константинополем, по сообщению венгерского мусульманина, исчислялось в 2,5 месяца пути. Рассказ Абу Хамида о льняных тканях, которые из Румии ввозят в страну славян, на первый взгляд вызывает недоумение: ведь на Руси было развито льноводство и изготовление полотна было важным домашним промыслом. Тем не менее полотно ввозилось из за границы, из Западной Европы. Ввоз льняного полотна в Новгород зафиксирован документами в конце XIII в. 133. Мы не знаем, как обстояло дело во времена Абу Хамида, но несколько позже основными поставщиками полотна на

русский рынок были города Германии и Франции (Мюнстер, Кёльн, Любек, Деймс) 134.

Главным основанием считать Румию Тухфы Византией послужил Левицкому рассказ Абу Хамида о том, что он хотел поехать, чтобы посмотреть эту страну, «но мусульмане остановили меня и сказали, что один из братьев царя, который правит нами, уехал в Румию и женился на дочери его царя» и что если бы Абу Хамид туда поехал, то венгерских мусульман могли заподозрить в том, что они переслали деньги его брату для борьбы с венгерским королем. Левицкий считает, что «брат» короля — это претендент на венгерский престол Борис, сын короля Коломана и русской княгини Евфимии Владимировны. Абу Хамид был в Венгрии, когда там царствовал Геза II (1141—1161). Борис не был братом Гезы II, а лишь сводным братом его отца. [125]

Около 1129 г. Борис Коломанович находился в Византии, где вступил в брак с родственницей императора Иоанна II, но в 1150 г. императором был Мануил, и Абу Хамид не мог утверждать, что Борис женат на его дочери. Борис Коломанович участвовал в византийско-венгерских войнах и был при Мануиле во время его похода на Венгрию осенью 1151 г., но он не был единственным претендентом на венгерский престол. Таким претендентом был брат Гезы Иштван, который находился при дворе германского императора Фридриха I. В 1152 г. ходили слухи, что новый германский император замышляет войну с Венгрией. Возможно, что эта ситуация и послужила основой для рассказа Абу Хамида о брате короля. Левицкий считает, что Иштван только в 1154 г., т. е. после отъезда Абу Хамида из Венгрии, задумал переворот и бежал в Византию. Однако известно, что Иштван был в Византии с 1158 г., а до этого был у Фридриха. Некоторые историки полагают, что Иштван дважды был в Византии — около 1154 г. и вторично с 1158 г. Однако, как это видно из переговоров Фридриха с Гезой по поводу бегства Иштвана, «приходится сделать неизбежное заключение, что Иштван бежал в Германию прямо из Угрин и в Византию еще не ходил» 135. А если это так, то возможно пребывание Иштвана у Фридриха и до 1154 г. Венгерские источники не содержат никаких известий об этой истории, а немецкие источники рассказывают о ней уже под 1158 г. в связи с венгерским посольством к Фридриху, но не указывают, когда Иштван бежал из Венгрии. К. Грот полагал, что это произошло только в 1157 г., но никаких доказательств в источниках для этой даты нет. Словом, хотя остается неясным, о каком «брате» короля пишет Абу Хамид, не исключена возможность, что речь идет не о Борисе Коломановиче, а об Иштване.

Следует заметить, что путаницу в вопрос о судьбе Иштвана внесли византийские хронисты. Человек, которому гораздо более, чем Абу Хамиду, близки были события, о которых идет речь, замечательный византийский историк Киннам сообщает, что в 1154 г. на стороне византийского императора сражался сын венгерского короля Гезы Стефан (Иштван). Если учесть, что самому Гезе было в это время около 23 лет, то предположить, что у него был взрослый сын-воин, очень трудно. Очевидно, Киннам спутал Иштвана, брата Гезы, и Бориса Коломановича. Последний действительно участвовал в войне и был убит 136. [126]

Абу Хамид пишет, что в Венгрии Множество народа и 78 городов. «У каждого из этих городов — крепость, и многочисленные волости, и села, и горы, и сады». Левицкий, еще не зная этой последней фразы (ее нет в Тухфе), предположил, что речь идет о 78 городах — административных центрах комитатов. Цитируемая фраза это подтверждает. Современный хронист Фрейзингенский епископ Оттон

считает, что в Венгрии в середине XII в. было около 70 комитатов 137. В копенгагенской рукописи Тухфы тоже указано 70, а не 78 городов.

Чрезвычайно интересно сообщение о тысячах печенегов и хорезмийцев, которые живут в Венгрии и исповедуют ислам. При этом хорезмийцы внешне исповедуют христианство, а втайне — ислам. Отдельные отряды печенегов появлялись в Венгрии еще в X в. Их поселяли по границе для ее охраны. В середине XI в. печенеги оставили южнорусские степи и перешли в подавляющем большинстве в Византию и в Венгрию. Последнее проникновение значительного числа печенегов в Венгрию относится к 1122 г., когда византийский император Иоанн Комнин разгромил их отряды, опустошавшие Фракию. Печенеги бежали в Венгрию и заняли даже привилегированное положение при дворе Стефана II.

В XII в. с укреплением венгерской государственности происходит денационализация, омадьяривание печенегов 138. Часть печенежской орды находилась на службе у Гезы II, участвовала в его военных походах, в том числе в войне против Византии. Господствующей религией у печенегов был шаманизм. Но, как выше было сказано, по утверждению ал-Бакри, еще в начале XI в. некоторые из них приняли ислам. В XIII в. происходит их христианизация. На службе у Гезы были и другие тюркские отряды, в частности выходцы из Хорезма. Из Хорезма в Венгрию прибыли многочисленные колонисты, которые, как известно по нескольким источникам XI и XII вв., сыграли большую роль в венгерской армии и в качестве налоговых чиновников. Большая часть хорезмийцев была в то время уже мусульманами. Они упоминаются византийским историком Иоанном Киннамом под именем «Chalisen» («хвалисы» русских летописей). Киннам сообщает, что они исповедуют религию персов и служат во вспомогательных отрядах венгерской армии. По Киннаму, печенеги [127] были союзниками халисов в борьбе венгров с Византией 139. Положение венгерских мусульман после принятия Венгрией христианства несколько ухудшилось, но еще в конце XI в. они пользовались относительной свободой вероисповедания и благополучно жили. В период правления Коломана (1095—1114) был введен ряд ограничений для мусульман, что, по-видимому, и принудило хорезмийцев исповедовать ислам втайне, внешне считаясь христианами.

Абу Хамид обучает венгерских печенегов, так же как и киевских, пятничной молитве и «кое-чему» из богословия и, явно приписывая себе эту заслугу и, вероятно, преувеличивая, утверждает: «А сейчас у них больше 10 000 мест, где в пятницу произносят хутбу явно и тайно...» Абу Хамид отмечает изобилие и богатство Венгрии, дешевизну на ее рынках, в частности дешевизну рабов, и в особенности во время набегов...

«А царь башкирд все время разоряет страну Рум». Речь идет, вероятно, о столкновениях Гезы с Византией из-за Сербии и Далмации. В 1151 г. император Мануил пошел на Венгрию. Абу Хамид изображает события как абсолютную победу венгров, обративших в бегство двенадцать армий царя Рума. На самом деле было совсем не так. Если речь идет о венгерско-византийской войне 1151 г., то поход Мануила начался тогда, когда Геза был на Руси. Войска Византии разорили Сремскую область и взяли крепость Зимень на Дунае. По возвращении из русского похода Геза оттеснил византийскую армию за Дунай, но сам просил мира. Мануил взял много пленников и увел их с целью поселения на землях империи. В следующем, 1152 г. Геза требовал возвращения десяти тысяч пленных, уведенных и удержанных византийцами после прежнего похода. Он получил соответствующее обещание, но сомнительно, чтобы оно было исполнено 140. Абу Хамид

рассматривал войну с Византией как «джихад» — войну за веру, так как якобы император принуждает мусульман к принятию христианства, а король Венгрии проявляет веротерпимость. Но «царь Рума» в свою очередь утверждает, что и он строит своим мусульманам мечети, не принуждает их к принятию христианства и недоумеваает, почему мусульмане не сражаются вместе с ним.

Абу Хамид упрекает группу пленных тюрок из Кони за то, что они служат византийскому императору, и те объясняют. [128] что он нанял каждого из них за 200 динаров. Это не очень правдоподобно. Мануил воевал против малоазиатских сельджуков и в 1146 г. даже стоял под стенами их столицы Иконии (Коуии). В следующем году был заключен мир, но Мануил, стремившийся в связи с крестовыми походами стать во главе всего христианского ополчения, вряд ли стал бы (к тому же за большие деньги) набирать в свою армию исконных врагов христианства, каковыми считали сельджуков. С другой стороны, из рассказа Абу Хамида мы видим, что мусульманские стрелки очень высоко ценились в венгерской армии. И в самом деле, венгерские и немецкие хроники отмечают искусство и храбрость венгерских стрелков из сарацинов 141.

Абу Хамид утверждает, что «царь башкирд исповедует толк ифранджей потому, что он взял жену из них и совершает походы на страну ифранджей и берет их в плен». Ифранджами арабы называли франков и вообще западных европейцев. «Толк ифранджей» может быть понят как католическое, западное христианство. Утверждение, что Геза исповедует толк ифранджей, верно, но неверно другое: жена Гезы была не из «ифранджей», а русская, православная. Таким образом, остается неясной вторая часть фразы: неизвестно, что называет Абу Хамид «страной ифранджей»; если это страна, откуда происходит жена Гезы, то речь идет о походах в славянские земли и о пленных из этих земель. Возможно, однако, что следует иметь в виду войны Гезы с западными соседями. В 1146 г., например, он разгромил войска герцога баварского и маркграфа австрийского (в этой битве, по венгерскому свидетельству, пало 7 тыс. немцев).

Думаю, что рассуждение Абу Хамида о вреде вина и пользе многоженства должно было (по крайней мере в первой его части) звучать для Гезы убедительно не только в отношении мусульман. Во время летнего похода 1151 г., когда венгры помогали Изяславу в войне с Владимиром Володаревичем, последний перехватил союзную рать у Дорогобужа, где венгры была «пьяни аки мертвы», и перебил ее.

Абу Хамид оставил в Венгрии своего старшего сына Хамида и отправился в Саксин, приняв на себя от Гезы поручение взять с собой посланца, чтобы набрать воинов из беднейших мусульман и тюрок, и какое-то дипломатическое поручение к «царю славян», т. е., очевидно, к великому князю Киевскому Изяславу [129] Мстиславовичу. Геза II был женат на Евфросиии Мстиславовне и поддерживал тесные связи со своим шурином, князем волынским и киевским, нуждавшимся в венгерской помощи в своей борьбе против Чернигова, Суздаля и Галича.

При Гезе II. в течение 1148—1152 гг. венгерские войска совершили шесть походов в русские земли, помогая Изяславу Мстиславовичу 142. Можно поверить Абу Хамиду, что письмо Гезы расположило к нему Изяслава.

Из Киева в Саксин Абу Хамид отправился, очевидно, южным путем, через половецкие степи. Тем же путем возвращался его друг Абд ал-Карим и, по-видимому, посланец венгерского короля Исма'ил ибн Хасан. Абу Хамид выполнил поручение Гезы: набрал группу мусульман, «которые мечут стрелы», и от правил их в Венгрию. Сообщение любопытное — наемники из далекого Саксина наняты

для армии Гезы и в сопровождении Исма'ила ибн Хасана совершат далекий путь через степи и страну славян.

Сами по себе факты участия в военных походах «ратников по ремеслу» — «охочих» людей, как их называли на Руси, т. е. наемников, в XII в. широко известны. Чаще всего таковыми были полукочевые турки. Может вызывать удивление лишь то, что Гезе понадобилось почему-то нанимать стрелков в далеком Саксине.

Из Саксина Абу Хамид плыл морем месяц в Хорезм, большую страну, где много городов, селений, рустак, страну, богатую фруктами, славную своими учеными и поэтами.

Абу Хамид попал в Хорезм в период подъема политического могущества хорезмшахов. Если верно мнение В. В. Бартольда и упоминаемый здесь Ала ад-Даула — это хорезмшах Атсыз, то в его время владения хорезмшахов простирались от Каспия до нижней и средней Сырдарьи. Неизвестно, о каком канале говорит Абу Хамид, какой канал из Амударьи копал хорезмшах и умер, не закончив его. Но XII век — это период максимального развития орошения в низовьях Амударьи и Сырдарьи, создания огромных ирригационных сооружений, таких, как канал Чермен-яб, восстановленный и проведенный в глубь пустыни на 70 км 143. Земли Хорезма были очень заселенными, наличие большого количества «городов, селений и рустак» этого времени установлено археологическими исследованиями. Например, хорезмской экспедицией были раскопаны памятники сельского района (рустака) [130] Кават-кала В центре Находилась Крепость, а вокруг на пространстве 8 кв. км — свыше 90 крестьянских усадеб 144. Почти через 70 лет после Абу Хамада Хорезм посетил Йакут, который, так же как и Абу Хамид, свидетельствовал: «Не думаю, чтобы в мире были где-нибудь земли шире хорезмийских и более заселенные... Большинство селений Хорезма — города, имеющие рынки, жизненные припасы и лавки...»

Описанием Хорезма заканчивается Му'риб. Новый источник по истории Восточной Европы XII в. представляет большой интерес для историков, этнографов и археологов. Находка исторического источника восьмисотлетней давности в наши дни — явление очень редкое. В основном новые источники для древней и средневековой истории добываются теперь в результате археологических открытий, и создается впечатление, что архивы уже исчерпаны. Это впечатление неверно. Архивы таят еще множество огромных ценностей, и открытие рукописи ал-Гарнати — лучшее тому доказательство.

А. Л. Монгайт

Комментарии

1 Журн. «История СССР», 1959, № 1 (январь—февраль).

2 Сейчас после долгих отсрочек кафедрой арабской филологии ЛГУ подготовлены к печати переводы сообщений арабских авторов о народах СССР.

3 В. Ф. Минорский, Куда ездили древние русы? — «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы», М., 1964, стр. 25.

4 Там же, стр. 23.

5 В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 199—202. Предшественниками ал-Гарнати в описании Баку кроме ал-Масуди были ал-Истахри и ал-Мукаддаси. После него в XIII—XV вв. писали о Баку Йакут, Закария ал-Казвини, Хамдаллах Казвини и Бакуви.

6 К. Т. Каракашлы, Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа (Историко этнографическое исследование), Баку, 1964, стр. 247.

7 М. В. Фехнер, Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в., — «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 52—53.

8 В. И. Марковин, Сердолик — «камень счастья», — сб. «Повое в советской археологии», М., 1965, стр. 270—274.

9 Минорский, История Ширвана и Дербенда.

10 М. И. Артамонов, История хазар, стр. 122 прим. 37—подробная библиография вопроса об укреплениях Дербента.

11 F. M. Schmidt, Ueber Rubruk's Reise 1253—55, Berlin. 1885, стр. 85.

12 Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 122 Масуди приписывает постройку железных ворот еще Ануширвану, — там же, стр. 190.

13 Изд. М. J. Goeje. BGA, 111, 190 (i, стр. 376.

14 Е. А. Пахомов, Пехлевийские надписи Дербента, Баку, 1929.

15 В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 425.

16 Е. А. Пахомов, О дербендском княжестве. Баку, 1930.

17 Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 225.

18 Подробно о войнах хазар с арабами и завоевании Дагестана см.: Артамонов, История хазар..., гл. 13, стр. 202—232.

19 Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 125.

20 Там же, стр. 112. прим. 14. В конце приведенной цитаты Минорский неточен. Не все 223 тыс. лезгин проживали в Дагестане, 98 тыс. жили в Азербайджане и других местах.

21 См. стр. 64, прим. 24.

22 Якут, I, стр. 437—438.

23 Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 138

24 Не следует смешивать их с кумыками — тюркским народом Дагестана, живущим ближе к Каспийскому морю.

25 Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 132. Некоторые полагают, что произошло это название не от арабсь «Сарир» («трон»), а от иранского корня «sar» («гора») и означает «страна гор» или «страна горцев» («История Дагестана», т. I М. 1967, стр. 123).

26 W. Barthold, Daghestan, — «Enzyklopaedie des Islam» Bd I, Leiden — Leipzig, 1913, стр. 924—925; В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 410.

27 Д. М. Атаев, Галлинский могильник — памятник средневековой Аварии (Сернра), — «Ученые записки Института языка и литературы им. Гамзата Цадаса Дагестанского филиала АН СССР», т. XI, 1959.

28 «Народы Дагестана», М., 1955, стр. 24—25. В. М. Бейлис пишет, что к концу XI в. исчезает и самое название Сарира. Доказательство этого он видит в том, что Абу Хамид, посетивший Дербент в 1130 г., яе называет Сарир в числе владений Дербента (Бейлис, Из истории Дагестана, стр. 265). Бейлис судит по тексту Тухфа, упоминание сарирского языка в Му '•рибе ему не-было известно.

28 Хорошее представление о районе распространения ислама на Северном Кавказе дает карта находок арабских надписей в книге Л. И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках», ч. I, Надписи X—XVII вв., М., 1966, стр. 47.

30 Артамонов, История хазар..., стр. 359.

31 Это название в Тухфа было прочтено некоторыми арабистами как «руклан». Вот что пишет по этому поводу В. М. Бейлис: «Термин «руклан» встречается у ал-Истахри (BGA, I, стр. 186), впоследствии он повторяется у ал-Гарнати (Тухфат ал-албаб, стр. 83), А. Н. Генко отождествляет это название с «Рукушин» — названием даргинцев (Арабский язык и кавказоведение, — «Труды второй сессии Ассоциации арабистов», Л., 1941, стр. 108). Однако нам кажется более вероятным сопоставить этот термин с позднейшим названием селения Рукал в Южном Дагестане близ Дербента» (Бейлис, Из истории Дагестана, стр. 254).

32 В. Ф. Минорский пишет о том, что, согласно Иакуби, при халифе Мансуре (754-75 г.) близ Дербента было построено три города для арабов: Камах, Мухаммадийа и Баб-Вак. Последний соответствует Дарбаху (Дар-Бак) на реке того же названия. Жители Дарбаха говорили по-арабски еще в начале XX в. Минорский полагает, что Дарвак (Дарбах) у Гарнати (изд. Феррана, стр. 83) передан как *** вместо правильного ад-Дарвак (***) (Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 125, прим. 46).

33 Сейчас кубачинцы живут только в одном селе, у ал-Гарнати речь идет о двух селениях.

34 С XVI в. в литературных памятниках появляется название «кубачи» — турецкое «кёбечи» — «кольчужники».

35 Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 203.

36 Первые комментарии принадлежат Френу (Ch. M. Fraehn, Ueber ein merkwuerdiges Volk des Kaukasus. die Kubetschi, — «Bulletin scientifique», t. IV, 1838, стр. 33—45) и Дорну (B. Dorn. Auszuege, t. VI, стр. 700 и сл.).

37 В. В. Бартольд, Еще о самаркандских оссуариях, — Сочинения, т. IV, стр. 119—123. Дорн указывает на то, что у Казвини есть некоторые подробности, которых нет у ал-Гарнати: так, ал-Гарнати говорит, что на мешке, и который собирали кости, писали имя покойника; Казвини прибавляет, что писали также имя его родителей, время его рождения и смерти. Бартольд заключает: «Но все это не дает права утверждать, что Казвини пользовался кроме ал-Гарнати еще другими источниками, так как из приведенного в статье Дорна описания рукописи Азиатского музея (B. Dorn, Ober zwei fuer das Asiatische Museum erworbene Arabische Werke, — «Melanges Asiatiques», t. VI, livr. 5, 1872, стр. 675—677) и сравнения ее с другими рукописями видно, что все дошедшие до нас экземпляры сочинения ал-Гарнати являются точько сокращенными редакциями этого труда, тогда как в руках Казвини мог находиться полный экземпляр» (стр. 122).

38 К. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, — ЖМНП 1909 № 3 (март).

39 См. Примечания к переводу, № 30.

40 Ф. Вестберг, К анализу восточных источников о Восточной Европе, — ЖМНП, 1908, XIV, стр. 37 и сл.

41 Ibn Fadlan's Reisebericht, изд. Zeki Validi [Togan]. Abhandlungen fuer die Kunde des Morgenlandes, t. XXIV, № 3, Leipzig. 1939, стр. 204—205.

42 См. V. F. Buechner, Saksin, EI, IV, стр. 85—86.

43 B. Dorn, Gaspia, СПб., 1875, стр. 20.

44 T. Lewicki, Ze studiow nad zrodalami arabskimi. I. Opis Slawianszyny w . dziele podroznika arabskiego Abu Hamida al-Andalusiego, — «Slawia Antiqua», III. Poznan, 1951—52, стр. 140.

45 Ибн Исфайдийар, Тарих-и Табаристан (История Табаристана), изд. А. Икбала (на перс. яз.), Тегеран, 1941, ч. I, стр. 89. Сам Абу Хамид сообщает, что он трижды плывал из Саксина в Хорезм.

46 Jacut's geographisches Woerterbuch, I, Leipzig, 1866. стр. 255.

47 ПСРЛ, I, 453.

48 С. А. Аннинский, Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе,— ИА III М—Л 1940, стр. 86.

49 А. Н. Поляк, Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе, — «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы», М., 1964, стр. 46—со ссылкой на ал-Йунини, I, Хайдерабад, 1954, . стр. 533, 540.

50 The geographical part of the Nuzhat al-Qulub, GMS, XXIII, London, стр. 252.

51 П. В. Голубовский, Об гузах и торках,—ЖМНП, 1884, июль.

52 ПСРЛ, II, стр. 533.

53 Собственно, неизвестно, были ли «города» или Саксин был единственным городом. Других упоминаний о городах гузов в Поволжье в источниках этого времени мы не знаем. Авторы X в. рисуют гузов как кочевников, живущих в юртах. Так пишет Ибн Фадлан, то же сообщает автор Худуд ал-алем: «Гузы не имеют ни одного города, но народ, имеющий войлочные юрты, весьма многочислен» (V. Minorsky, Hudud al-'alarn, London, 1937, стр. 100). Но позже ал-Идриси (1099—1165) утверждает, что города гузов многочисленны, «они тянутся друг за другом на север и восток» («Материалы по истории Туркмении и туркмен», т. I, М. —Л., 1939, стр. 220). Речь здесь, конечно, может идти лишь об основной территории гузов — Северо-Восточном Приаралье. Но самый факт перехода гузов к полuosедлому хозяйству и возникновения «городов» на территории их расселения, вероятно, правильно замечен ал-Идриси. Возможно, что одним из таких городов был Саксин в Нижнем Поволжье. Возможно также, что эти города были основаны не гузами, а их предшественниками, жившими там и после прихода гузов.

54 С. П. Толстов, Города гузов, СЭ, 1947, № 3, стр. 78.

55 В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, — «Туркмения», т. I, Л., 1929, стр. 27—32. См. также В. М. Жирмунский, Огузский героический эпос и «Книга Коркута»,— «Книга моего деда Коркута», М. —Л., 1962, стр. 131— 258.

56 Сувары-чуваши (савиры) вначале были тесно связаны с-хазарами, а потом с волжскими булгарами. Один из главных. городов Булгарии назывался Сувар (ср. стр. 67, прим. 36).

57 См. стр. 66, прим. 33.

58 Расстояние между Итилем и Булгаром, по сообщению ал-Истахри, составляет вверх по течению 2 месяца, а по Ибн Хаукалю — вниз по течению — 20 дней. Б. Н. Заходер исходя из тождества Саксина и Итиля считал весьма загадочным определение того же расстояния Абу Хамидом в 40 дней. «При отсутствии у Абу Хамида определения вверх и вниз по течению единственно возможное предположение таково: испанский путешественник XII в. сложил вместе приводимые у Истахри и Ибн Хаукаля цифры и поделил их пополам» («Каспийский свод», I, стр. 103). Это предположение совершенно необоснованно. Мы вообще не знаем, был ли знаком Абу Хамид с сочинениями Истахри и Ибн Хаукаля. К тому же зачем ему было производить какие-то вычисления, если он сам проделал этот путь. Этот путь был от Саксина вверх по Волге, и занял он 40 дней.

59 См. стр. 71, прим. 77.

60 И. И. Ашмарин, Булгары и чувашы, — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XVIII, Казань, 1902, стр. 10.

61 Д. А. Хвольсон, Известия о хазарах, стр. 87—88.

62 А. П. Смирнов, Волжские булгары, М., 1951, стр. 45.

63 Ковалевский, Книга Ибн Фадлана, стр. 138; V. Minorsky, Sharafaz Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India, London, 1942, стр. 34, 113.

64 Ch. M. Fraehn. Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte uber die Russen alterer Zeit, SPb. 1823.

65 Я. В. Станкевич, Хронологическая классификация погребений юго-восточного Приладожья,— КСИИМК, XIV, 1947. стр. 74—77; Л. А. Голубева, Археологические памятники веси на Белом Озере, СА, 1962, № 3, стр. 53—77.

66 На ошибку Дублера впервые указал И. Хрбек (I. Hrbek, Arabico-Slavica. Archiv Orientaini, XXIII, 1955; стр. 111; Novy arabski pramen, стр. 164—165).

67 ПСРЛ, VIII, 34; XI, 45.

68 ПСРЛ, XIII, 166, 167, 176, 202, 210, 211, 222, 225, 229, 230 и далее.

69 ПСРЛ, XIII, 230.

70 Н. Ашмарин, Словарь чувашского языка, I, Казань, 1928, стр. 302, 316.

71 Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 197. Димашки уверяет, что арсанийа съедают тех, кто бывает у них из иноземцев, так как «они дикие и населяют чащи и заросли [на берегу] Обнимающего океана» (Б. Н. Заходе р, Каспийский свод, I, стр. 103).

72 А. Л. Монгайт, К вопросу о трех центрах древней Руси, — КСИИМК, XVI, 1947, стр. 103—112; его же, Рязанская земля, стр. 98—114.

73 А. П. Новосельцев. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв., — «Древнерусское государство и его международное значение», М., 1965, стр. 408—419.

74 Р. Хенниг, Неведомые земли, т. II, М., 1961, стр. 266.

75 С. Н. Блажко, Курс сферической астрономии, М. —Л., 1948.

76 Описание «страны мраков» имеется в энциклопедии арабского литератора XIV в. ал-Умари: «Купцы наших стран не забираются дальше города Булгара; купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера. Позади их (уже) нет поселений, кроме большой башни, построенной Искандером на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а (находятся) только мраки. Спросил его: что это у тебя за мраки? Он сказал: пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз, над ними не восходит солнце, в них не растут растения и не живут никакие животные; они тянутся вдоль до Черного моря; там непрерывно бывает дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце» (В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, Извлечения из сочинений арабских, СПб., 1884, стр. 240—241). Хенниг считает, что название Крайнего Севера «страной тьмы» свидетельствует о том, что купцы туда ездили зимой, так как летом там почти не прекращается день, и больше бы подходило название «страны света». Однако, как видно из цитированного отрывка ал-Умари, «мраками» называют холодные, недоступные из-за плохого климата места. Отсюда и «море Мраков». Если арабы и доходили до Крайнего Севера, то скорее в летнее время, чем зимой, и летние туманы им и представлялись «тьмой», «мраком». У Хеннига к цитированному выше тексту ал-Умари прибавлен абзац, которого нет в переводе Тизенгаузена: «За Югрой живет на берегу морском народ, пребывающий в крайнем невежестве. Они часто ходят в море» (Р. Хенниг, Неведомые земли, т. II, стр. 258).

77 Марвази пишет: «На расстоянии пути в 20 дней от них (булгар. — А. М.) по направлению к полюсу страна, называемая ису, а за нею люди, зовут их йура». «Они народ дикий, обитают р чашах, не имеют сношений с людьми, боятся зла от них». «Булгары ездят к ним, возят товары, как-то: одежды, соль, другие вещи... торгует народ йура при посредстве знаков и тайно из-за дикости их и страха перед людьми; вывозят от них превосходных соболей и другие прекрасные меха, ведь они охотятся на этих зверей, питаются их мясом, одеваются в их шкуры» (V. Minorsky, Marwazi, стр. 44, 45. Перевод Б. Н. Заходера, — «Каспийский свод», т. II, стр. 61, 63). Бируни указывает, что расстояние от вису до юра равно 12 дням.

78 Возможно, что некоторая часть югры двигалась п на запад. На карте Московии, изданной в Париже в 1706 г. (Guillaume de l'Isle, Carte de Moscovie), народ югра показан по верхнему течению р. Мезени до верховьев р. Цыльмы.

79 Переводы соответствующих текстов приведены Б. Н. Заходером, см. «Каспийский свод», стр. 63—65.

- 80 J. de Hammer, *Sur les origines russes. Extraits de Manuscrits Orientaux*, SPb., 1827, стр. 10.
- 81 Б. А. Колчин, *Черная металлургия и металлообработка в древней Руси*, М., 1953, стр. 137—139.
- 82 Д. А. Хвольсон, *Известия о хазарах*, стр. 190.
- 83 Отрок Гюряты Роговича, посланный в Печору к людям, дающим дань Новгороду, встретившись с югрой, услышал от них о живущих еще дальше, за горами и лесами, людях. «В горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, и не понять языка их, но показывают на железо и делают знаки руками, прося железа, и, если кто дает им нож ли или секиру, они в обмен дают меха»,—«Повесть временных лет», М. —Л., 1950, стр. 167.
- 84 С. Дублер, *Абу Хамид*, стр. 293.
- 85 A. Zeki Validi, *Ibn Fadlans Reisebericht*, стр. 171.
- 86 Б. Н. Заходер, *Каспийский свод*, т. II, стр. 65.
- 87 См. А. В. Арциховский, *Лыжи на Руси*, — ТИЭ, нов. серия, т. I, М. —Л., 1947, стр. 57.
- 88 Так, например, Ибн Фадлан обозначал термином «сакалиба» все северные народы (K. Czegledy, *Zum meschheder Handschrift von Ibn Farlan's Reisebericht*,— «Acta Orientalia Hungarica», t. I, Budapest, 1952, ч. 2—3, стр. 231). Минорский указывает, что термин «саклаб» очень расплывчат. Арабы, как видно, отправлялись от сведений о западных славянах. Однако этим термином обозначается и большая часть Средней Европы, вплоть до Балтики и Дона. Масуди знает ряд славянских племен: волынян, дулебов, хорватов и др., но в число их включает и германцев и венгров (Минорский, *История Ширвана и Дербента*, стр. 146). Т. Ковальский и Т. Левицкий считают, что хотя термин «саклаб» обозначает у арабских авторов также различные неславянские народы, однако преимущественно он соответствует нашему понятию «славяне» (Т. Kowalski. *Relacja Ibrahima ibn Jakuba z padrozy do krajow slowianskich w przekaanie al-Bekriego*, Krakow, 1946, стр. 55—56; Т. Lewicki, *Zrodia arabskie*, стр. 7—9).
- 89 Монгайт, *Рязанская земля*, стр. 305—312.
- 90 Т. Lewicki, *Zrodia arabskie*, стр. 133—134. А. П. Новосельцев оспаривает этот вывод Левицкого (Восточные источники, стр. 369, прим. 71).
- 91 Т. Lewicki, *Baltyk w opisach autorow arabskich IX— X ww.*, — «Przegbad Orientalistyczny», Wroclaw, Bd I, 1949, стр. 58; См. И. Ю. Крачковский, *Арабская географическая литература*, Сочинения, т. IV, М. —Л., 1957, стр. 158—159.
- 92 *Bibliotheca Geographorum Arabicorum*, t. V, Lugduni — Batavorum 1885, стр. 270.
- 93 Zeki Validi (Togan), *Voelkerschaften des Chazarenreiches im IX Jahrhundert*. Korosi Csoma-Archivum, t. IIIB; Budapest — Leipzig, 1940, стр. 62.
- 94 И. Г. Спасский, *Из истории древнерусского товароведения*, — КСИИМК, 62, 1956, стр. 45—50; В. Д. Янин, *Денежно-весовые системы русского средневековья*, М., 1956.
- 95 «*Sur les origines russes*». *Extraits de manuscrits orientaux par J. de Hammer*, St. -Petersbourg, 1825 [1827], стр. 101, 57.
- 96 Н. Д. Миклухо-Маклай, *Географическое сочинение XIII в, на персидском языке*, — УЗИВ, IX, 1954, стр. 186—189.
- 97 «Вместо ходячей серебряной монеты они пользуются Шкурками, лишенными волос, однако имеющими лапы и когти; если же чего-либо из этого недостает, такая шкура непригодна для обращения (как монета). Они не могут вывозить эти шкуры за границу и употребляют их клейменными (имеющими на себе тамгу) «.
- 98 И. П. Бауэр, *Денежный счет «Русской правды»*,— «Вспомогательные исторические дисциплины», М. —Л., 1937, стр. 184—185.
- 99 И. Г. Спасский, *Из истории древнерусского товароведения*, стр. 50.

100 Ковалевский, Книга Ибн-Фадлана, стр. 44.

101 Другой вариант перевода этого места у А. П. Ковалевского: «Дирхемы русов — это шкурки белки...» и т. д. (Ковалевский, Книга Ибн-Фадлана, стр. 153).

102 В этом месте А. П. Ковалевский делает примечание: «То есть перед отъездом купца из их страны он на эти деньги покупает товары» (Ковалевский, Книга Ибн-Фадлана, стр. 44, прим. 2).

103 Низами Гянджеви, Искандер-намэ, ч. I., пер. Е. Э. Бертельса, Баку, 1940, стр. 357—358 (см. также пер. К. Липскерова, М., 1953, стр. 420).

104 Эта цифра сообщена мне В. Л. Яниным.

105 Наиболее полный обзор всей предшествующей литературы о пломбах был дан К. В. Болсуновским («Дрогичинские пломбы», Киев, 1894). Позже о пломбах писали Н. П. Лихачев («Материалы для истории византийской и русской сфрагистики», т. II, Л., 1930), А. В. Орешников («Классификация древнейших русских монет по родовым знакам», — ИАН, Отд. гуманитарных наук, 1930, № 2), Б. А. Рыбаков («Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XIII вв.»). Т. Левицкий посвятил специальную статью вопросу о торговом значении Дрогичина и о назначении найденных там пломб (Т. Lewicki. Znaczenie handlowe Drohiczyzna nad Bugem, — «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej», R. IV, № 2, 1950, стр. 196).

106 Это мнение, впервые высказанное, кажется, английскими археологами, было поддержано К. В. Болсуновским, И. В. Луцицким, А. В. Орешниковым и др. Из работ советских ученых следует отметить статью Б. А. Рыбакова «Торговля и торговые пути» («История культуры древней Руси», т. I, М. —Л., 1948; стр. 343—345). Этой же точки зрения придерживался автор данной статьи в книге «Старая Рязань» (М., 1955, стр. 160—161).

107 Экономисты, занимавшиеся проблемами денежного обращения в феодальную эпоху, признавали вполне допустимым обращение мехов. Ф. И. Михалевский, не зная еще сообщения ал-Гарнати, но основываясь на источниках, доступных Карамзину, писал: «Теоретически может быть допущено и обращение головок. Число головок не может превышать числа убитых зверей и, следовательно, ограничено количеством труда, которое может быть затрачено на охоту, и производительностью этого труда. С этой точки зрения теоретически допустимо обращение шкурок и после того, как на них вытерлась шерсть» (Ф. И. Михалевский, Очерки истории денег и денежного обращения, т. I. Деньги в феодальном хозяйстве, Л., 1948, стр. 235). Возможность существования «ассигнаций» на ранних этапах денежного обращения признавал К. Маркс. Он писал: «Россия представляет поразительный пример естественного возникновения знака стоимости. В те времена, когда деньгами там служили шкуры и меха, противоречие между этим неустойчивым и неудобным материалом и его функцией в качестве средства обращения породило обычай заменять его маленькими кусочками штемпелеванной кожи, которые таким образом превращались в ассигновки, подлежащие оплате шкурами и мехами» (К. Маркс, К критике политической экономии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 13, М., 1959, стр. 99). Конечно, нельзя полностью принять данный вывод К. Маркса, так как он основан на неточной информации, полученной им от Г. Шторха, в свою очередь заимствовавшего сведения у Карамзина. Для нас в данном случае важно, что великий экономист не видел никакой экономической несообразности в существовании ассигнаций в форме кожаных денег.

108 Б. А. Рыбаков, Знаки собственности, стр. 245.

109 В. Ф. Минорский считал допустимым вариантом перевода «знак царства» вместо «изображения царя», см. «Очерки русской культуры XIII—XV вв.», М., 1969, стр. 323.

110 Н. П. Лихачев, Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, стр. 80—81.

111 Ибн Руста, сведения которого относятся ко времени на 200 лет раньше, сообщал о меховых деньгах у болгар: «Главное из имущества их — куницы, нет у них имущества (богатства. —А. М.) в золоте или серебре, так как дирхемы их — куницы; ходит у них одна куница за два дирхема с половиной, а белые, круглые дирхемы привозят из областей ислама, совершают на них сделки» (пер. Б. Н. Заходера, — «Каспийский свод», II, стр. 34).

112 А. И. Никитский, История экономического быта Великого Новгорода, М., 1893, стр. 95; А. А. Шахматов, Исследование о Двинских грамотах XV в., СПб., 1903, стр. 59 и ел. Вообще у многих восточноевропейских народов меха, в частности беличьи, долго служили денежными единицами.

Об этом см.: Э. Беке, Беличья система валюты у мари, — «Acta Linguistica Academia scientiarum Hungaricae», т. I, вып. 1, Budapest, 1951, стр. 65—75. Проблеме существования неметаллических денег в средние века посвящена статья J. Sztetyllo, Czeski i morawski pieniodz pozakruszowy wczesnego sredniowiecza, — «Kwartalnik Historii Kultury Materialny», R. XI, № 3—4, 1963, стр. 505—522.

113 C. Sattler, Die Handels rechnungen des Deutschen Ordens, Leipzig, 1887.

114 Л. Х. Штида, О различных именах сортов меха в ганзейское время, — «Труды IX археологического съезда в Вильне (1893)», т. II, М., 1897, стр. 48—49.

115 Hansisches Urkundenbuch, bearbeitet von K. Hohlbaum III, Halle, 1882—1886, № 559, стр. 312. См. также: J. Sztetyllo, Scheven en Russie de Vladimir d'apres le taraf des peages et des douanes du milieu du XIV-e siecle, — «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej», R. XIV, № 4, 1966, стр. 779—793.

116 М. П. Лесников, Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV и начале XV в., — ИЗ, т. 39, стр. 270; C. Sattler, Die Handels, стр. 343, 353. Утверждение, что «рейзе» равняется 18 шкуркам, совпадает с прямым указанием в претензии ливонских городов к Англии в 1406 г.: «34 reysas levissimi operis dicti sohewenissen, et reysa continen 18 pelles» (K. Kunze, Hanseakten aus England 1275 bis 1413, Halle, 1891, стр. 243). А. Л. Хорошкевич соглашается с Л. Х. Штидой и считает, что название единицы счета шевенисс «geyse» произошло от русского глагола «резать» и свидетельствует лишь о том, что шевениссы — это обрывки или обрезки меха («Торговля Великого Новгорода в XIV—XV веках», М., 1963, стр. 82).

117 М. А. Дьяконов, Очерки общественного и государственного строя древней Руси, СПб., 1910, стр. 113; С. В. Юшков, Общественно-политический строй и право Киевского государства, М., 1949, стр. 430. Б. Д. Греков сомневался в этом, полагая, что термин «продать» в «Русской правде» касается только имущества, а не личности самого должника (Б. Д. Греков, Киевская Русь, М., 1953, стр. 185—186).

118 Y. Marquart, Osteuropaeische und ostasiatische Streifzuege, Leipzig, 1903, стр. 96.

119 Uno Harva, Die religiosen Vorstellungen der Mordwinen (Aus dem Finnischen uebersetzt), — «F. F. Communications», Bd LX, № 142, Helsinki, Finnische Akademie der Wissenschaften, 1952, стр. 456.

120 Е. В. Петухов, Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века, СПб., 1888, стр. 64; Приложение, стр. 12. О Серапионе Владимирском см. также: «История русской литературы», т. II, ч. 1, М. —Л., 1945, стр. 45—50.

121 Вообще у Казвини, очевидно, спутан текст о мордве и славянах. Этого мнения придерживается И. Хрбек, посвятивший специальное исследование вопросу о взаимоотношениях текста Абу Хамида и ал-Казвини (I. Hrbek, Arabico-Slavica, стр. 124—135). И. Хрбек полагает, что нижеследующие сведения о славянах заимствованы Казвини из другого варианта утраченной рукописи ал-Гарнати: «К этому следует добавить, что когда у кого-нибудь родится сын, то он заботится о нем до тех пор, пока [ребенок] возмужает. Когда он вырастает, то [отец] дает ему лук и стрелы и говорит: «Иди и заботься о себе». И прогоняет его от себя и держит его у себя в доме, как чужого или иностранца». Хрбек полагает, что это сообщение относится к мордве, а не к славянам. Вслед за этим идет текст, по-видимому относящийся к славянам: «К этому следует, что их дочери, когда они девушки, выходят [из дому] с обнаженной головой, так что каждый может видеть. Если кто-нибудь ее [девушку] пожелает, то он кладет ей на голову покров [платок], и так она становится его женой, и никто ее не отберет у него». Обычай ходить с непокрытой головой девушке и повязывать голову платком замужним женщинам хорошо известен у славян и неизвестен, по крайней мере судя по доступной литературе, у мордвы. Нужно думать, что, описывая этот обычай, Абу Хамид имел в виду славян. Дальше следует текст: «И они бывают женаты на двадцати и более женщинах; и поэтому они очень многочисленны, так что даже [невозможно] их просчитать». Полигамия у славян в XII в. если и существовала, то представляла редкое явление, так как противоречила христианской религии. Зато, у мордвы полигамия была распространена еще в XVIII в., и каждый мужчина мог иметь столько жен, сколько он хотел и мог прокормить (И. Н. Смирнов, Мордва, Казань, 1898, стр. 156—160) Анализируя приведенные тексты, И. Хрбек приходит к выводу, что Казвини механически соединил и смешал сведения Абу Хамида, относящиеся к славянам и к мордве.

122 В. М. Бейлис, Про назву Києва и арабських географів Х ст. та спроба її тлумачення в історичній літературі — «Український історичний журнал», № 1, 1960, стр. 81-86; J. Hrbek, Arabico-slavica, стр. 119—120.

123 Ал-Баكري пишет: «Случился у печенегов пленный из мусульман, который и объяснил ислам некоторым из них, вследствие чего те и приняли его... и стала распространяться между ними пропаганда ислама» (А. Куник, В. Розен, Известия ал-Баكري и других авторов о Руси и славянах, I, СПб., 1878, стр. 58).

124 См. стр. 74, прим. 105.

125 T. Lewicki, Polska i kraje sasednie w swietle «Ksiengi Rogera» geografa arabskiego z XII w. al-Idrisi'ego, Krakow, 1945, стр. 59.

126 V Minorsky, Hudud al-alam, London, 1937, стр. 318— 319.

127 J. Marquart, Osleuropaeische und Ostasiatische Streif-zuege, стр. 47, 148.

128 Происхождение венгров неясно. По языку они родственны угро-финским народностям Поволжья и Приуралья, которых славяне называли «уграми». Имя «венгры» является, по-видимому, языковой разновидностью древнего наименования «угры». Сами они называют себя «мадьярами». См. Э. Мольнар, Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа, Будапешт, 1955.

129 T. Lewicki Wegry i muzulmanie wegierscy w swietle relacji podroznika arabskiego z XII w. Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati'ego, — «Rocznik orijenaliistyczny», t. XIII (1937), Lwow, 1938, стр. 106—122.

130 См. стр. 80, прим. 179.

131 Название «Великая Румия» известно у арабских авторов уже в X в. и, очевидно, соответствует греческому γ megalh Rwmh, Константина Багрянородного (De adm. imp. 21).

132 Название «немцы» Абу Хамид мог узнать только от славян, называвших так германцев.

133 А. Л. Хорошкевич, Торговля Великого Новгорода в XIV—XV веках, М» 1963, стр. 207.

134 H. Amman, Deutschland mid die Tuchindustrie Nordwesteuropas im Mittelalter, — «Hansische Geschichts-blaetter», lg. 72, 1954, стр. 16.

135 К. Грот, Из истории Угрии и славянства в XII веке, Варшава, 1889, стр. 202.

136 F. Chalandon, Jean II Comnene et Manuel I Comnene, Paris, 1912, стр. 413.

137 Ottomis Frisingensis Chronicon, — «Monumento Germaniae Historica Scriptorum», t. XX.

138 Д. Расовский, Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии, — «Seminarium Kondakovianum», VI, Praha, 1933, стр. 1—64.

139 Иоанн Киннам (Joannes Cinnam) род. после 1143, ум. около 1203 г. (Русский перевод его труда: Иоанн Киннам, Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов, изд. В. Н. Карпова, СПб., 1859).

140 В. Г. Васильевский, Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 66.

141 Сарацинами и исмаилитами латинские источники называют венгерских мусульман. В начале средних веков сарацинами называли всех арабов, позже — вообще мусульман. Происхождение слова остается невыясненным.

142 В. Т. Пашуто, Внешняя политика древней Руси, М., 1968, стр. 167—178.

143 С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации М. — Л., 1948, стр. 227.

144 С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 258.

Список библиографических сокращений

ГИМ — Государственный Исторический музей.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».
ИА — Исторический архив.
ИАН — «Известия Академии наук СССР».
ИЗ — «Исторические записки».
КСИИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры».
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
СА — «Советская археология».
СВ — «Советское востоковедение».
СЭ — «Советская этнография».
ТИЭ — Труды Института этнографии.
УЗИВ — «Ученые записки Института востоковедения».
SB—Supplernentbande (см. GAL), I—III, Leiden, 1936—39.
GAL — Geschichte der arabischen Litteratur von Carl Brockelmann, Bd I, Weimar, 1898; Bd II, Berlin, 1902.
EI — Enzyklopaedie des Islam.
JA — «Journal Asiatique».

Источники и литература

Артамонов. М. И. История хазар. Л., 1962.

Бейлис, Из истории Дагестана. — В. М. Бейлис, Из истории Дагестана VI—XI вв. (Сарир),—ИЗ, т. 73, М., 1963.

Беляев, Арабские рукописи. — В. И. Беляев, Арабские рукописи из Йемена в собраниях Ташкента,—СВ, IV, Л., 1947, стр. 35—72.

Дублер, Абу Хамид. — Abu Hamid el Granadino y su relacion de viaje por tierras eurasiaticos por Cesar E. Dubler, Madrid, 1953.

Заходер, Каспийский свод. — Б. Н. Заходер, Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне, М.. 1967.

Ибн Халликан. — *** Ibn Khallikan's Biographical Dictionary, transl. from the arabic by Mac Guckin de Slane, vol. I—IV, Paris, 1842—1871.

Ибн Хаукал, изд. де Гье. — Bibliotheca geographorum arabicorum edidit M. J. de Goeje. Pars secunda. Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal, Lugduni Batavorum, 1873.

Ибн Хаукал, изд. Кримерса. — Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abu'l-Kasim ibn Haukal al-Nasibi) Secundum textum et imagines codices Constantinopolitani conservati in Bibliotheca Antiqui Palafii № 3346 cui titulus est «liber imaginis terrae» edidit collatio texfu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J. H. Krarners, Lugduni Batavorum — Lipsiae, 1938.

Истахри, каирск. изд. Al-masalek wal mamaiek by Istakhry. Re-edited by Muh. G. Abel. el Aal el Hini, Cairo, 1961.

Йакут. —Yakut's geographisches Woerterbuch, aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wustefeld, Bd I—VI, Leipzig, 1866—1873.

- Казвини, Аджайб, — Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Erster Theil *** Die Wunder der Schoepfung. Aus den Handschriften... hrsg. von F. Wuestenfeld, Goettingen, 1849.
- Казвини, Асар ал-билад. — Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Zweiter Theil. *** Die Denkmaeler des Laender. Aus den Handschriften... hrsg. von F. Wuestenfeld, Goettingen, 1848.
- Караулов, Сведения. — Н. А. Караулов, Сведения арабских географов IX—X веков по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. Текст, перевод и примечания, Тифлис, 1901.
- Ковалевский, Книга Ибн-Фадлана. — А. П. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии, Харьков, 1956.
- Ковалевский, Чуваши и болгары. — А. П. Ковалевский, Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн Фадлана, — «Ученые записки научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР», вып. IX, Чебоксары, 1954.
- Крачковский, Сочинения, IV. — И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, М. — Л., 1957.
- Лихачев. — Н. П. Лихачев, Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, т. II, Л., 1930.
- Маккари. — *Analectes sur l'histoire et la litterature des Arabes par al-Makkari. Publies par R. Dozy, G. Dugat, L. Krehl et W. Wright, t. I—II, Leide, 1858—1861.*
- Марвази. — *Sharaf al-Zaman Tahir Marwazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A. D. 1122) with an English translation and commentary by V. Minorsky, London, 1942.*
- Мас'уди, Мурудж. — *Macoudi, Les Prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. I—IX, Paris, 1861—1877 (Collection d'ouvrages orientaux publie par la Societe asiatique).*
- Минорский, История Ширвана и Дербенда. — В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда X—XI веков, М., 1963.
- Монгайт, Абу Хамид. — А. Л. Монгайт, Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1151—1153 гг., — «История СССР», 1959, № 2, стр. 169—181.
- Монгайт, Рязанская земля. — А. Л. Монгайт, Рязанская земля. М., 1961.
- Новосельцев. Восточные источники. — А. П. Новосельцев, Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв., — «Древнерусское государство и его международное значение», М., 1965.
- Расовский. Печенеги. — Д. А. Расовский, Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии, — Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени И. П. Кондакова [Seminarium Kondakovianum], VI, Прага, 1933, стр. 1—64.
- Рыбаков, Знаки собственности. — Б. А. Рыбаков, Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв., — са, 1940, VI.
- Ферран, Тухфа. — *Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati edite d'apres les MSS 2167, 2168, 2170 de la Bibliotheque Nationale et de MS c'l'Alger par Gabriel Ferrand. — JA, vol. CCVII, 1925, стр. 193—304, 1—148.*
- Хвольсон, Известия о хазарах. — Д. А. Хвольсон, Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Ибн Даста, СПб., 1869.
- Dorn, Auszuege. — *Auszuege aus vierzehn morgenlaendischen Schriftstellern, betreffend das Kaspiische Meer und angraenzende Lander, von B. Dorn, — «Melanges Asiatiques, tires du Bulletin historico-philologique de l'Academie Imperiale des Sciences de St. -Petersbourg», t. VI, St. Pbg., 1873, стр. 685—716.*
- Jacob. — *G. Jacob, Des Spanisch-arabischen Reisenden Abu Hamid Kosmographie «Tuhfat al-albab» und ihre wissenschaftliche Ausbeute, — Studien in arabischen Geographen», III, Berlin, 1892.*

Hrbek, *Novy arabsky pramen*. — I. Hrbek, *Now arabsky pramen o vychodne a stredne Evrope*, — «Cesko-slovenska Etnographie» II, № 2, 1954, стр. 157—175.

Hrbek, *Arabico-Slavica*. — I. Hrbek, *Arabico-Slavica. I Abu Hamid al-Andalusi und sein Werk Mu'rib*,— «Archiv Orientalny», t. XXIII, 1955, стр. 109—135.

Lane, *Lexicon*. — *An Arabic-English Lexicon derived from the best and the most copious eastern sources...* by Edward William Lane, pt 1—8, London, 1863—1893.

Lewicky, *Zrodla arabskie*. — T. Lewicky, *Zrodla arabskie do dziejow slowianszczyzny*, I, Wroclaw — Krakow, 1956.

Lewicky, *Wegry*. — T. Lewicky, *Wegry i musulmanie wegerscy w swiete relacji podrozownika arabskiego z XII w.*

Abu Hamid al-Andalusi al-Garnatiego,— «Rocznik orientalistyczny», t. XIII, Lwow, 1938, стр. 106—122.

Marquart. — J. Marquart, *Osteuropaeische und ostasiatische Streifzuege. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840—940)*, Leipzig, 1903.

Minorsky, *Caucasica*. — V. Minorsky, *Caucasica*, IV, — BSOAS, vol. XV, pt 3, 1953. Pertsch. — W. Pertsch, *Die orientalischen Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha...*, Bd 3, Gotha, 1881.

Tauer, *Annotationes*. — F. Tauer, *Annotationes critiques au texte du Tuhfat al-Albab d'Abu Hamid al-Mazini edite par G. Ferrand*, — «Archiv Orientalny», t. XVII, 1950, стр. 298—316.